

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

ПРЕДМЕТЪ АСТРОНОМІИ

СОЧИНЕНІЯ.
КАРАМЗИНА.

—
ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III и IV.

Изданіе Александра Смирдина.

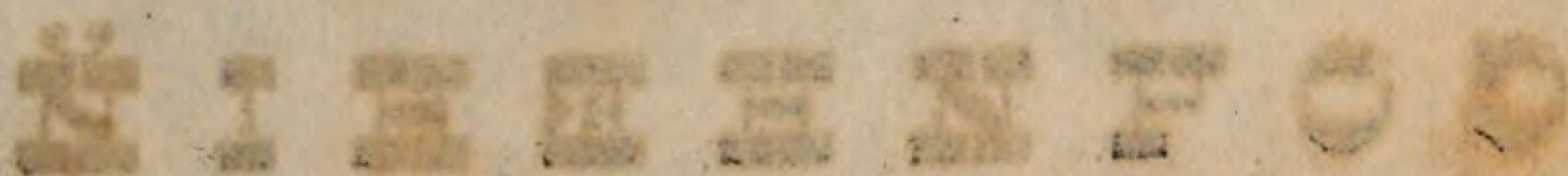
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

Abgeschrieben
Stadtbibliothek München

Ja 1641946

ПОЛНОЕ СОПЯНИЕ

ПЕЧАТЪ АНТОПОЛ

СОЧИНЕНІЯ.
КАРАМЗИНА.

—

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III и IV.

Изданіе Александра Смирдина.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ

ДОКУМЕНТЫ

СОЧИНЕНІЯ.
КАРАМЗИНА.

—
ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III и IV.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1851.

Abgeschrieben
Stadtbibliothek München

Ja 1641946

СОПНЕНН

КАРАМЗИН

ИСТОРИ

ТОМЪ 10

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Staatsbibliothek
München

Цѣна за 10 томовъ 10 рубл. сер.

Abgeschrieb
Staatsbibliothek München

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1851.

HOAR'S COMPANY

PROPRIETARY

ИСТОРІЯ
СУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

COPIED

BAVARIA

RECTOR

LOCUS

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Цена за 10 томов 10 рубл. сер.

Abgeschrieben
Staatsbibliothek München

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1852.

ИСТОРИЯ

РОССІЙСКАГО ЦАРСТВА

ПЕЧАТАНО

по Высочайшему повелѣнію.

ВЪ САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГѢ

ВЪ ТИПОГРАФИИ СЪЗДАТЕЛЯ

1851.

ИСТОРИЯ

ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКАГО.

ТОМЪ IV.

ГЛАВА I.

Великій Князь Ярославъ II Всеволо-
довичъ.

Г. 1238—1247.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Россіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Александра Невскаго. Россія въ подданствѣ Моголовъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе Михаила. Даніилъ честимый въ Ордѣ. Любопытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Политика Даніилова. Даніилъ Король Галицкій.

Ярославъ пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Въ такихъ обстоятельствахъ Государь чувствительный могъ бы возненавидѣть власть ; но сей Князь

Б о д-
рость
Я р о-
слава.

хотѣлъ славиться дѣятельностію ума и твердостію души, а не мягкосердечіемъ. Онъ смотрѣлъ на повсемѣстное опустошеніе не для того, чтобы проливать слезы, но чтобы лучшими и скорѣйшими средствами загладить слѣды онаго. Надлежало собрать людей разсѣянныхъ, воздвигнуть города и села изъ пепла — однимъ словомъ, совершенно обновить Государство. Еще на дорогахъ, на улицахъ, въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ лежало безчисленное множество мертвыхъ тѣлъ: Ярославъ велѣлъ немедленно погребать ихъ, чтобы отвратить заразу и скрыть столь ужасные для живыхъ предметы; ободрялъ народъ, ревностно занимался дѣлами гражданскими, и пріобрѣталъ любовь общую правосудіемъ ⁽¹⁾. Возстановивъ тишину и благоустройство, Великій Князь отдалъ Суздаль брату Святославу, а Стародубъ Іоанну. Народъ, по счастливому обыкновенію человѣческаго сердца, забылъ свое горе; радовался новому спокойствію и порядку; благодарилъ Небо за спасеніе еще многихъ Князей своихъ; не зналъ, что Россія уже лишилась главнаго сокровища государственнаго: независимости — и слезами искренняго умиленія оросилъ гробъ Георгіевъ, перевезенный г. 1239. изъ Ростова въ Владиміръ. Георгій въ безразсудной надменности допустилъ Татаръ

до столицы, не взявъ никакихъ мѣръ для ^{Свой-} защиты Государства; но онъ имѣлъ добро- ^{ст ва} ^{Геор-} ^{гія.}дѣтели своего времени: любилъ украшать церкви, питалъ бѣдныхъ, дарилъ Монаховъ—и граждане благословили его память.

Ко славѣ Государя попечительнаго о ^{О сво-} ^{божде-} ^{н і е} ^{С м о -} ^{ленска.}благѣ народномъ Великій Князь присоеди- нилъ и славу счастливаго воинскаго по- дви́га. Литовцы, обрадованные бѣдствіемъ Россіи, завладѣли большею частію Смоленской области: Ярославъ, разбивъ ихъ, плѣнилъ Князя Литовскаго, освободилъ Смоленскъ и посадилъ на тамошнемъ пре- столѣ Всеволода Мстиславича, Романова ^{С м о -} ^{ленска.}внука, княжившаго прежде въ Новѣго- родѣ (²).

Между тѣмъ Князья южной Россіи, не имѣвъ участія въ бѣдствіяхъ сѣверной, издали смотрѣли на оныя равнодушно, и ^{Междо-} ^{усобіа.}думали единственно о выгодахъ своего особеннаго властолюбія. Какъ скоро Ярославъ выѣхалъ изъ Кіева, Михаилъ Черниговскій занялъ сію столицу, оставивъ въ Галичѣ сына, Ростислава, который, нарушивъ миръ, овладѣлъ Даніиловымъ Перемышлемъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Даніиль воспользовался отсутствіемъ Ростислава, ходившаго со всѣми Боярами на Литву; нечаянно обступилъ Галичъ; подѣхалъ къ стѣнамъ, и видя на нихъ множество стоящаго народа, сказалъ: «Граждане! до-

«колѣ вамъ терпѣть державу Князей иноплеменныхъ? не я ли вашъ Государь законный, нѣкогда вами любимый?» Всѣ отвѣтствовали единодушнымъ восклицаніемъ: «ты, ты нашъ отецъ, Богомъ данный! иди: мы твои!» Воевода Ростислава и Галицкій Епископъ Артемій хотѣли удержать народъ, но не могли, и должны были встрѣтить Даніила, скрывая внутреннюю досаду подъ личиною притворнаго веселія. Никогда въ семъ городѣ, славномъ мятежами, измѣнами, злодѣйствами, не являлось зрѣлища столь умиленительнаго: граждане, по выраженію Лѣтописца, стремились къ Даніилу какъ пчелы къ маткѣ, или какъ жаждущіе къ источнику водному, поздравляя другъ друга съ Княземъ любимымъ. Даніиль принесть благодарность Всевышнему въ Соборной церкви Богоматери, поставилъ свою хоругвь на Нѣмецкихъ воротахъ, и восхищенный знаками народнаго усердія, говорилъ, что никто уже не отниметъ у него Галича. Свѣдавъ о происшедшемъ, Ростиславъ бѣжалъ въ Венгрію, будучи женихомъ Королевы, Белиной дочери; а Бояре Галицкіе упали къ ногамъ Даніиловымъ. Рѣдкое милосердіе сего Князя не истощилось ихъ злодѣяніями; онъ сказалъ только: «исправтесь!» и надѣялся великодушіемъ обезоружить мятежниковъ ⁽³⁾. Въ самомъ дѣлѣ они усмирились; но тишина, возстановленная Даніиломъ въ сихъ утомленныхъ междоусобіями странахъ, была предтечею ужасной грозы.

Батый выходилъ изъ Россіи единственно для

хаилъ Георгіевичъ, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендѣевъ, настигъ Половцевъ; умертвилъ ихъ стражу, и началъ битву. Берендѣи и тутъ оказали усердіе: схватили за узду коня Михайлова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оставляя его за собою какъ твердую опору. «Враги (по словамъ Лѣтописца) превосходили числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копѣ Русское было десять Половецкихъ.» Знаменоносецъ Михайловъ палъ въ рядахъ, и непріатели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода Княжескій, наткнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а третьимъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Изяславичъ, гордый, воинственный подобно родителю, считалъ свое изгнаніе минутнымъ безвременьемъ и думалъ такъ же управиться съ сыновьями Долгорукаго, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя,

Возвращеніе
Мстислава
въ Кіевъ.

Владими́ра Андре́евича, ему́ измѣни́вшаго ⁽³⁾. Влади́миръ лежалъ на смертнѣмъ одрѣ: го-
рода пылали, жителей тысячами отводили
въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки
непріятелю и знаменитый пѣстунъ Княже-
скій, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣ-
щаннаго вспоможенія отъ Глѣба, несчаст-
ный Влади́миръ умеръ, и разоренная область
его досталась Влади́миру Мстислави́чу, столь
извѣстному вѣроломствомъ. Сей недостой-
ный внукъ Мономаховъ, ознаменован-
ный стыдомъ и презрѣніемъ, отверженный
Князьями и народомъ, долго странствовалъ
изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ
Венгріи, въ Рязани, въ степяхъ Половец-
кихъ; наконецъ прибѣгнулъ къ великоду-
шію своего гонителя, Мстислава; вымолилъ
прощеніе, и съ его согласія вѣхалъ въ
г. 1170. Дорогобужъ, давъ обѣтъ вдовствующей
Княгинѣ и тамошнимъ Боярамъ не касаться
ихъ имѣнія. На другой же день онъ пре-
ступилъ клятву, отнялъ у нихъ все, что
могъ, и выгналъ горестную невѣстку, ко-
торая, взявъ тѣло супруга, повезла оное
въ Кіевъ. Туда шелъ и Мстиславъ, усилен-
ный дружинами Князей Городненскихъ,
Туровскою и Влади́мира Мстислави́ча; а
нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ
о кончинѣ Влади́мира Андре́евича и прибли-
женіи Мстислава, отправилъ Игумена По-
ликарпа встрѣтить гробъ перваго и спѣ-

тійскимъ въ счастливые дни Великаго Яро-
слава , дѣйствительно могли удивить степ-
ныхъ варваровъ. Мангу не отважился итти
за Днѣпръ : сталъ на Трубежѣ , у городка
Песочнаго (нынѣ селенія Песковъ) , и хо-
тѣлъ лестію склонить жителей столицы къ
подданству. Битва на Калкѣ , на Сити , —
пепель Рязани , Владиміра , Чернигова и
столь многихъ иныхъ городовъ , свидѣ-
тельствовали грозную силу Моголовъ: даль-
нѣйшее упорство казалось бесполезнымъ;
но честь народная и великодушіе не слѣ-
дуютъ внушеніямъ боязливаго разсудка.
Кіевляне все еще съ гордостію именовали
себя старшими и благороднѣйшими сынами
Россіи : имъ ли было смиренно преклонить
выю и требовать цѣпей , когда другіе Рос-
сіяне, гнушаясь уничиженіемъ, охотно гиб-
ли въ битвахъ? Кіевляне умертвили По-
словъ Мангу-Хана и кровію ихъ запечат-
лѣли свой обѣтъ не принимать мира по-
стыднаго. Народъ былъ смѣлѣе Князя :
Михаилъ Всеволодовичъ , предвидя месть
Татаръ , бѣжалъ въ Венгрію , въ слѣдъ за
сыномъ своимъ (7). Внукъ Давида Смолен-
скаго , Ростиславъ Мстиславичъ , хотѣлъ
овладѣть престоломъ Кіевскимъ; но знаме-
нитый Даніилъ Галицкій , свѣдавъ о томъ,
въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава
какъ плѣнника. Даніилъ уже зналъ Мого-
ловъ : видѣлъ , что храбрость малочислен-

Велико-
душіе
гражд-
данъ.

войска , силу непріятеля , и слыша , что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду ; удалился въ Волинію съ горестію , однакожь не безъ надежды быть впредь счастливѣе. Онъ дѣйстви-тельно не замедлилъ снова ополчиться, узнавъ, что его племянникъ, Василько Яро-полковичъ, разбитый Половцами, тѣснимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), и прину-жденный искать мира, выѣхалъ въ Чер-ниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія горо-докъ Михайловъ, истребляя всѣ памятники Мстиславова княженія въ странахъ Днѣ-провскихъ. Но внезапная болѣзнь обезору-жила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть , онъ поручилъ сыновей брату Яро-славу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ Удѣловъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Властителя умнаго , бодраго. Лѣтописцы Польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Бо-леслава Кривоустаго.

К о н-
ч и н а
Мсти-
слава.

Война
Андре-
ева съ
Новым-
горо-
домъ.

Россія сѣверная въ то же время была театромъ важнаго происшествія. Могуще-ственный Андрей, покоривъ древнюю юж-ную столицу Государства, думалъ смирить Новгородцевъ и тревожилъ ихъ чиновни-ковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первыя непріятельскія дѣйствія

приступомъ къ вратамъ Лятскимъ , къ коимъ примыкали дебри : тамъ стѣнобитныя орудія дѣйствовали день и ночь. Наконецъ рушилась ограда , и Кіевляне стали грудью противъ враговъ своихъ. Начался бой ужасный : «стрѣлы омрачили воздухъ; копья трещали и ломались;» мертвыхъ , издыхающихъ попирали ногами. Долго остервененіе не уступало силъ ; но Татары ввечеру овладѣли стѣною. Еще войны Россійскіе не теряли бодрости ; отступили къ церкви Десятинной , и ночью укрѣпивъ оную тыномъ , снова ждали непріятеля ; а безоружные граждане съ драгоцѣннѣйшимъ своимъ имѣніемъ заключились въ самой церкви. Такая защита слабая уже не могла спасти города ; однакожь не было слова о переговорахъ : никто не думалъ молить лютаго Батыя о пощадѣ и милосердіи ; великодушная смерть казалась и воинамъ и гражданамъ необходимостію , предписанною для нихъ отечествомъ и Вѣрою. Димитрій , исходя кровію отъ раны , еще твердою рукою держалъ свое копіе и вымышлялъ способы затруднить врагамъ побѣду. Утомленные сраженіемъ Моголы отдыхали на развалинахъ стѣны : утромъ возобновили оное , и сломили брENNую ограду Россіянъ , которые бились съ напряженіемъ всѣхъ силъ , помня , что за ними гробъ Св. Владиміра , и что сія ограда есть уже послѣдняя для ихъ свободы. Варвары достигли храма Богоматери , но устлали путь своими трупами ; схватили мужественнаго Димитрія и при-

вели къ Батыю. Сей грозный завоеватель, не имѣя понятія о добродѣтеляхъ челоуѣколюбія, умѣлъ цѣнить храбрость необыкновенную, и съ видомъ гордаго удовольствія сказалъ Воеводѣ Россійскому: «дарую тебѣ жизнь!» Димитрій принялъ даръ, ибо еще могъ быть полезенъ для отечества.

Моголы нѣсколько дней торжествовали побѣду ужасами разрушенія, истребленіемъ людей и всѣхъ плодовъ долговременнаго гражданскаго образованія. Древній Кіевъ исчезъ, и навѣки: ибо сія, нѣкогда знаменитая столица, *мать городовъ Россійскихъ*, въ XIV и въ XV вѣкѣ представляла еще развалины ⁽⁹⁾; въ самое наше время существуетъ единственно тѣнь ея прежняго величія. Напрасно любопытный путешественникъ ищетъ тамъ памятниковъ, священныхъ для Россіянъ: гдѣ гробъ Ольгинъ? гдѣ кости Св. Владиміра? Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ: варвары давили ногами черепы нашихъ древнихъ Князей. Остался только надгробный памятникъ Ярославовъ, какъ бы въ знакъ того, что слава мудрыхъ гражданскихъ законодателей есть самая долговѣчная и вѣрнѣйшая Первое великолѣпное зданіе Греческаго зодчества въ Россіи, храмъ Десятинный былъ сокрушенъ до основанія: послѣ, изъ развалинъ онаго, воздвигли новый, и на стѣнахъ его видимъ отрывокъ надписи древняго ⁽¹⁰⁾. — Лавра Печерская имѣла ту же участь. Благочестивые Иноки и граждане, усердные къ свя-

тынѣ сего мѣста , не хотѣли впустить непріятелей въ ограду его : Моголы таранами отбили врата , похитили всѣ сокровища , и снявъ *златокованный* крестъ съ главы храма , разломали церковь до самыхъ оконъ , вмѣстѣ съ кельями и стѣнами монастырскими ⁽¹¹⁾. Если вѣрить Лѣтописцамъ XVІІ вѣка , то первобытное строеніе Лавры красотою и величіемъ превосходило новѣйшее. Они же повѣствуютъ , что нѣкоторые Иноки Печерскіе укрылись отъ меча Батыева и жили въ лѣсахъ ; что среди развалинъ монастыря уцѣлѣлъ одинъ малый придѣлъ , куда сіи пустынники собирались иногда отправлять службу Божественную , извѣщаемые о томъ унылымъ и протяжнымъ звономъ колокола.

Батый — узнавъ , что Князья южной Россіи находятся въ Венгріи — пошелъ въ область Галицкую и Владимірскую ; осадилъ городъ Ладыжинъ ⁽¹²⁾ , и не умѣвъ двѣнадцатью орудіями разбить крѣпкихъ стѣнъ его , обѣщалъ помиловать жителей , если они сдадутся. Несчастные ему повѣрили , и ни одинъ изъ нихъ не остался живъ : ибо Татары не знали правилъ чести , и всегда , обманывая непріятелей , смѣялись надъ ихъ легковѣріемъ. Завоевавъ Каменецъ , гдѣ господствовалъ другъ Михайловъ , Изяславъ Владиміровичъ , внукъ Игоревъ , Татары отступили съ неудачею отъ Кременца , Даніилова города ; но взяли Владиміръ , Галичъ и множество иныхъ городовъ. Великодушный Воевода Кіевскій , Димитрій , находился съ Батыемъ , и сокру-

шаясь о бѣдствіяхъ Россіи, представлялъ ему, что время оставить сію землю, уже опустошенную, и воевать богатое Государство Венгерское; что Король Бела есть непріятель опасный и готовить рать многочисленную; что надобно предупредить его, или онъ всѣми силами ударить на Моголовъ. Батый, уваживъ совѣтъ Димитріевъ, вышелъ изъ нашего отечества, чтобы злодѣйствовать въ Венгріи: такимъ образомъ сей достойный Воевода Россійскій и въ самомъ плѣнѣ своемъ умѣлъ оказать послѣднюю, важную услугу несчастнымъ согражданамъ. Благоденствіе и драгоцѣнная народная независимость погибли для нихъ на долгое время: по крайней мѣрѣ они могли возвратиться изъ лѣсовъ на пепелище истребленныхъ жительство; могли предать землѣ кости милыхъ ближнихъ, и въ храмахъ, немедленно возобновленныхъ ихъ общимъ усердіемъ, молиться Всевышнему съ умиленіемъ. Вѣра торжествуетъ въ бѣдствіяхъ, и смягчаетъ оныя.

Состоя-
ніе Рос-
сін.

Состояніе Россіи было самое плачевное: казалось, что огненная рѣка промчалась отъ ея восточныхъ предѣловъ до западныхъ; что язва, землетрясеніе и всѣ ужасы естественные вмѣстѣ опустошили ихъ, отъ береговъ Оки до Сана. Лѣтописцы наши, сѣтуя надъ развалинами отечества о гибели городовъ и большой части народа,

прибавляютъ : «Батый какъ лютый звѣрь пожи-
«ралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки.
«Храбрѣйшіе Князья Россійскіе пали въ бит-
«вахъ; другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ;
«искали заступниковъ между иновѣрными и не
«находили; славились прежде богатствомъ, и
«всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ,
«предъ ихъ глазами растоптанныхъ конями Та-
«тарскими, а дѣвы о своей невинности : сколь
«многія изъ нихъ, желая спасти оную, бросались
«на острый ножъ или въ глубокія рѣки! Жены
«Боярскія, не знавшія трудовъ, всегда украшен-
«ныя златыми монистами и одеждою шелко-
«вою ⁽¹³⁾, всегда окруженныя толпою слугъ,
«сдѣлались рабами варваровъ, носили воду для
«ихъ женъ, мололи жерновомъ, и бѣлыя руки
«свой опаляли надъ очагомъ, готовя пищу не-
«вѣрнымъ . . . Живые завидовали спокойствію
«мертвыхъ.» Однимъ словомъ, Россія испытала
тогда всѣ бѣдствія, претерпѣнныя Римскою Им-
періею отъ временъ Θεодосія Великаго до седь-
маго вѣка, когда сѣверные дикіе народы гро-
мили ея цвѣтушія области ⁽¹⁴⁾. Варвары дѣй-
ствуютъ по однимъ правиламъ, и разнствуютъ
между собою только въ силѣ.

Сила Батыева несравненно превосходила нашу
и была единственною причиною его успѣховъ.
Напрасно новые Историки говорятъ о превос-
ходствѣ Моголовъ въ ратномъ дѣлѣ ⁽¹⁵⁾: древніе
Россіяне, въ теченіе многихъ вѣковъ воюя или
съ иноплеменниками или съ единосемцами, не

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волинію за дядею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Владиміръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ Дорогобужа, и былъ возведенъ племянниками на Кіевскій престолъ, къ неудовольствію гражданъ и Боголюбскаго, который хотя унижилъ сію столицу, однакожь думалъ, что Князь, славный только вѣроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ Самодержцевъ ⁽¹⁰⁾. Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный криводушіемъ и всѣми презираемый: ибо не имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и мужества, коими другіе Князья, столь часто ему подобные въ вѣроломствѣ, закрашивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благороднымъ безкорыстіемъ, и какъ бы желая великодушіемъ устыдить Ростиславичей, объявилъ имъ, что они, давъ слово быть ему

г. 1171,
15 Фе-
враля.

40 Маія.
Смерть
вѣро-
ломна-
го Вла-
диміра.

же непріятеля , безчисленныя толпы сихъ варваровъ какъ волны стремились одна за другою , чтобы со всѣхъ сторонъ окружить его , и пускали тучу стрѣлъ , но удалялись отъ ручной схватки , жалѣя своихъ людей , и стараясь убивать враговъ издали. Ханъ и главные начальники не вступали въ бой : стоя назади , разными маяками давали повелѣнія , и не стыдились иногда общаго бѣгства ; но смертію наказывали того , кто бѣжалъ одинъ и ранѣе другихъ. Стрѣлы Моголовъ были весьма остры и велики , сабли длинныя , копья съ крюками , щиты ивовые или сплетенные изъ прутьевъ ⁽¹⁹⁾.

Въ то время , какъ сіи губители свирѣпствовали въ южной Россіи , ея Князья на-
ходились въ Польшѣ. Король Венгерскій,
видя Михаила изгнанникомъ , не хотѣлъ
выдать дочери за его сына , и велѣлъ имъ
удалиться. Даніилъ , готовый тогда ѣхать
къ Белѣ IV , имѣлъ случай оказать свое ве-
ликодушіе : убѣдилъ Великаго Князя , Яро-
слава , освободить жену Михайлову , еще до
нашествія Батыева плѣненную имъ въ Ка-
менцѣ ; возвратилъ ее супругу , и забывъ
вражду , обѣщалъ навсегда уступить ему
Кіевъ , если благодать Всевышняго избавитъ
Россію отъ иноплеменниковъ ; а Ростиславу
отдалъ Луцкъ. Чтобы въ общей опасности
дѣйствовать согласнѣе съ Белою ,
Даніилъ , прибывъ въ Венгрію , изъявилъ

Провс-
шест-
вія въ
запад-
ной
Россіи.

С п е с ь
Короля
Венгер-
скаго.

намѣреніе вступить съ нимъ въ свойство, и сына своего, юнаго Льва, женить на дочери Королевской; но спесивый Бела отвергнулъ сіе предложеніе, думая, что Батый не дерзнетъ итти за Карпатскія горы, и что несчастіе Россійскихъ Княженій есть счастье для Венгріи: мысль ума слабаго, внушаемая обыкновенною взаимною завистию Державъ сосѣдственныхъ! Предсказавъ Королю гибельное слѣдствіе такой системы, Даніилъ спѣшилъ защитить свое Княженіе, но поздно: толпы бѣглецовъ извѣстили его о жалостной судьбѣ Кіева и другихъ нашихъ городовъ знаменитыхъ. Уже Татары стояли на границѣ. Даніилъ, окруженный малочисленною дружиною, искалъ убѣжища въ землѣ Конрадовой: тамъ нашелъ онъ супругу, дѣтей и брата, которые едва могли спастись отъ меча варваровъ; вмѣстѣ съ ними оплакалъ бѣдствіе отечества, и слыша о приближеніи Моголовъ, удалился въ Мазовію, гдѣ Болеславъ, сынъ Конрадовъ, далъ ему на время Вышегородъ, и гдѣ Даніилъ съ Василькомъ оставались до самаго того времени, какъ Батый вышелъ изъ юго-западной Россіи. Получивъ сію утѣшительную вѣсть, они возвратились въ отечество; не могли отъ смрада вѣхатъ ни въ Брестъ, ни въ Владиміръ, наполненный трупами, и рѣшились жить въ Холмѣ, основанномъ Да-

ніиломъ близъ древняго Червена, и, къ счастію, уцѣлѣвшемъ отъ Могольскаго разоренія. Сей городокъ, населенный отчасти Нѣмцами, Ляхами и многими ремесленниками, среди пепла и развалинъ всей окрестной страны казался тогда очаровательнымъ, имѣя веселые сады, насажденные рукою его основателя, новыя зданія и церкви, имѣ украшенныя (въ особенности церковь Св. Іоанна, поставленную на четырехъ, искусно изваянныхъ головахъ человѣческихъ, съ мѣднымъ помостомъ и съ Римскими стеклами въ окнахъ). Какъ бы слѣдуя указанію Неба, столь чудесно защитившаго сіе пріятное мѣсто, Даніилъ назвалъ Холмъ своимъ любимымъ городомъ, и подобно Ярославу, Суздальскому Великому Князю, неутомимо старался воскресить жизнь и дѣятельность въ областяхъ юго-западной Россіи. Ему надлежало не только вызывать людей изъ лѣсовъ и пещеръ, гдѣ они скрывались, но и сражаться съ буйностію легкомысленныхъ Бояръ, которые думали, что внукъ Чингисхановъ опустошилъ наше Государство для ихъ пользы, и что имъ настало время царствовать. Воевода Дрогичинскій не впустилъ Князя въ сей городъ, а Бояре Галицкіе хотя и называли Даніила своимъ Государемъ, однакожь самовольно повелѣвали областями, явно надъ нимъ смѣялись, присвоили себѣ доходы отъ соли Коломенской, употребляемые обыкновенно на жалованье такъ называемымъ Княжескимъ Оружникамъ, и тайно сносились съ Михаило-

вымъ сыномъ, Ростиславомъ. Долго бѣгавъ отъ Татаръ изъ земли въ землю, Михайлъ, ограбленный Нѣмцами близъ Сирадіи, возвратился въ Кіевъ, и жилъ на островѣ противъ развалинъ сей древней столицы, пославъ сына въ Черниговъ. Онъ уже не помнилъ благодарній шурина, и старался ему злодѣйствовать. Ростиславъ хотѣлъ овладѣть Бакотою въ Понизьѣ; былъ отраженъ Даніиловымъ Печатникомъ, но занялъ Галичъ и Перемышль. Столь мало Князья Россійскіе научились благоразумію въ несчастіяхъ, съ безсмысленнымъ властолюбіемъ споря между собою о бѣдныхъ остаткахъ Государства растерзаннаго! Не смотря на измѣны Бояръ и двухъ Епископовъ, Галицкаго и Перемышльскаго, друзей Михайлова сына; не смотря на изнуреніе своего Княжества и малочисленность войска, большею частію истребленнаго Татарами, Даніилъ смирилъ мятежниковъ и непріятелей; изгналъ Ростислава изъ Галича и плѣнилъ его союзниковъ, Князей Болоховскихъ, прежде облагодѣтельныхъ имъ и Василькомъ. Достойно замѣчаніе, что сіи Князья умѣли спасти ихъ землю отъ хищности Батыевой, обязавшись сѣять для Татаръ пшеницу и просо. — Въ то же время оскорбленный Поляками Даніилъ осаждалъ и взялъ бы Люблинъ, если бы жители не испросили у него мира. Возстановивъ свою Державу, онъ ждалъ съ безпокойствомъ, куда обратится ужасная гроза Батыева. Еще нѣкоторые отряды Моголовъ не выходили изъ Россіи,

довершая завоеваніе восточныхъ Удѣловъ Черниговскихъ, и Князь Мстиславъ, потомокъ Святослава Ольговича Сѣверскаго, былъ умерщвленъ Татарами ⁽²⁰⁾.

Одинъ Новгородъ остался цѣлъ и невредимъ, благословляя милость Небесную и ^{Слава}счастіе своего юнаго Князя, ^{А л е-}Александра ^{ксандра}Ярославича, одареннаго необыкновеннымъ ^{Н е в-}разумомъ, мужествомъ, красотою величественною и крѣпкими мышцами Самсона. Народъ смотрѣлъ на него съ любовію и почтеніемъ; пріятный голосъ сего Князя *гремѣлъ какъ труба* на Вѣчахъ ⁽²¹⁾. Во дни общихъ бѣдствій Россіи возникла слава Александрова. Достигнувъ лѣтъ юноши, онъ женился на дочери Полоцкаго Князя, Брячислава, и празднуя свадьбу, готовился къ дѣламъ ратнымъ; велѣлъ укрѣпить берега Шелони, чтобы защитить Новгородскую область отъ внезапныхъ нападений Чуди, и старался окружить себя витязями храбрыми, предвидя, что миръ въ сіи времена общихъ разбоевъ не могъ быть продолжителенъ.

Ливонскіе Рыцари, Финны и Шведы были непріятелями Новгорода. Первые сдѣлались тогда гораздо сильнѣе и для Россіянъ опаснѣе: ибо лишился Магистра своего, Вольквина, и лучшихъ сподвижниковъ въ несчастной битвѣ съ Литвою, присоединились къ славному Нѣмецкому Ордену

Св. Маріи. Скажемъ нѣсколько словъ о семъ достопамятномъ братствѣ. Когда Государи Европейскіе, подвигнутые и славолубіемъ и благочестіемъ, вели кровопролитныя войны въ Палестинѣ и въ Египтѣ; когда усердіе видѣть Святыя мѣста ежегодно влекло толпы людей изъ Европы въ Іерусалимъ: многіе Нѣмецкіе Витязи, находясь въ семъ городѣ, составили между собою братское общество, съ намѣреніемъ покровительствовать тамъ своихъ единокровцевъ, бѣдныхъ и недужныхъ, служить имъ деньгами и мечемъ, — наконецъ бытъ защитниками всѣхъ богомольцевъ и неутомимыми врагами Сарациновъ. Сіе общество, въ 1191 году утвержденное Папскою Буллою, назвалося Орденомъ Св. Маріи Іерусалимской, и Рыцари его ознаменовали бѣлыя свои мантии чернымъ крестомъ, давъ торжественный обѣтъ цѣломудрія и повиновенія начальникамъ. Великій Магистръ говорилъ всякому новому сочлену: «Если вступаешь къ намъ въ общество съ надеждою вести жизнь покойную и пріятную, то удайся, несчастный! ибо мы требуемъ, чтобы ты отрекся отъ всѣхъ мірскихъ удовольствій, отъ родственниковъ, друзей, и собственной воли: чтожь въ замѣну обѣщаемъ тебѣ? хлѣбъ, воду и смиренную одежду. Но когда придутъ для насъ времена лучшія, тогда Орденъ сдѣлаетъ тебя участникомъ всѣхъ своихъ выгодъ.» Сіи лучшія времена настали: Орденъ Св. Маріи, переселясь въ Европу, былъ уже столь знаменитъ, что Великій Магистръ его,

вымъ полкомъ заключился въ Вышегородъ; самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичъ требовать вспоможенія отъ Ярослава Владиміровича. Взявъ съ собою еще множество Кіевлянъ, Берендѣевъ, Торковъ, Святославъ Черниговскій и болѣе двадцати Князей осадили Вышегородъ. Шумный, необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей Днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстію людей, казалась цѣлю недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осаждающихъ не доставало ни усердія, ни согласія. Одни Князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Святославова; нѣкоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Стояли девять недѣль, отъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ обѣихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидалъ Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы Кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно

Осада
Выше-
города.

«уже въ землѣ твоей.» Александръ не изъявилъ ни страха, ни гордости Посламъ Шведскимъ, но свѣщилъ собрать войско ; молился съ усердіемъ въ Софійской церкви , принялъ благословеніе Архіепископа Спиридона , отеръ на прагѣ слезы умиленія сердечнаго , и вышедши къ своей малочисленной дружинѣ, съ веселымъ лицомъ сказалъ : «насъ не много , а врагъ силенъ ; но Богъ «не въ силѣ, а въ правдѣ: идите съ вашимъ Княземъ!» Онъ не имѣлъ времени ждать помощи отъ Ярослава , отца своего ; самые Новгородскіе воины не успѣли всѣ собраться подъ знамена: Александръ выступилъ въ поле, и 15 Іюля приблизился къ берегамъ Невы , гдѣ стояли Шведы. Тамъ встрѣтилъ его знатный Ижерянинъ , Целгуй , начальникъ приморской стражи, съ извѣстіемъ о силѣ и движеніяхъ непріятеля. Здѣсь современный Лѣтописецъ рассказываетъ чудо. Ижеряне, подданные Новгородцевъ, большею частію жили еще въ идолопоклонствѣ ; но Целгуй былъ Христіанинъ , и весьма усердный. Ожидая Александра, онъ провелъ ночь на берегу Финскаго залива во бдѣніи и молитвѣ. Мракъ исчезъ , и солнце озарило необозримую поверхность тихаго моря ; вдругъ раздался шумъ: Целгуй содрогнулся , и видитъ на морѣ легкую ладію , гребцовъ *одпьянныхъ* мглою и двухъ лучезарныхъ Витязей въ ризахъ червленыхъ. Сіи витязи совершенно походили на Святыхъ Мучениковъ Бориса и Глѣба , какъ они изображались на иконахъ, и Целгуй слышалъ голосъ старшаго

изъ нихъ : «поможемъ родственнику нашему «Александру!» По крайней мѣрѣ такъ онъ сказывалъ Князю о своемъ видѣніи и предзнаменованіи столь счастливомъ ⁽²⁵⁾; но Александръ запретилъ ему говорить о томъ, и какъ молнія устремился на Шведовъ. Внезапность, быстрота удара привела ихъ въ замѣшательство. Князь и дружина оказали рѣдкое мужество. Александръ собственнымъ копіемъ *возложилъ печать на лице* Биргера. Витязь Россійскій, Гавріилъ Олексичъ, гналъ Принца, его сына, до самой ладіи ; упалъ съ конемъ въ воду , вышелъ невредимъ и бодро сразился съ Воеводою Шведскимъ. Новогородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, съ однимъ топоромъ вломился въ средину непріятелей ; другой, именемъ Миша, съ отрядомъ пѣхоты истребилъ шнеки ихъ или суда. Княжескій Ловчій, Яковъ Полочанинъ , предводительствуя горстію смѣлыхъ , ударилъ на цѣлый полкъ , и заслужилъ отмѣнное благоволеніе Александра , который вездѣ былъ самъ и все видѣлъ. Ратмиръ, вѣрный слуга Князя , не уступалъ никому въ храбрости: бился пѣшій , ослабѣлъ отъ ранъ и палъ мертвый, къ общему сожалѣнію нашихъ. Еще стоялъ златоверхій шатеръ Биргеровъ: Отрокъ Александровъ, Савва, подсѣкъ его столпъ ; шатеръ упалъ , и Россіяне возгласили побѣду. Темная ночь спасла остатки Шведовъ. Они не хотѣли ждать утра: нагроузили двѣ шнеки тѣлами чиновниковъ , зарыли прочихъ въ яму , и спѣшили удалиться. Главный Воевода ихъ, Спиридонъ, и

захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что они сами тайно призывали Святослава, обложилъ данію всѣхъ гражданъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцевъ, Католиковъ ⁽¹⁹⁾. «Мнѣ надобно серебро, чтобы выкупить жену и сына,» говорилъ озлобленный Князь, и наказавъ Кіевлянъ, виновныхъ единственно своею къ нему холодностію, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушіемъ, а тягостная дань, возложенная на Кіевъ, несправедливостію. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ Князей, достойнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желаніе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ согласіемъ успокоить южную Россію: для того хотѣли, чтобы Великій Князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кіевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслатъ оттуда Ярослава, не любимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженіемъ, обѣщалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ, и не дождался отвѣта, кончивъ жизнь отъ руки своихъ любимцевъ.

стію, сей Князь имѣлъ тогда распрю съ Новгородцами : досадуя на ихъ неблагодарность, онъ уѣхалъ къ отцу въ Переславль Залѣсскій , съ матерію , супругою и всѣмъ Дворомъ ⁽²⁹⁾.

Между тѣмъ Нѣмцы вступили въ область Новгородскую, обложили данію Вожанъ и построили крѣпость на берегу Финскаго залива, въ Копорьѣ, чтобы утвердить свое господство въ нынѣшнемъ Ораніенбаумскомъ Уѣздѣ ; взяли на границахъ Эстоніи Россійскій городокъ Тесовъ , и грабили нашихъ купцевъ верстъ за 30 до Новгорода , гдѣ чиновники дремали или тратили время въ личныхъ ссорахъ. Народъ , видя бѣду, требовалъ себѣ защитника отъ Ярослава Всеволодовича , и призналъ втораго сына его, Андрея, своимъ Княземъ; но зло не миновалось. Литва, Нѣмцы, Чудь, опустошали берега Луги , уводили скотъ , лошадей , и земледѣльцы не могли обрабатывать полей. Надлежало прибѣгнуть къ Герою Невскому : Архіепископъ со многими Боярами отправился къ Александру , убѣждалъ , молилъ Князя , и склонилъ его забыть вину Новгорода.

Александръ прибылъ , и все перемѣни- г. 1241.
лось. Немедленно собралось войско : Новгородцы, Ладожане, Корела, Ижерцы, весело шли подъ его знаменами къ Финскому заливу; взяли Копорье и плѣнили многихъ

Нѣмцевъ. Александръ освободилъ нѣкоторыхъ ; но Вожане и Чудскіе измѣнники, служившіе непріятелю, въ страхъ другимъ были повѣшены ⁽³⁰⁾.

Знаменитая отчизна Святой Ольги также скоро избавилась отъ власти предателя, Твердила, и чужеземцевъ. Александръ за-
г. 1242. воевалъ Псковъ, возвратилъ ему независи-
мость, и прислалъ въ Новгородъ скован-
ныхъ Нѣмцевъ и Чудь. Лѣтописецъ Ливон-
скій рассказываетъ, что 70 мужественныхъ
Рыцарей положили тамъ свои головы, и
что Князь Новгородскій, плѣнивъ 6 чи-
новниковъ, велѣлъ умертвить ихъ ⁽³¹⁾. По-
бѣдитель вошелъ въ Ливонію, и когда вои-
ны наши разсѣялись для собранія съѣст-
ныхъ припасовъ, непріятель разбилъ мало-
численный передовой отрядъ Новгород-
скій. Тутъ Александръ оказалъ искусство
благоразумнаго Военачальника : зная силу
Нѣмцевъ, отступилъ назадъ, искалъ вы-
годнаго мѣста и сталъ на Чудскомъ озерѣ.
Апрѣ- Еще зима продолжалась тогда въ Апрѣлѣ
ля 5. мѣсяцѣ, и войско могло безопасно дѣйстви-
вать на твердомъ льду. Нѣмцы острою
колонною врѣзались въ наши ряды; но му-
жественный Князь, ударивъ на непріятелей
съ боку, замѣшалъ ихъ; сломилъ, истреб-
лялъ Нѣмцевъ и гналъ Чудь до самаго тем-
наго вечера. 400 Рыцарей пали отъ нашихъ
мечей ; пятьдесятъ были взяты въ плѣнъ,

и въ томъ числѣ одинъ , который въ надменно-сти своей хотѣлъ плѣнить самого Александра⁽³²⁾; тѣла Чуди лежали на семи верстахъ. Изумленный симъ бѣдствіемъ , Магистръ Ордена съ трепетомъ ожидалъ Александра подъ стѣнами Риги , и спѣшилъ отправить Посольство въ Данію , моля Короля спасти Рижскую Богоматерь отъ *невѣрныхъ* , жестокихъ Россіянъ ; но храбрый Князь , довольный ужасомъ Нѣмцевъ , вложилъ мечъ въ ножны и возвратился въ городъ Псковъ. Нѣмецкіе плѣнники , потупивъ глаза въ землю, шли въ своей рыцарской одеждѣ за нашими всадниками⁽³³⁾. Духовенство встрѣтило Героя со крестами и съ пѣснями священными , славя Бога и Александра ; народъ стремился къ нему толпами , именую его отцемъ и спасителемъ. Счастливый дѣломъ своимъ и радостію общеою , сей добрый Князь пролилъ слезы , и съ чувствительностію сказалъ гражданамъ : «О Псковитяне! если забудете Александра ; если самые отдаленные потомки мои не найдутъ у васъ вѣрнаго пристанища въ злополучіи : то вы будете примѣромъ неблагодарности!»—Новгородцы радовались не менѣе Псковитянъ , и скоро Послы Ордена заключили съ ними миръ , размѣнялись плѣнными , и возвратили Псковскихъ аманатовъ , отказавшись не только отъ Луги и Водской области , но уступивъ Александру и знатную часть Летгаліи⁽³⁴⁾.

г. 1243-
1245.

Въ сіе время Литовцы разбили Ярослава Владиміровича, который, оставивъ Нѣмцевъ, съ изволенія Александра начальствовалъ въ Торжкѣ⁽³⁵⁾. Соединясь съ Тверскою дружиною, Ярославъ гнался за хищниками до Торопца, гдѣ они считали себя уже въ безопасности, овладѣвъ крѣпостію; но Герой Невскій приспѣлъ, взялъ городъ, истребилъ ихъ всѣхъ, однихъ на стѣнахъ, другихъ въ бѣгствѣ, и въ томъ числѣ 8 Князьковъ Литовскихъ. Совершивъ подвигъ, Александръ отпустилъ войско, ѣхалъ съ малочисленною дружиною и вдругъ увидѣлъ себя окруженнаго новыми толпами непріятелей: ударилъ неустрашимо, разсѣялъ оныя, благополучно возвратился въ Новгородъ. — Однимъ словомъ, Александръ, въ нѣскольکو дней, семь разъ побѣдилъ Литовцевъ; войны его, ругаясь надъ ними, привязывали плѣнниковъ къ хвостамъ конскимъ.

Сіи частные успѣхи не могли премѣнить общей судьбы Россіянъ, уже данниковъ Татарскихъ. Батый, завоевавъ многія области Польскія, Венгрію, Кроацію, Сервію, Дунайскую Болгарію, Молдавію, Валахію, и приведши въ ужасъ Европу, вдругъ, къ общему удивленію, остановилъ бурное стремленіе Моголовъ и возвратился къ берегамъ Волги. Тамъ, именуясь Ханомъ, утвердилъ онъ свое владычество надъ Рос-

Россія
въ под-
данствѣ

сією, землею Половецкою, Тавридою, странами Кавказскими и всѣми отъ устья Дона до рѣки Дуная ⁽³⁶⁾. Никто не дерзалъ ему противиться : народы , Государи старались смягчить его смиренными Посольствами и дарами. Батый звалъ къ себѣ Великаго Князя. Ослушаніе казалось Ярославу неблагоприятіемъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи , изнуренной , безлюдной, полной развалинъ и гробовъ : презирая собственную личную опасность , Великій Князь отправился со многими Боярами въ станъ Батыевъ, а сына своего, юнаго Константина, послалъ въ Татарію къ Великому Хану Октаю, который въ сіе время, празднуя блестящія завоеванія Моголовъ въ Китаѣ и въ Европѣ , угощалъ всѣхъ старѣйшинъ народа. Никогда , по сказанію Историка Татарскаго , міръ не видалъ праздника столь роскошнаго , ибо число гостей было несмѣтно. — Батый принялъ Ярослава съ уваженіемъ и назвалъ Главою всѣхъ Князей Россійскихъ ⁽³⁷⁾, отдавъ ему Кіевъ (откуда Михаилъ уѣхалъ въ Черниговъ). Такъ Государи наши торжественно отреклись отъ правъ народа независимаго и склонили выю подъ иго варваровъ. Поступокъ Ярослава служилъ примѣромъ для Удѣльныхъ Князей Суздальскихъ : Владимиръ Константиновичъ , юный Борисъ Васильковичъ, Василій Всеволодовичъ (внукъ

Константиновъ) также *били челомъ* надменному Батью, чтобы мирно господствовать въ областяхъ своихъ.

Сынъ Ярославовъ чрезъ два года возвратился изъ Китайской Татаріи; а Великій Князь, вторично принужденный ѣхать въ Орду со всѣми родственниками, долженъ былъ самъ отправиться къ берегамъ Амура, гдѣ Моголы, по смерти Октая, занимались избраніемъ новаго Великаго Хана. Ярославъ простился навѣки съ любезнымъ отечествомъ: сквозь степи и пустыни достигнувъ до Ханскаго стана, онъ въ числѣ многихъ иныхъ данниковъ смирялся предъ трономъ Октаева наслѣдника, оправдалъ себя въ какихъ-то доносахъ, сдѣланныхъ на него Хану однимъ Россійскимъ Вельможею, и получивъ милостивое дозволеніе ѣхать обратно, кончилъ жизнь на пути ⁽³⁸⁾. Такимъ образомъ сей Князь несчастный, бывъ свидѣтелемъ и жертвою народнаго уничиженія Россіи, не имѣлъ и послѣдняго утѣшенія сомкнуть глаза въ нѣдрахъ святаго отечества! Вѣрные Бояре привезли его тѣло въ столицу Владимірскую. Говорили, что онъ былъ отравленъ; что мать новаго Хана Гаюка, какъ бы въ знакъ особеннаго благоволенія предложивъ Ярославу пищу изъ собственныхъ рукъ дала ему ядъ, который въ седьмый день прекратилъ его жизнь, и ясно обнаружился пятнами на

Сентяб-
ря 30.
Кончи-
на и
свой-
ства
Яро-
слава.

тѣлѣ умершаго. Но Моголы, сильные ме-
чемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ,
орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Могъ ли Князь
Владимірской области казаться страшнымъ
Монарху, повелѣвавшему народами отъ
Амура до устья Дунайскаго?

Ярославъ, въ юности жестокій и непри-
миримый отъ честолюбія, украшался и
важными достоинствами, какъ мы видѣли:
благоразуміемъ дѣятельнымъ и бодростію
въ государственныхъ несчастіяхъ, бывъ
возобновителемъ разрушеннаго Великаго
Княженія; гибкостію и превосходствомъ
ума своего снискалъ почтеніе варваровъ,
Батыя и Гаюка, но не заслужилъ *ревност-*
ной похвалы нашихъ Лѣтописцевъ, ибо не
раздавалъ имѣнія церквамъ и Монахамъ,
отличаясь, можетъ быть, Вѣрою просвѣ-
щенною, а не суесвятствомъ. — Супруга
его, именемъ Θεодосія, оставленная имъ
въ Новѣгородѣ, скончалась тамъ въ 1244
году; за малое время до смерти постриглась
въ Георгіевскомъ монастырѣ и была схоро-
нена въ ономъ подлѣ ея сына, Θεодора ⁽³⁹⁾.

Россія, огорченная смертію Ярослава,
почти въ то же время свѣдала ужасныя
обстоятельства кончины Михайловой ⁽⁴⁰⁾.
Узнавъ, что сынъ его, Ростиславъ, при-
нятъ весьма дружелюбно въ Венгріи, и что
Бела IV, въ исполненіе прежняго обяза-
тельства, наконецъ выдалъ за него дочь

Убіеніе
Михаи-
ла.

людей въ подвластныхъ Епископу селахъ, Иноковъ, Игуменовъ, Священниковъ; брилъ имъ головы и бороды; даже распиналъ нѣкоторыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чтобы присвоить себѣ ихъ достояніе. Князь терпѣлъ изверга, довольствуясь, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лжепастырь вздумалъ наконецъ запретить всѣ церкви въ Владимірѣ, и взялъ отъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій Князь, низвергнувъ Θεодора, предалъ его на судъ Митрополиту, который велѣлъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза: «ибо сей еретикъ» (прибавляютъ Лѣтописцы) «злословилъ Богоматерь!» Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ тогдашнимъ невѣжествомъ и грубостію нравовъ.

Населе-
ніе Вят-
ки.

Къ послѣднему году княженія Андреева относится любопытное извѣстіе Хлыновскаго Лѣтописца о первомъ населеніи Вятки Россіянами ⁽³¹⁾. Въ 1174 году нѣкоторые жители области Новгородской, отчасти наскучивъ внутренними раздорами, отчасти тѣснимые возрастающимъ многолудствомъ въ ихъ предѣлахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества, и Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что далѣе къ Сѣверу обитаютъ народы дикіе въ странѣ лѣсной, изобильной дарами При-

тыхъ Таинъ, и пылая ревностію Христіанскихъ Мучениковъ, пѣлъ громогласно святыя Псалмы Давидовы. Напрасно юный Борисъ хотѣлъ его смягчить моленіемъ и слезами; напрасно Вельможи Ростовскіе брали на себя грѣхъ и торжественное покаяніе, если Михаилъ исполнитъ волю Батыеву, слѣдуя примѣру другихъ Князей нашихъ. «Для васъ не погублю души,» говорилъ онъ, и свергнувъ съ себя мантию Княжескую ⁽⁴³⁾, примолвилъ: «возмите славу міра; хочу небесной.» По данному знаку убійцы бросились какъ тигры на Михаила, били его въ сердце, топтали ногами: Бояре Россійскіе безмолвствовали отъ ужаса. Одинъ Θεодоръ стоялъ покойно, и съ веселымъ лицомъ ободрялъ терзаемаго Князя, говоря, что онъ умираетъ какъ должно Христіанину; что муки земныя непродолжительны, а награда небесная безконечна. Желая, можетъ быть, прекратить Михайлово страданіе, какой-то отступникъ Вѣры Христіанской, именемъ Доманъ, житель Путивля, отсѣкъ ему голову и слышалъ послѣднія, тихо произнесенныя имъ слова: *Христіанинъ есмь!* Пишутъ, что самъ Батый, удивляясь твердости сего несчастнаго Князя, назвалъ его великимъ мужемъ. Бояринъ Θεодоръ пріялъ также вѣнецъ Мученика, и доказалъ, что онъ, утѣшая Михаила, не лицемерилъ: ибо, раздираемый на части варварами, славилъ благодать Небесную и свою долю. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ Россіянъ; а Церковь признала

ные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набѣгами беспокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку *железные стрѣлы*, кои были оружіемъ Чуди или Вотяковъ, и напоминали побѣду Россіянъ ⁽³³⁾. Новгородцы также отъ времени до времени старались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именovali ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

отъ земли Галицкой. Наконецъ Даніилъ поѣхалъ къ сему завоевателю чрезъ Кіевскую столицу, управляемую Бояриномъ Ярослава Суздальскаго, Димитріемъ Ейковичемъ; встрѣтилъ Татаръ за Переяславлемъ, гостилъ у Куремсы, ихъ Темника, и въ окрестностяхъ Волги нашелъ Батыя, который, въ знакъ особеннаго благоволенія, немедленно впустилъ его въ свой шатеръ безъ всякихъ суевѣрныхъ обрядовъ, ненавистныхъ для православія нашихъ Князей. «Ты долго не хотѣлъ меня видѣть» (сказалъ Батый), но теперь загладилъ вину «повиновеніемъ.» Горестный Князь пилъ кумысъ, преклоняя колѣна и славя величіе Хана. Батый хвалилъ Даніила за соблюде-
Даніилъ
честимъ
въ Ор-
дѣ.ніе Татарскихъ обычаевъ; однакожь велѣлъ дать ему кубокъ вина, говоря: «вы не при-
«выкли къ нашему молоку.» Сія честь стоила не дешево: Даніилъ, пробывъ 25 дней въ Улусахъ, выѣхалъ оттуда съ именемъ слуги и данника Ханскаго. — Далѣе откроется, что сей Князь, лаская Моголовъ, хотѣлъ единственно усыпить ихъ на время, и думалъ о средствахъ избавить отечество отъ ига. Между тѣмъ Государи сосѣдственные, уstraшенные его дружественною связію съ Ордою, начали оказывать къ нему гораздо болѣе уваженія. Не за-долго до того времени Король Бела имѣлъ съ нимъ новую вражду. Ростиславъ Михайловичъ,

зять Королевскій, предводительствуя Венграми, осаждалъ Ярославъ; съ обѣихъ сторонъ изъясляли остервененіе и казнили знатнѣйшихъ плѣнниковъ; въ томъ числѣ Россіяне умертвили славнаго гордостію Полководца Венгерскаго, Фильнію, и въ кровопролитной битвѣ одержали верхъ. Боясь, чтобы Моголы, какъ покровители Даніила, вторично не явились за горами Карпатскими, Бела предложилъ ему тѣсный союзъ, и выдалъ меньшую дочь, именемъ Констанцію, за его сына, Льва: чему способствовалъ Митрополитъ Кириллъ, избранный Даніиломъ и Василькомъ на мѣсто Іосифа; онъ ѣхалъ ставиться въ Константинополь черезъ Венгрію, говорилъ съ Белою и ручался своимъ Князьямъ за искренность сего Монарха. Утвердивъ вѣчный съ нимъ миръ, Даніиль жилъ согласно и съ Поляками. Конрадъ умеръ его другомъ: Болеславъ Мазовскій также. Послѣдній, женатый на дочери Александра Бельзскаго, Анастасіи, въ угодность Даніилу отказалъ Мазовію брату своему, Самовиту⁽⁴⁵⁾.

Любопытныя извѣстія о Россіи и Татаряхъ. Описавъ случаи временъ Ярославовыхъ, мы должны упомянуть о любопытномъ путешествіи Іоанна Планъ-Карпина, Монаха Францисканскаго, въ Татарію, къ Великому Хану. Европа, приведенная въ ужасъ нашествіемъ Батыевымъ, еще трепетала, взирая на развалины Польши и Венгріи; ибо Та-

тары могли возвратиться. Нѣмецкій Императоръ писалъ ко всѣмъ Государямъ, чтобы они собрали войско для спасенія Царствъ и Вѣры. Безпокойство, волненіе было общее; народъ постился; Духовенство день и ночь молилось въ храмахъ. Одинъ Св. Людовикъ, мужественный Король Французскій, не терялъ бодрости, и спокойно отвѣтствовалъ матери, что онъ, въ надеждѣ на Бога и на мечъ свой, смѣло встрѣтитъ варваровъ. Но Папа, Иннокентій IV, желая миромъ удалить бурю, отправилъ къ Хану Монаховъ съ дружелюбными письмами ⁽⁴⁶⁾. Іоаннъ Карпинъ, одинъ изъ сихъ Пословъ, въ 1246 году проѣзжалъ изъ Италіи чрезъ Россію, и сообщаетъ слѣдующія извѣстія о тогдашнемъ ея состояніи и Моголахъ. Увидимъ, что Папа, думая о Татарахъ, не забывалъ и нашихъ предковъ, усиленно домогаясь подчинить насъ Латинской Церкви. Несчастія Россіянъ давали ему тѣмъ болѣе надежды успѣть въ семъ важномъ дѣлѣ.

«Въ Мазовіи» — пишетъ Карпинъ — «встрѣтили мы Князя Россійскаго, Василька» (брата Даніилова, ходившаго тогда съ Мазовскимъ Герцогомъ на Ятвяговъ) «который разсказалъ намъ весьма много любопытнаго о Татарахъ. Узнавъ, что не должно ѣхать въ Орду съ пустыми руками, мы купили нѣсколько бобровыхъ и другихъ шкуръ. Конрадъ, Герцогъ Краковскій, Епископъ и Бароны Польскіе снабдили насъ также всякими мѣхами, прося Князя Василька быть нашимъ покровителемъ. Вмѣстѣ

Коры-
столю-
біе Бо-
яръ.

шедшіе съ ними изъ южной Россіи, сдѣла-
лись Посадниками; отягощали гражданъ
судебными налогами; думали о корысти
гораздо болѣе, нежели о расправѣ. Князья
зависѣли отъ Боярѣ и во всемъ исполняли
ихъ волю; а Бояре, наживаясь сами, совѣ-
товали и Князьямъ обогащаться. Ярополкъ
отнялъ у Соборной церкви волости и до-
ходы, данные ей Андреемъ; въ самый пер-
вый день княженія своего взявъ ключи отъ
сего богатаго храма, присвоилъ себѣ казну
онаго, серебро, золото, и дерзнулъ нако-
нецъ самую побѣдоносную Вышегородскую
икону Маріи отдать зятю, Глѣбу Рязан-
скому ⁽³⁸⁾. Общее негодованіе обнаружи-
лось. «Мы не рабы» (говорили Владимір-
цы) «и приняли Князей добровольно; они
«же грабятъ насъ какъ иноплеменныхъ,
«опустошая не только дома, но и святыя
«храмы. И такъ *промышляйте*, братья!»
Слово важное: оно значило, что надобно
Князей унять или сбить съ рукъ. Видя же,
что всѣ Бояре держатъ сторону слабыхъ
г. 1175. Государей — видя, что Ростовцы и Суз-
дальцы нечувствительны къ народнымъ
обидамъ или терпѣливы до излишества —
граждане Владимірскіе тайно призывали Ми-
хаила изъ Чернигова. «Ты внукъ Монома-
«ховъ и старшій изъ Князей его рода,»
говорили ему Послы: «иди на престолъ Бо-
«голюбскаго; а ежели Ростовъ и Суздаль не

«вались нѣкоторыми подарками и дали намъ во-
«жатыхъ до Орды главнаго ихъ начальника. Онъ
«называется Куремсою , предводительствуетъ
«шестидесятью тысячами воиновъ и хранитъ
«западные предѣлы Могольскихъ владѣній. —
«Куремса отправилъ насъ къ Батыю, первѣйше-
«му изъ Хановъ послѣ Великаго.

«Мы проѣхали всю землю Половецкую , об-
«ширную равнину , гдѣ текутъ рѣки Днѣпръ,
«Донъ , Волга , Яикъ , и гдѣ лѣтомъ кочуютъ
«Татары , повинуваясь разнымъ Воеводамъ ⁽⁴⁸⁾,
«а зимою приближаются къ морю *Греческому*
«(или Черному). Самъ Батый живетъ на берегу
«Волги, имѣя пышный, великолѣпный Дворъ, и
«600,000 воиновъ, 160,000 Татаръ и 450,000
«иноплеменниковъ , Христіанъ и другихъ под-
«данныхъ. Въ Пятницу Страстныхъ недѣли про-
«вели насъ въ ставку его между двумя огнями,
«для того , какъ говорили Татары , что огонь
«есть чистилище для всякихъ злыхъ умысловъ,
«отнимая даже силу у скрываемаго яда. Мы дол-
«жны были нѣсколько разъ кланяться и всту-
«пить въ шатеръ, не касаясь порога. Батый си-
«дѣлъ на тронѣ съ одною изъ женъ своихъ; его
«братья , дѣти и Вельможи на скамьяхъ ; другіе
«на землѣ , мужчины на правой , а женщины на
«лѣвой сторонѣ. Сей шатеръ, сдѣланный изъ
«тонкаго полотна , принадлежалъ Королю Вен-
«герскому : никто не смѣетъ входить туда безъ
«особеннаго дозволенія , кромѣ семейства Хан-
«скаго. Намъ указали мѣсто на лѣвой сторонѣ,

«и Батый съ великимъ вниманіемъ читалъ пись-
«ма Иннокентіевы, переведенныя на языки Сла-
«вянскій, Арабскій и Татарскій. Между тѣмъ
«онъ и Вельможи его пили изъ золотыхъ или
«серебряныхъ сосудовъ : при чемъ всегда гре-
«мѣла музыка съ пѣснями. Батый имѣетъ лице
«красноватое ⁽⁴⁹⁾ ; ласковъ въ обхожденіи съ
«своими, но грозенъ для всѣхъ ; на войнѣ же-
«стокъ, хитръ, и славится опытностію. — Онъ
«велѣлъ намъ ѣхать къ Великому Хану.

«Хотя мы были весьма слабы, ибо питались
«во весь постъ однимъ просомъ и пили только
«снѣжную воду, однакожь ѣхали скоро, пять
«или шесть разъ въ день мѣняя лошадей, гдѣ
«находили ихъ. Земля Половецкая во многихъ
«мѣстахъ есть дикая степь : жители истреблены
«Татарами, или бѣжали; другіе признали себя
«ихъ подданными. Она граничитъ къ Сѣверу съ
«Россіею, Мордвою, Болгаріею, Башкиріею (разъ
«des Bastarques), отечествомъ Венгровъ, и съ
«Самоѣдами (Samogedes), обитающими на пу-
«стынныхъ берегахъ Океана ⁽⁵⁰⁾ ; къ Югу съ
«Аланами (Оссетинцами), Черкесами, Козарами и
«Греціею. За Половцами начинается страна Кан-
«гитовъ (Канглей или Хвалисовъ), совершенно
«безводная, и мало населенная. Въ сей печаль-
«ной степи (нынѣ Киргизской) умерли отъ жаж-
«ды Бояре Ярослава, Князя Россійскаго, по-
«сланные имъ въ Татарію : мы видѣли ихъ ко-
«сти. Вся земля опустошена Моголами; жители,
«не имѣя домовъ, обитаютъ въ шатрахъ, и такъ

матери, всѣ драгоцѣнности, даже книги, имѣ похищенныя, и тѣмъ обезоружилъ Великаго Князя ⁽⁴¹⁾. Народъ, съ восхищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ соборной церкви Владимірской: Михаилъ возвратилъ ей помѣстья, оброки и десятину.

Торжество Владимірцевъ было совершенно: городъ ихъ сдѣлался опять столичнымъ, и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счастье ему благопріятствовало. Они хвалились своимъ выборомъ, и говорили, что Богъ, унизивъ гордость древняго Ростова, прославилъ *новый Владиміръ*, ознаменовавъ его жителей мудростію въ совѣтѣ и мужествомъ въ дѣлѣ; что они, вопреки Боярамъ, даже вопреки народу Суздальскому и Ростовскому, единственно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ Князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской ⁽⁴²⁾. Къ несчастію, сей Государь властвовалъ только

г. 1176,
Іюня 20.
Кончина
и
своихъ
дѣлъ
Михаила.

одинъ годъ, и скончался, оставивъ въ лѣтописяхъ память своей храбрости и добродѣтели. Живъ въ вѣкѣ суровомъ, мятежномъ, онъ не запятналъ себя ни жестокостію, ни вѣроломствомъ, и любилъ спокойствіе народа болѣе власти. Новѣйшіе лѣтописцы увѣряютъ, что Михаилъ казнилъ многихъ убійцъ Андреевыхъ ⁽⁴³⁾; но совре-

менные не говорятъ о томъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще питать въ сердцѣ своемъ непріятное воспоминаніе сей обиды; и тѣмъ болѣе достоинъ хвалы, ежели дѣйствительно наказалъ злодѣевъ.

Междо-
усобіе-
въ юж-
ной
Россіи.

Михаилъ, занимаясь единственно благомъ Суздальскаго или Владимірскаго Княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ времени думать о Россіи южной, гдѣ господствовало междоусобіе. Олегъ Сѣверскій, зять и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черниговскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя нечаянное прибытіе Романа Смоленскаго, и догадываясь, что братья намѣрены возвести его на Кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичъ не захотѣлъ подвергнуть себя стыду изгнанія и добровольно уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, отъ зависти и козней Святослава. Имѣя тайныя сношенія съ Кіевлянами и съ Черными Клобуками, волнуя умы лестью, злословіемъ, и скоро обрадованный несчастною битвою сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ множество лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловаться на Да-

«народъ также. Князья и Вельможи говорили
«Императору: мы хотимъ и требуемъ, чтобы
«ты повелѣвалъ нами. Гаюкъ спросилъ: желая
«имѣть меня Государемъ, готовы ли вы испол-
«нять мою волю; являться, когда позову васъ;
«итти, куда велю, и предать смерти всякаго
«кого наименоую? Всѣ отвѣтствовали: готовы!...
«И такъ (сказалъ Гаюкъ) слово мое да будетъ
«отнынѣ мечемъ! Вельможи взяли его за руку,
«свели съ трона и посадили на войлокъ, говоря
«Императору: Надъ тобою Небо и Всевышній;
«подъ тобою земля и войлокъ. Если будешь лю-
«бить наше благо, милость и правду, уважая
«Князей и Вельможъ по ихъ достоинству, то
«царство Гаюково прославится въ міръ, земля
«тебѣ покорится и Богъ исполнитъ всѣ желанія
«твоего сердца. Но если обманешь надежду под-
«данныхъ, то будешь презрителенъ, и столь бѣ-
«денъ, что самый войлокъ, на которомъ сидишь, у
«тебя, отнимется. Тогда Вельможи, поднявъ
«Гаюка на рукахъ, возгласили его Императо-
«ромъ, и принесли къ нему множество серебра,
«золота, камней драгоценныхъ и всю казну
«умершаго Хана; а Гаюкъ часть сего богатства
«роздалъ чиновникамъ въ знакъ ласки и щедро-
«сти. Между тѣмъ готовился пиръ для Князей и
«народа; пили до самой ночи и развозили въ те-
«легахъ мясо, вареное безъ соли.

«Гаюкъ имѣетъ отъ роду 40 или 45 лѣтъ,
«росту средняго, отмѣнно уменъ, догадливъ и
«столь важенъ, что никогда не смѣется. Хри-

ГЛАВА III.

Великій Князь Всеволодъ III Георгіевичъ.

Г. 1176 — 1212.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолубіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новгородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиръ въ Кіевѣ. Миролубіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романовъ. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на пре-

«гіе изъ нихъ были впущены въ ставку Импе-
«раторскую. Дары, поднесенные ими Хану, со-
«стояли въ шелковыхъ тканяхъ, поясахъ, мѣ-
«хахъ, сѣдлахъ, также вельблюдахъ и лоша-
«кахъ, богато украшенныхъ. Между сими без-
«численными дарами мы замѣтили одинъ зон-
«тикъ, весь осыпанный драгоцѣнными камнями.
«Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ шатровъ стояло
«болѣе пяти сотъ телегъ, наполненныхъ золо-
«томъ, серебромъ, шелковыми одеждами: что
«все было отдано Хану, Князьямъ и Вельможамъ,
«которые послѣ дарили тѣмъ своихъ чиновни-
«ковъ. Одни мы не поднесли ничего, ибо ничего
«не имѣли.

«Въ намѣреніи воевать Западъ, Гаюкъ не хо-
«тѣлъ вступить съ нами въ переговоры, и мы
«около мѣсяца жили праздно, въ скукѣ, въ не-
«достаткѣ, получая отъ Моголовъ на пять дней
«не болѣе того, что надлежало издержать въ
«одинъ день; а купить было нечего. Къ счастью,
«добрый Россіянинъ, золотарь, именемъ Комъ,
«любимецъ Гаюковъ, надѣлялъ насъ всѣмъ нуж-
«нымъ. Онъ сдѣлалъ печать для Хана и тронъ
«изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и
«камнями драгоцѣнными съ разными изображе-
«ніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ
«свою работу. — Наконецъ Гаюкъ, призвавъ
«насъ, спросилъ, есть ли у Папы люди знающіе
«языкъ Татарскій, Русскій или Арабскій? Нѣтъ,
«отвѣчали мы: хотя въ Европѣ и находятся
«нѣкоторые Арабы, но далеко отъ того мѣста,

Мстиславу : «за меня Богъ и Владимірцы. «Будь Княземъ первыхъ; а Суздальцы да «повинуются изъ насъ , кому хотятъ.» Но Вельможи Ростовскіе , надменные гордо-стію, сказали Мстиславу : «Мирися одинъ, «если тебѣ угодно; мы оружіемъ управимся «съ чернію Владимірскою.» Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переславскую, Всеволодъ объявилъ воинамъ о непримири-мой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ едино-душно отвѣтствовали : «Государь! ты же-«лалъ добра Мстиславу, а Мстиславъ ищетъ «головы твоей, и не давъ еще исполниться «девяти днямъ по кончинѣ Михайловой, «жаждетъ кровопролитія. Иди же на него «съ Богомъ! Если будемъ побѣждены , то «пусть возьмутъ Ростовцы женъ и дѣтей «нашихъ!» Всеволодъ , оставивъ за собою рѣку Кзу , среди Юрьевского поля ударилъ
Іюня 27. на непріятеля ⁽⁴⁷⁾ , разсѣялъ его и съ тор-жествомъ возвратился въ столицу. Дружина Княжеская и Владимірцы вели связанныхъ Вельможъ Ростовскихъ , виновниковъ ме-ждоусобія; за ними гнали множество коней и скота, взятаго въ селахъ Боярскихъ. Суздаль, Ростовъ, покорились Всеволоду.

Мстиславъ напрасно желалъ быть вто-рично Княземъ Новгородскимъ. «Нѣтъ!» сказали ему жители : «ты ударилъ пятою «Новгородъ : иди же отъ насъ вмѣстѣ съ «сыномъ!» Они искали дружбы побѣдителя,

«Папѣ. Но Батый сказалъ, что онъ не
«можетъ ничего прибавить къ отвѣту Хана,
«и далъ намъ пропускъ, съ коимъ мы бла-
«гополучно доѣхали до Кіева, гдѣ считали
«насъ уже мертвыми, равно какъ и въ
«Польшѣ. Князь Россійскій Даніилъ и
«братъ его, Василько, оказали намъ много
«ласки въ своемъ владѣніи, и собравъ
«Епископовъ, Игуменовъ, знатныхъ лю-
«дей, съ общаго согласія объявили, что
«они намѣрены признать Св. Отца Главою
«ихъ Церкви, подтверждая все сказанное
«ими о томъ прежде чрезъ особеннаго Посла,
«бывшаго у Папы.»

Сіе важное извѣстіе согласно съ грамо-
тами Иннокентія IV, съ лѣтописями Поль-
скими и нашими собственными. Занимаясь
великимъ намѣреніемъ свергнуть иго Ба-
тыево, Даніилъ съ горестію видѣлъ сла-
бость Россіи, уныніе Князей и народа; не
могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе, и дол-
женствовалъ искать способовъ внѣ отече-
ства. Единовѣрная Греція, стѣсненная Ара-
витянами, Турками, Крестоносцами, едва
существовала: Даніилъ обратилъ глаза на
Западъ, гдѣ Римъ былъ душою и средото-
чіемъ всѣхъ государственныхъ движеній.
Сей Князь (въ 1245 или 1246 году) далъ знать
Иннокентію, что желаетъ соединить Цер-
ковь нашу съ Латинскою, готовый подъ ея
знаменами итти противъ Моголовъ. Нача-

Полити-
ка Дані-
илова.

Глѣба , Великій Князь отказался отъ мирныхъ его предложеній , и наконецъ — видя , что рѣка замерзла — отправилъ на другую сторону обозъ свой съ частію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ , и первый обратился въ бѣгство : Глѣбъ также , смятый полкомъ Всеволода ⁽⁵⁰⁾. Дружина Великаго Князя гналась за малодушными , и плѣнивъ самого Глѣба , сына его Романа , Мстислава , множество Бояръ , истребила Половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился старый Воевода Андрея Боголюбскаго , Борисъ Жидиславичъ , который держалъ сторону Мстислава. Всѣ они были предметомъ народной ненависти , и граждане Владимірскіе , посвятивъ два дни на общую радость , хотѣли ознаменовать третій злобною местію : обступили дворецъ Княжескій и говорили Всеволоду : «Государь! мы рады положить за тебя свои головы ; но казни «злodeвъ , или ослѣпи , или выдай намъ въ «руки.» Изъявляя человѣколюбіе , Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу , чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ , храбрый Мстиславъ , братъ Романа Смоленскаго , вмѣстѣ съ горестною своею тещею убѣждалъ Святослава Черниговскаго , какъ Всеволодова союзника , освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій , Черниговскій Епископъ , ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу , съ условіемъ отказаться навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Рос-

«землѣ чуждой.» Онъ вторично не хотѣлъ принять и короны; но убѣжденный матерію, вдовствующею супругою Романовою, и Герцогами Польскими, согласился, требуя, чтобы Иннокентій взялъ дѣйствительнѣйшія мѣры для обороны Христіанъ отъ Батыя, и до всеобщаго Собора не осуждалъ Догматовъ Греческой Церкви: въ слѣдствіе чего Даніилъ призналъ Папу своимъ отцемъ и намѣстникомъ Св. Петра, коего властію Посолъ Иннокентіевъ, Аббатъ Мессинскій, въ присутствіи народа и Бояръ возложилъ вѣнецъ на главу его. Сей достопамятный обрядъ совершился въ Дрогичинѣ, и Князь Галицкій съ того времени именовался *Королемъ*; а Папа написалъ грамоту къ Богемскому, Моравскому, Польскому, Сербскому и другимъ народамъ, чтобы они вмѣстѣ съ Галичанами *подъ знаменіемъ креста* ударили на Моголовъ ⁽⁵⁷⁾; но какъ отъ безразсуднаго междоусобія Христіанскихъ Государей сіе ополченіе не состоялось, то Даніилъ снялъ съ себя личину, отрекся отъ связи съ Римомъ и презрѣлъ гнѣвъ Папы, Александра IV, который (въ 1257 году) писалъ къ нему, что «онъ забылъ духовныя и временныя благодѣянія Церкви, «вѣнчавшей и помазавшей его на царство; «не исполнилъ своихъ обѣтовъ, и погибнетъ если съ новымъ раскаяніемъ не обратится на путь истины; что клятва

Даніилъ
Король
Галиц-
кій.

«церковная и булатъ мірскій готовы наказать «неблагодарнаго ⁽⁵⁸⁾.» Въ надеждѣ смирять Моголовъ Посольствами и дарами, новый Король Галицкій, богатый казною, сильный войскомъ, окруженный сосѣдами или несогласными или слабыми, уже смѣялся надъ злобою Папы, и строго наблюдая уставы Греческой Церкви, доказалъ, что мнимое присоединеніе его къ Латинской было одною государственною хитростію ⁽⁵⁹⁾.

Обращаясь къ путешествію Карпина, предложимъ сказанное имъ о свойствѣ, нравахъ и Вѣрѣ Моголовъ: сіи извѣстія также достойны замѣчанія, сообщая намъ ясное понятіе о народѣ, который столь долгое время угнеталъ Россію.

«Татары (повѣствуетъ Карпинъ) отличны видомъ отъ всѣхъ иныхъ людей, имѣя щеки выпуклыя и надутыя, глаза едва примѣтные, ноги «маленькія; большею частію ростомъ не высоки «и худы ⁽⁶⁰⁾; лицомъ смуглы и рябы. Они «брѣютъ волосы за ушами и спереди на лбу, «отпуская усы, бороду и длинныя косы назадъ; «выстригаютъ себѣ также гуменцо, подобно нашимъ Священникамъ. Мужчины и женщины «носятъ кафтаны парчевые, шелковые и клееношныя, или шубы навыворотъ (получая ткани «изъ Персіи, а мѣха изъ Россіи, Болгаріи, земли «Мордовской, Башкиріи) и какія-то странныя «высокія шапки ⁽⁶¹⁾. Живутъ въ шатрахъ, сплетенныхъ изъ прутьевъ и покрытыхъ войло-

«ками; вверху дѣлается отверстіе, чрезъ которое
«входитъ свѣтъ и выходитъ дымъ : ибо у нихъ
«всегда пылаетъ огонь въ ставкѣ. Стада и та-
«буны Могольскіе безчисленны : въ цѣлой Ев-
«ропѣ нѣтъ такого множества лошадей, вель-
«блюдовъ, овецъ, козъ и рогатой скотины. Мясо
«и жидкая просяная каша есть главная пища
«сихъ дикарей, довольныхъ малымъ ея коли-
«чествомъ. Они не знаютъ хлѣба ; ѣдятъ все
«нечистыми руками, обтирая ихъ объ сапоги
«или траву; не моютъ ни котловъ, ни самой
«одежды своей; любятъ кумысъ и пьянство до
«крайности , а медъ , пиво и вино получаютъ
«иногда изъ другихъ земель. Мужчины не зани-
«маются никакими работами : иногда присматри-
«ваютъ только за стадами или дѣлаютъ стрѣлы.
«Младенцы трехъ и двухъ лѣтъ уже садятся на
«лошадь; женщины также ѣздятъ верхомъ, и
«многія стрѣляютъ изъ лука не хуже воиновъ;
«въ хозяйствѣ же удивительно трудолюбивы :
«стряпаютъ шьютъ платье, сапоги; чинятъ те-
«леги , навьючиваютъ вельблюдовъ. Вельможи и
«богатые люди имѣютъ до ста женъ ; двоюрод-
«ные совокупляются бракомъ, пасынокъ съ ма-
«чихою, невѣстки съ деверемъ. Женихъ обы-
«кновенно покупаетъ невѣсту у родителей, и
«весьма дорогою цѣною. Не только прелюбодѣя-
«ніе , но и блудъ наказывается смертію, равно
«какъ и воровство, столь необыкновенное, что
«Татары не употребляютъ замковъ; боятся, ува-
«жаютъ чиновниковъ, и въ самомъ пьянствѣ не

жество скота, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвратномъ пути усмирилъ во Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадедъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ Софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревностный витязь Новгородской чести, вздумавъ отмстить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку. Едва Романъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ отвѣтствовать за прадеда, давно истлѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидъ древнихъ не достойно ни Христіанина, ни Князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ пылкаго славолубія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суету гордости человѣческой, и живъ Героемъ, хотѣлъ умереть Христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Святыхъ Таинъ послѣ Литургіи, и закрылъ глаза навѣки въ объятіяхъ неутѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣтей, въ особенности юнаго Владиміра,

Конча-
на его.
Іюня
14.

своимъ братьямъ. Такимъ образомъ Новогородцы въ два года погребли у себя двухъ Князей: чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя Властителей, они не давали имъ умирать на тронѣ. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоту мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостію сердца благороднаго. Сей Князь, по свидѣтельству современниковъ, былъ украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы, и презирая опасности, еще болѣе презиралъ золото, отдавая всю добычу Церкви или воинамъ, коихъ всегда ободрялъ въ битвахъ словами: *за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра; умремъ же съ честію.* — «Не было такой земли въ Россіи (говоритъ Лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не плакали.» Народная любовь къ сему Князю была столь велика, что граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ отсутствіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича ⁽⁵⁵⁾; но Мстиславъ согласился властвовать надъ ними единственно для того, чтобы усмирить ихъ и возвратить престоль старшему брату. Новогородцы погребли Мстислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, строителя Софійской церкви. Надлежало избрать

Августа 17.

преемника: въ досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжить Владимира, сына Святославова, изъ Чернигова.

Сей юноша не за-долго до того времени гостилъ у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михайловой ⁽⁵⁶⁾. Святославъ имѣлъ случай оказывать услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя Удѣла, и не дерзая требовать онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонителя. Между тѣмъ, какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола Владимірскаго, супруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не устояла противъ обоюднаго властолюбія. Святославъ, охотно пославшій сына господствовать въ Новгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ тѣмъ оскорбится, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода. Новыя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію тестя, отнимаетъ ихъ Удѣлы и презираетъ Великаго Князя. Всеволодъ, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ тамъ Святославова сына, Глѣба ⁽⁵⁷⁾;

Раздоръ
Велика-
го Кня-
зя съ
Черни-
гов-
скимъ.

«Государемъ міра , прибавляя : Богъ на небесахъ,
«я на земль. Онъ готовится послать въ Мартѣ
«1247 году одну рать въ Венгрію , а другую въ
«Польшу; черезъ три года перейти за Донъ и 18
«лѣтъ воевать Европу. Моголы и прежде, побѣ-
«дивъ Короля Венгерскаго , думали итти безпре-
«станно далѣе и далѣе; но внезапная смерть
«Хана , *отравленнаго ядомъ* , остановила тогда
«ихъ стремленіе ⁽⁶⁷⁾. Гаюкъ намѣренъ еще за-
«воевать Ливонію и Пруссію. Государи Европей-
«скіе должны соединенными силами предупре-
«дить замыслы Хана, или будутъ его рабами.»

Провидѣніе спасло Европу : ибо Гаюкъ жилъ не долго, и преемникъ его , Мангу, озабоченный внутренними безпорядками въ своихъ Азіатскихъ владѣніяхъ , не могъ исполнить Гаюкова намѣренія. Но Западъ еще долгое время страшился Востока , и Святый Людовикъ , находясь въ Кипрѣ , въ 1253 году вторично отправилъ Монаховъ въ Татарію съ дружелюбными письмами , услышавъ , что Великій Ханъ принялъ Вѣру Спасителеву. Сей слухъ оказался ложнымъ: Гаюкъ и Мангу терпѣли при себѣ Христіанскихъ Священниковъ , позволяли имъ спорить съ идолопоклонниками и Магометанами, даже обращать женъ Ханскихъ; но сами держались Вѣры отцевъ своихъ. Рубруквисъ, Посолъ Людовиковъ, ѣхалъ изъ Тавриды или *Козаріи* (гдѣ жили многіе Греки съ Готами подъ властію ⁽⁶⁸⁾ Моголовъ) , чрезъ нынѣшнюю землю Донскихъ Козаковъ, Саратовскую , Пензенскую и Симбирскую Губернію , гдѣ

въ густыхъ лѣсахъ и въ бѣдныхъ, разсѣянныхъ хижинахъ обитали Мокшане и Мордовскіе ихъ единоплеменники, богатые только звѣриными кожами, медомъ и соколами ⁽⁶⁹⁾. Князь сего народа, принужденный воевать за Батыя, положилъ свою голову въ Венгріи, и Мокшане, узнавъ тамъ Нѣмцевъ, говорили объ нихъ съ великою похвалою, желая, чтобы они избавили міръ отъ ненавистнаго ига Татарскаго. Батый кочевалъ въ Казанской Губерніи, на Волгѣ, обыкновенно проводя тамъ лѣто, а въ Августѣ мѣсяцѣ начиная спускаться внизъ по ея теченію, къ странамъ южнымъ ⁽⁷⁰⁾. Въ станѣ Могольскомъ и въ окрестностяхъ находилось множество Россіянъ, Венгровъ, Ясовъ, которые, заимствуя нравы своихъ побѣдителей, скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. При Дворѣ сына Батыева, Сартака, жилъ одинъ изъ славныхъ Рыцарей Храма, и пользовался довѣренностію Моголовъ, часто рассказывая имъ о Европейскихъ обычаяхъ и силѣ тамошнихъ Государей. — Рубруквисъ отъ береговъ Волги отправился въ южную Сибирь, и пріѣхавъ къ Великому Хану, старался доказать ему превосходство Вѣры Христіанской ⁽⁷¹⁾; но Мангу равнодушно отвѣтствовалъ: «Моголы знаютъ, что «есть Богъ, и любятъ Его всею душею. Сколько «у тебя на рукѣ пальцевъ, столько или болѣе «можно найти путей ко спасенію. Богъ далъ «вамъ Библію, а намъ волхвовъ: вы не исполняете ея предписаній, а мы слушаемся своихъ

«Наставниковъ, и ни съ кѣмъ не споримъ . . .
«Хочешь ли золота? Взявъ его изъ казны моей,
«иди, куда тебѣ угодно.» Посолъ Людовиковъ
нашелъ при Дворѣ Ханскомъ Россійскаго Архи-
тектора и Діакона, Венгровъ, Англичанъ и весь-
ма искуснаго золотаря Парижскаго, именемъ
Гильйома, жившаго у Мангу въ чести и въ ве-
ликомъ изобиліи (⁷²). Сей Гильйомъ сдѣлалъ для
Хана огромное серебряное дерево, утвержденное
на четырехъ серебряныхъ львахъ, которые слу-
жили чанами въ пиршествахъ: кумысъ, медъ,
пиво и вино подымались изъ нихъ до вершины
дерева и лились сквозь отверстый зѣвъ двухъ
вызолоченныхъ драконовъ на землю въ большіе
сосуды; на деревѣ стоялъ крылатый Ангелъ и
трубилъ въ трубу, когда надлежало гостямъ
пить. Моголы вообще любили художниковъ,
обязанные симъ новымъ для нихъ вкусомъ му-
дрому правленію безсмертнаго Иличутсая, о
коемъ мы выше упоминали, и который, бывъ
долгое время Министромъ Чингисхана и преем-
ника его, ревностно старался образовать ихъ
подданныхъ: спасъ жизнь многихъ ученыхъ
Китайцевъ, основалъ училища, вмѣстѣ съ Ма-
тематиками Арабскими и Персидскими сочинилъ
Календарь для Моголовъ, самъ переводилъ кни-
ги, чертилъ географическія карты, покровитель-
ствовалъ художниковъ; и когда умеръ, то за-
вистники сего великаго мужа, къ стыду своему,
нашли у него, вмѣсто предполагаемыхъ сокро-
вищъ, множество рукописныхъ твореній о наукѣ

Упреки
Всево-
лоду.

скаго принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и
взялъ у нихъ не малое число плѣнниковъ.
Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Свя-
тославъ отправилъ къ Великому Князю
своего Духовника съ такими словами:
«Братъ и сынъ мой! имѣвъ искреннее удо-
«вольствіе служить тебѣ совѣтомъ и дѣ-
«ломъ, могъ ли я ожидать столь жестокой
«неблагодарности? Въ возмездіе за сіи услу-
«ги ты не устыдился злодѣйствовать мнѣ и
«схватилъ моего сына. Для чего же ме-
«длишь? я близъ тебя: рѣшимъ дѣло судомъ
«Божіимъ. Выступи въ поле, и сразимся,
«на той или другой сторонѣ рѣки.» Всево-
лодъ не отвѣтствовалъ, задержалъ Пословъ
и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, же-
лая, чтобы Князь Черниговскій въ досадѣ
своей отважился на битву, для себя невы-
годную, и перешелъ за рѣку. Святославъ
не трогался съ мѣста. Весна наступила:
боясь распутия, онъ рѣшился оставить
часть обоза и станъ въ добычу непріятелю,
впрочемъ не хотѣвшему за нимъ гнаться;
сжегъ Дмитровъ, мѣсто Всеволодова ро-
жденія, и прибылъ весновать въ Новгородъ,
гдѣ жители встрѣтили его какъ побѣди-
теля, называя именемъ *Великаго*. Яро-
полкъ, прежде изгнанный ими въ удоволь-
ствіе Всеволоду, находился съ Чернигов-
скимъ Княземъ: они вторично приняли
его къ себѣ и дали ему въ Удѣлъ Тор-

стаями , а мужчины носятъ *епанчи* *Нѣмецкія* и
поярковыя шапки , остроконечныя и высокія.
Онъ прибавляетъ еще, что обыкновенная монета
Россійская состоитъ изъ кожаныхъ , пестрыхъ
лоскутковъ ⁽⁷⁶⁾. Черезъ Дербентъ , Ширванъ
(гдѣ находилось великое число Жидовъ) Ша-
маху, Тифлисъ (гдѣ начальствовалъ Могольскій
Воевода Баку) Рубруквисъ прибылъ въ Арменію
и благополучно достигъ Кипра ⁽⁷⁷⁾.

Моно-
махова
потом-
ства.

(если исключимъ Георгія Долгорукаго) , и слѣдую наслѣдственнымъ правиламъ , отличались великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ , онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ , умѣлъ внезапно разбить Половцевъ , предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ , и воспользо-вался робостію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; отказался отъ Кіева , удержавъ за собою всѣ другіе города Днѣпровскіе , и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей , съ условіемъ , чтобы они , подобно ему , служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнять Христіанъ.

Осада
Торжка.

Вѣроятно , что Рюрикъ старался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ : Новгородъ , бывъ основаніемъ ихъ вражды , подалъ имъ и способъ прекратить оную. Ярополкъ , ненавидя Всеволода , не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно тревожилъ границы Суздальскія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь , граждане оборонялись мужественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба , питались кониною ⁽⁶¹⁾ : наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ , раненный стрѣлою во время осады , былъ заключенъ въ цѣпи , а городъ сожженъ вторично ; жителей отвели плѣнниками въ Владиміръ. Войско Новгородское находилось тогда съ Святославомъ въ

землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ, за-
щитить собственную. Но чиновники и гра-
ждане, перемѣнивъ мысли, уже хотѣли
искать милости Всеволодовой. Разсуждая, Полити-
ка Но-
вог о-
род-
цевъ. что дружба Государя сосѣдственнаго, юна-
го, могущественнаго, твердаго душею, вы-
годнѣе дружбы Черниговскаго Князя, сла-
бодушнаго, легкомысленнаго и притомъ
удаленнаго отъ предѣловъ Новгородскихъ,
они выслали Святославова сына и требо-
вали, чтобы Всеволодъ, оставивъ вражду,
далъ имъ Правителя. Онъ немедленно
возвратилъ свободу плѣннымъ жителямъ
Торжка, и своякъ его, Ярославъ Владимі-
ровичъ, внукъ Мстислава Великаго, прі-
ѣхалъ изъ Суздаля княжить въ Новго-
родъ ⁽⁶²⁾. Достигнувъ такимъ образомъ
цѣли своей—то есть, присоединивъ область
Новгородскую ко владѣніямъ Мономахова
Дому — Всеволодъ съ честію отпустилъ
Глѣба Святославича къ отцу, не мѣшалъ
послѣднему господствовать въ Кіевѣ, и
возобновивъ старую съ нимъ дружбу, вы-
далъ своячину, Княжну Яскую, за его Г. 1182.
Браки. меньшаго сына; а Глѣбъ Святославичъ же-
нился на дочери Рюриковой.

Внутреннее междоусобіе прекратилось:
начались войны внѣшнія. Подобно Андрею
смотря съ завистію на цвѣтущую художе-
ствами и торговлею Болгарію, Всеволодъ
желалъ овладѣть ею, и звалъ другихъ Кня-

г. 4183.
Война
съ Бол-
гарами.

зей къ содѣйствию. Война съ невѣрными ка-
залась тогда во всякомъ случаѣ справедли-
вою ⁽⁶³⁾: Святославъ прислалъ сына своего,
Владимира, къ Великому Князю, радуясь,
что онъ замыслилъ дѣло столь благопріят-
ное для чести Россійскаго оружія. Князья
Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смо-
ленскаго также участвовали въ семъ похо-
дѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Ка-
занской Губерніи, оставила ладіи близъ
устья Цывили, подъ стражею Бѣлозерскихъ
воиновъ, и шла далѣе сухимъ путемъ. Пе-
редовой отрядъ, увидѣвъ вдали конницу,
готовился къ битвѣ; но мнимые непріатели
оказались Половцами, которые также вое-
вали Болгарію, и хотѣли служить Всеволо-
ду. Вмѣстѣ съ ними Россіяне осадили такъ
называемый Великій городъ въ землѣ *Сере-
бряныхъ* Болгаровъ, какъ сказано въ лѣто-
писи. Юный племянникъ Всеволодовъ, Изя-
славъ Глѣбовичъ, братъ Князя Переяслав-
скаго ⁽⁶⁴⁾, не хотѣлъ ждать общаго присту-
па, и между тѣмъ, какъ Бояре совѣтовались
въ шатрѣ у Великаго Князя, одинъ съ
своею дружиною ударилъ на Болгарскую
пѣхоту, стоявшую въ укрѣпленіи предъ
городомъ; пробился до воротъ, но уязвлен-
ный стрѣлою въ сердце, палъ на землю.
Воины принесли его въ станъ едва живаго.
Сей случай спасъ городъ: ибо Великій
Князь, видя страданіе любимаго, муже-

ственнаго племянника , не могъ ревностно заниматься осадю , и въ десятый день , заключивъ миръ съ жителями , отступилъ къ ладіямъ , гдѣ Бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жителями трехъ городовъ Болгарскихъ , хотѣвшихъ истребить суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался , и Всеволодъ съ горестію возвратился въ столицу , отправивъ конницу въ Владиміръ чрезъ землю Мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ , опасныхъ и жестокихъ. Народъ
Литов-
скій. Народъ Литовскій , въ теченіе ста-пятидесяти лѣтъ подвластный ея Князьямъ , дикій , бѣдный , платилъ имъ дань шкурами , даже лыками и вѣниками ⁽⁶⁵⁾. Непрестанныя наши междоусобія , раздѣленіе земли Кривской и слабость cadaго Удѣла въ особенности , дали способъ Литовцамъ не только освободиться отъ зависимости , но и тревожить набѣгами области Россійскія. Трубя въ длинныя свои трубы , они сажались на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ лютые звѣри стремились на добычу : жгли селенія , плѣняли жителей , и настигаемые отрядами воинскими , не хотѣли биться стѣною : разсыпаясь во всѣ стороны , пускали стрѣлы издали , метали дротики , исчезали и снова являлись. Такъ сіи граби-

стаду Христову ; что сынъ обязанъ слѣдовать благому примѣру отца , если хочетъ душевнаго спасенія и мірскаго счастія ; что въ противномъ случаѣ онъ доказалъ бы свою безразсудность , не слушаясь Бога и Римскаго Его Намѣстника ; что Князь и народъ Россійскій найдутъ тишину и славу подъ сѣнію Западныхъ Церкви ; что Александръ долженъ , какъ вѣрный стражъ Христіанъ , немедленно увѣдомить Рыцарей Ливонскаго Ордена , если Моголы снова пойдутъ на Европу. Папа въ заключеніе хвалитъ Невскаго за то , что онъ не призналъ надъ собою власти Хана : ибо Иннокентій еще не слыхалъ тогда о путешествіи сего Князя въ Орду. Александръ , призвавъ мудрыхъ людей , совѣтовался съ ними , и написалъ къ Папѣ : «мы знаемъ истинное «ученіе Церкви , а вашего не приедемъ и «знать не хотимъ.» Онъ безъ сомнѣнія не повѣрилъ клеветѣ на память отца его : самъ Карпинъ въ описаніи своего путешествія не говоритъ ни слова о мнимомъ обращеніи Ярослава.

г. 1251. Новогородцы встрѣтили Невскаго съ живѣйшею радостію : также и Митрополита Кирилла , который прибылъ изъ Владиміра , и къ общему удовольствію посвятилъ ихъ Архіепископа , Далмата ⁽⁸⁶⁾. Внутреннее спокойствіе Новагорода было нарушено только случайнымъ недостаткомъ въ хлѣ-

бѣ , пожарами и весьма опасною болѣзнію г. 1251-1252.
 Князя Александра, въ коей все Государство Болѣзнь
 принимало участіе, возлагая на него един- А л е -
 ственную свою надежду : ибо онъ , умѣвъ к с а н -
 заслужить почтеніе Моголовъ , разными дрога.
 средствами благотворилъ несчастнымъ со-
 гражданами и посылалъ въ Орду множество
 золота для искупленія Россіянъ , бывшихъ
 тамъ въ неволѣ. Богъ услышалъ искрен-
 ную молитву народа, Бояръ и Духовенства:
 Александръ выздоровѣлъ, и желая оградить
 безопасностію сѣверную область Нового-
 родскую , отправилъ Посольство къ Нор- Посоль-
 вежскому Королю Гакону въ Дронтгеймъ, ство
 предлагая ему , чтобы онъ запретилъ Фин- въ Нор-
 маркскимъ своимъ подданнымъ грабить вегію.
 нашу Лопъ и Корелію ⁽⁸⁷⁾. Посламъ Россій-
 скимъ велѣно было также узнать лично
 Гаконovu дочь, именемъ Христину, на коей
 Александръ думалъ женить сына своего,
 Василия. Король Норвежскій , согласный
 на то и другое, послалъ въ Новгородъ соб-
 ственныхъ Вельможъ , которые заключили
 миръ и возвратились къ Гакону съ бога-
 тыми дарами ; но съ обѣихъ сторонъ же-
 лаемый бракъ не могъ тогда совершиться,
 ибо Александръ , свѣдавъ о новыхъ несча-
 стіяхъ Владимірскаго Княженія, отложилъ
 семейственное дѣло до инаго , благопріят-
 нѣйшаго времени, и спѣшилъ въ Орду,
 чтобы прекратить сіи бѣдствія.

Братъ его , Андрей , зять Данила Галицкаго , хотя имѣлъ душу благородную , но умъ вѣтреный и неспособный отличать истинное величіе отъ ложнаго ⁽⁸⁸⁾ : княжа въ Владимірѣ , занимался болѣе звѣриною ловлею , нежели правленіемъ ; слушался юныхъ совѣтниковъ , и видя безпорядокъ , обыкновенно происходящій въ Государствѣ отъ слабости Государей , винилъ въ томъ не самого себя , не любимцевъ своихъ , а единственно несчастныя обстоятельства времени. Онъ не могъ избавить Россію отъ ига : по крайней мѣрѣ , слѣдуя примѣру отца и брата , могъ бы дѣятельнымъ , мудрымъ правленіемъ и благоразумною уклончивостію въ разсужденіи Моголовъ облегчить судьбу подданныхъ : въ семъ состояло тогда истинное великодушіе. Но Андрей пылкій , гордый , положилъ , что лучше от-
казаться отъ престола , нежели сидѣть на немъ данникомъ Батыевымъ , и тайно бѣжалъ изъ Владиміра съ женою своею и съ Боярами. Неврюй , Олабуга , прозваніемъ *Храбрый* , и Котья , Воеводы Татарскіе , уже шли въ сіе время наказать его за какое-то
ослушаніе : настигнувъ Андрея у Переславля , разбили Княжескую дружину , и едва не схватили самого Князя. Обрадованные случаемъ мстить Россіянамъ какъ мятежникамъ , толпы Неврюевы разсыпались по всѣмъ областямъ Владимірскимъ ; брали

Бѣгство
Андрее-
во.

г. 1252.
Іюля 24.

лами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ Половцы со всѣхъ сторонъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненный Игорь ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лице и тѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломивъ свое копіе и мечъ. Почти никто не могъ спастись: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были отведены въ неволю. Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцевъ, тамъ бывшихъ. «Скажите въ Кіевѣ (говорили имъ Половцы), «что мы теперь можемъ обмѣняться плѣнниками.» Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ (71): на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залился слезами и сказалъ: «я жаловался на легкомысліе «Игоря: теперь еще болѣе жалуясь на его зло-«счастіе.» Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ итти по слѣдамъ Владѣтелей Сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій: ибо варвары, успо-

Муже-
ство
Влади-
мира.

коєнные его робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичъ встрѣтилъ ихъ подѣстѣнами и бился какъ Герой; кровь текла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленнаго тремя копьями ⁽⁷²⁾. Половцы, взявъ городъ *Римъ* или нынѣшній Роменъ, опустошивъ множество селъ близъ Путивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдственныя времена Всеволода I или Святополка-Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію Сѣверянъ, Игорь Святославичъ возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подѣ надзираніемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака; имѣлъ при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверьъ, вызвался бѣжать съ нимъ въ Россію. Князь Игорь отвѣтствовалъ: «я могъ уйти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.» Однакожь, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего Конюшаго, Игорь воспользовался темнотою ночи и сномъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ ⁽⁷³⁾. Сынъ его Владиміръ, оставленный имъ въ плѣну,

лемъ. Великій Князь, огорченный поступкомъ брата и народа, ему любезнаго, вооружился, въ надеждѣ смирить ихъ безъ кровопролитія. Ярославъ, не посмѣвъ обнажить меча, скрылся; но граждане, призывая имя Богоматери, клялися на Вѣчѣ умереть другъ за друга и стали полками на улицахъ. Впрочемъ не всѣ дѣйствовали единодушно: многіе Бояре думали единственно о личныхъ выгодахъ: они желали торговаться съ Великимъ Княземъ, чтобы предать ему народъ. Въ числѣ ихъ былъ нѣкто Михалко, гражданинъ властолюбивый, который, лаская Посадника Ананію, тайно намѣревался заступить его мѣсто, и бѣжалъ въ Георгіевскій монастырь, велѣвъ собраться тамъ своимъ многочисленнымъ единомышленникамъ. Граждане устремились за нимъ въ погоню; кричали: «онъ измѣнникъ! убьемъ «злодѣя!» Но Посадникъ, не зная Михалкова умыслу, спасъ сего мнимаго друга и говорилъ имъ съ твердостію: *убейте прежде меня самого!* Въ благодарность за такую услугу Михалко, встрѣтивъ Александра, описалъ ему Ананію какъ перваго мятежника, и Посоль Великаго Князя, пріѣхавъ въ Новгородъ, объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, чтобы они выдали ему Посадника, или разгнѣванный Государь будетъ ихъ непріателемъ ⁽⁹²⁾. Народъ отправилъ къ Александру Далмата Архіепископа и Клима Тысячскаго. «Новгородъ любитъ тебя и не хочетъ противиться «своему законному Князю,» говорили ему сіи Послы: «иди къ намъ съ Богомъ, но безъ гнѣва,

«и не слушайся нашихъ измѣнниковъ. Ана-
нїя есть добрый гражданинъ.» Александръ,
отвергнувъ всѣ ихъ убѣжденїя, требовалъ
головы Посадника. Въ подобныхъ случаяхъ
Новгородцы стыдились казаться малодуш-
ными. «Нѣтъ,» говорилъ народъ: «если
«Князь вѣритъ Новгородскимъ клятво-
«преступникамъ болѣе, нежели Новугоро-
«ду, то Богъ и Святая Софія не оставятъ
«насъ. Не винимъ Александра, но будемъ
«тверды.» Они три дни стояли вооружен-
ные. Наконецъ Князь велѣлъ объявить
имъ, что онъ удовольствуется смѣною По-
садника. Тогда Ананїя съ радостію отка-
зался отъ своего верховнаго сана, а ковар-
ный Михалко принялъ начальство. Але-
ксандръ вступилъ въ Новгородъ, давъ слово
не стѣснять правъ народныхъ, и съ честію
возвратился въ столицу Владимірскую.

Скоро Шведы, Финны и Нѣмцы явились
на берегахъ Наровы, и заложили тамъ го-
г. 1256. родъ ⁽⁹³⁾. Встревоженные Новгородцы
послали гонцевъ къ Александру и въ свои
области для собранїя людей ратныхъ. Хотя
опасность миновалась — ибо Шведы ушли,
не достроивъ крѣпости — но Великій Князь,
немедленно прибывъ въ Новгородъ съ Ми-
трополитомъ Кирилломъ, велѣлъ полкамъ
изготовиться къ важному предпрїятію, не
сказывая ничего болѣе. Только у Копорья,
гдѣ Митрополитъ далъ Невскому благосло-

веніе на путь, свѣдали войны, что они идутъ въ Финляндію: уstraшенные дальнимъ зимнимъ походомъ, многіе Новгородцы возвратились домой; прочіе сносили терпѣливо ужасныя вьюги и мятели. Погибло множество людей; однакожь Россіяне достигли своей цѣли, то есть, опустошили знатную часть Финляндіи, гдѣ, по сказанію Шведскихъ Историковъ, нѣкоторые жители держали нашу сторону, недовольные правленіемъ Шведовъ и насильственными ихъ поступками.

Поручивъ Новгородъ сыну своему, Василю, Александръ долженствовалъ снова ѣхать въ Орду, гдѣ произошла тогда великая перемѣна ⁽⁹⁴⁾. Батый умеръ: сынъ его — Смерть
Батые-
ва. вѣроятно Сартакъ — хотѣлъ господствовать надъ Татарами, но былъ жертвою властолюбиваго дяди, именемъ Берки, который, умертвивъ племянника, согласно съ волею Великаго Хана объявилъ себя преемникомъ Батыевымъ, и ввѣрилъ дѣла Россійскія своему Намѣстнику Улавчію. Сей г. 1257. Вельможа принималъ нашихъ Князей и дары ихъ: къ нему явился Александръ съ Борисомъ Васильковичемъ и братомъ Андреемъ (ибо сей послѣдній уже возвратился тогда въ отечество и жилъ въ Суздалѣ). Вѣроятно, что они, свѣдавъ намѣреніе Татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому Княженію,

полки иноплеменниковъ, и спасая тѣмъ подданныхъ отъ кровопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у Поляковъ войско за 3000 гривенъ серебра ⁽⁷⁷⁾: успѣхи торговли и мирной промышленности доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ Греческаго Императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его *Осьмомысломъ*. Сей миролюбивый Князь не находилъ мира только въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разстаться и (въ 1181 году) скончалась Монахиною въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата ⁽⁷⁸⁾; а сынъ Ярославовъ, въ третій разъ изгнанный отцемъ, напрасно искавъ пристанища у Князей Волынскихъ, Смоленскаго, даже у Великаго Князя, жилъ два года въ Путивлѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хотя наконецъ, посредствомъ Игорева старанія, примирился съ отцемъ, но имѣя склонности развратныя, непрестанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшаго, побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчастною Анастасіею. Готовясь къ смерти, онъ три дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищія тѣснились во дворцѣ къ одру умирающаго. Изъ-

народъ. — Въ одно время съ Александромъ возвратился изъ Орды Глѣбъ Васильковичъ: сей Князь Бѣлозерскій ѣздилъ къ Великому Хану, и тамъ женился, безъ сомнѣнія на какой нибудь Могольской Христіанкѣ, ибо самыя жены Хановъ явно исповѣдывали Вѣру Спасителеву ⁽⁹⁵⁾. Онъ надѣялся симъ брачнымъ союзомъ доставить нѣкоторыя выгоды своему утѣсненному отечеству.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Великій Князь Г. 1257-1258. вторично ѣздилъ къ Улавчію съ Борисомъ Ростовскимъ, съ Андреемъ Суздальскимъ и Ярославомъ Тверскимъ (который, признавъ вину свою, уже снова пользовался искреннею дружбою Александра). Намѣстникъ Ханскій требовалъ, чтобы Новгородъ также платилъ дань поголовную ⁽⁹⁶⁾: Герой Невскій, нѣкогда ревностный поборникъ Новгородской чести и вольности, долженъ былъ съ горестію взять на себя дѣло столь непріятное и склонить къ рабству народъ гордый, пылкій, который все еще славился своею исключительною независимостію. Вмѣстѣ съ Татарскими чиновниками и съ Князьями, Андреемъ и Борисомъ, Александръ поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители, свѣдавъ о его намѣреніи, пришли въ ужасъ. Напрасно говорили нѣкоторые и Посадникъ Михалко, что воля сильныхъ есть законъ для благоразумія слабыхъ, и что сопротивленіе бесполезно: народъ от-

вѣтствовалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ Посадника и выбралъ другаго. Самъ юный Князь Василій, по внушенію своихъ Бояръ, уѣхалъ изъ Новагорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Въ семъ расположеніи Александръ нашелъ большую часть гражданъ, и не могъ ничѣмъ перемѣнить его: они рѣшительно отказались отъ дани, но отпустили Могольскихъ чиновниковъ съ дарами, говоря, что желаютъ быть въ мирѣ съ Ханомъ, однакожь свободными отъ ига рабскаго.

Казнь
Бояръ.

Великій Князь, негодуя на ослушнаго сына, велѣлъ схватить его во Псковѣ и подъ стражею отвезти въ Суздальскую землю; а Бояръ, наставниковъ Василіевыхъ, казнилъ безъ милосердія. Нѣкоторые были ослѣплены, другимъ обрѣзали носъ: казнь жестокая; но современники признавали ее справедливою, и самый народъ считалъ ихъ виновными, ибо они возмутили сына противъ отца ⁽⁹⁷⁾: столь власть родительская казалась священною!

г. 1259. Александръ остался въ Новѣгородѣ, и предвидя, что Ханъ не удовольствуется дарами, ждалъ слѣдствій непріятныхъ. Въ самомъ дѣлѣ пришло извѣстіе изъ Владиміра, что войско Ханово уже готово итти къ Новугороду. Сія вѣсть, впрочемъ лож-

ная, имѣла такое дѣйствіе въ народѣ, что онъ на все согласился, и Великій Князь увѣдомилъ Моголовъ о его покорности⁽⁹⁸⁾. Чиновники ихъ, Беркай и Касачикъ, съ женами и со многими товарищами явились на берегахъ Волхова для переписи людей, и начали-было уже собирать дань въ окрестностяхъ столицы, но столь наглымъ и для бѣдныхъ утѣснительнымъ образомъ, что граждане, свѣдавъ о томъ, вдругъ перемѣнили мысли. Сдѣлалось волненіе: чиновники Могольскіе требовали стражи для своей безопасности. Александръ приставилъ къ нимъ Посадникова сына и Боярскихъ дѣтей, чтобы они днемъ и ночью стерегли ихъ дома. Мятежъ не утихалъ. Бояре совѣтовали народу исполнить волю Княжескую, а народъ не хотѣлъ слышать о дани, и собирався вокругъ Софійской церкви, желая умереть за честь и свободу: ибо разнесся слухъ, что Татары и сообщники ихъ намѣрены съ двухъ сторонъ ударить на городъ⁽⁹⁹⁾. Наконецъ Александръ прибѣгнулъ къ послѣднему средству: выѣхалъ изъ дворца съ Могольскими чиновниками, объявивъ, что онъ предаетъ мятежныхъ гражданъ гнѣву Хана и несчастной судьбѣ ихъ, навсегда разстается съ ними и ѣдетъ въ Владиміръ. Народъ колебался: Бояре воспользовались симъ расположеніемъ, чтобы склонить его упорную выю подъ ненавистное ему иго, дѣйствуя, какъ говоритъ Лѣтописецъ, согласно съ своими личными выгодами. Дань поголовная, требуемая Моголами, угнетала скудныхъ, а не

всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотѣлъ впустить его въ городъ Владиміръ: затворилъ ворота и сказалъ: «я здѣсь Князь, «а не ты!» Изумленный Романъ — лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной и наслѣдственной области — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему тестемъ, а Государь Польскій, Казимиръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приступалъ къ Владиміру, желая возвратить сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною тестя въ землю Галицкую: жители и Венгры отразили его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское Княженіе старшему брату.

Князья наши не думали вступить за несчастнаго Владиміра Галицкаго — посаженнаго Королемъ Белою въ каменную башню, — но съ прискорбіемъ видѣли иноплеменниковъ господами прекрасѣйшей изъ областей Россійскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался увѣрить его въ своемъ безкорыстіи, и даже г. 1189. обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичъ; а Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ,

два раза ходилъ помогать Белѣ Венгерскому, непріятелю Императора Фридерика и Короля Богемскаго (¹⁰¹). (Венгры, по словамъ Лѣтописца, удивлялись стройности полковъ Россійскихъ, ихъ Татарскому оружію, и пышности самого Князя, его богатой одеждѣ Греческой, обшитой золотыми кружевами, — саблѣ, стрѣламъ, сѣдлу, окованнымъ драгоцѣнными металлами съ блестящею рѣзьбою.) Сія вражда была за области умершаго Герцога Австрійскаго, Фридерика: Бела, Императоръ и Король Богемскій хотѣли овладѣть ими. Первый объявилъ себя защитникомъ дочери Фридериковой, именемъ Гертруды, уступившей ему свои наслѣдственныя права; женилъ на ней Даніилова сына, Романа; отправилъ ихъ въ Юденбургъ (*), и клялся Гертрудѣ отдать ей Австрію и Стирію, какъ скоро завоюетъ оныя. Тѣмъ усерднѣе Даніилъ доброжелательствовалъ Королю Венгерскому; не смотря на глазную болѣзнь, которая мѣшала ему видѣть, выступилъ въ поле съ Краковскимъ Герцогомъ, разорилъ Богемскую Силезію, взялъ Носсельтъ, выжегъ окрестности Троппавскія и возвратился, довольный мыслию, что никто изъ древнихъ Героевъ Россійскихъ, ни Св. Владиміръ, ни великій отецъ его, не воевалъ столь далеко въ землѣ Нѣмецкой. Хотя Бела не исполнилъ даннаго Гертрудѣ слова и даже не защитилъ ея супруга,

(*) Нейбургъ (отмѣтка руки Исторіографа на собственномъ его экземплярѣ. И. Г. Р.)

«лучше умереть въ своемъ отечествѣ, нежели скитаться по чужимъ землямъ; предаю «суду Божію тѣхъ, которые меня обманули» — и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненный, онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судьбою, хотѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили *смертное зелье* къ язвѣ Ростислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣриться въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего Короля. Правленіе Андреево, дотолѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насиліе. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово: отнимали женъ у супруговъ, ставили коней въ дома Боярскіе, въ самыя церкви; позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ нетерпѣніемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Владиміръ Галицкій, заключенный съ женою и съ дѣтьми у Короля Венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шатеръ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ и бѣжалъ къ Нѣмецкому Императору, Фридриху Барбаруссѣ. Такъ сынъ Ярослава

Гродно и другія мѣста Литовскія; но скоро Нѣмцы измѣнили, отчасти подкупленные Миндовгомъ, отчасти имъ обманутые: ибо сей хитрый язычникъ, видя бѣду, принялъ Вѣру Латинскую, и заслужилъ покровительство легкомысленнаго Папы, Александра IV, давшего ему санъ Королевскій ⁽¹⁰⁴⁾. Черезъ два года увидѣли обманъ: Миндовгъ, въ крайности уступивъ Даніилову сыну, Роману, Новогородокъ, Слонимъ, Волковискъ, и выдавъ дочь свою за его меньшаго брата, именемъ Шварна, отдохнувъ и собравъ силы, снова обратился къ идолослуженію и къ разбоямъ, гибельнымъ для Рижскаго Ордена, Мазовіи, Смоленскихъ, Черниговскихъ, даже Новгородскихъ областей.

Въ сіе время Даніилъ, ободряемый Королемъ Венгерскимъ, Ляхами и собственными успѣхами воинскими, дерзнулъ объявить себя врагомъ Моголовъ. Они вступили въ Понизье и заняли Бакоту: юный Левъ Даніиловичъ, выгнавъ ихъ оттуда, плѣнилъ Баскака Ханскаго. Темникъ Батыевъ, Куремса, не могъ взять Кременца, и сильно убѣждаемый Изяславомъ Владиміровичемъ (внукомъ Игоря Сѣверскаго) итти къ Галичу, отвѣтствовалъ: «Даніилъ страшенъ!» Вся южная Россія съ безнокойствомъ ждала слѣдствій; а мужественный Даніилъ, плѣнивъ Изяслава, и пользуясь изумленіемъ Татаръ, отнялъ у нихъ города между рѣками Бугомъ и Тетеревомъ, гдѣ Баскаки господствовали какъ въ своихъ Улусахъ. Онъ хотѣлъ даже освободить и

радостію ; а Белѣ остался стыдъ и титулъ *Короля Галицкаго* , съ 1190 года употребляемый въ его грамотахъ ⁽⁷⁹⁾. Еще не миновались опасности для Владиміра : худо вѣря безкорыстію Поляковъ , боясь Венгровъ , Романа Волынскаго и собственнаго народа , онъ прибѣгнулъ къ дядѣ , Великому Князю , не хотѣвъ дотолѣ искать въ немъ милости ; смиренно винился , обѣщаль исправиться , и писалъ къ нему : «Будь «моимъ отцемъ и Государемъ : я Божій и «твой со всѣмъ Галичемъ ; желаю тебѣ по-«виноваться , но только тебѣ одному.» Сіе покровительство , согласное съ долгомъ родства , было лестно и для гордости Всеволода , который , взявъ оное на себя , извѣстилъ о томъ всѣхъ Князей Россійскихъ и Казимира : послѣ чего Владиміръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

г. 1187-
1195.
Браки.

Чтимый внутри и внѣ Россіи , Всеволодъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дружелюбія Князей , и старался утвердить оное новымъ свойствомъ , выдавъ дочь свою за племянника Святославова , — другую , именемъ Верхуславу , за Рюриковича , мужественнаго Ростислава , а сына своего Константина , еще десятилѣтняго , женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго ⁽⁸⁰⁾. Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ , коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ

та , сына , Холмскаго Епископа Іоанна и дары. «Хотите ли увѣрить насъ въ искренней покорности?» говорилъ Темникъ Хановъ: «разберите или предайте огню стѣны крѣпостей вашихъ; сравняйте ихъ окопы съ землею.» Василько и Левъ не смѣли послушаться : города Даниловъ , Стожекъ , Кременецъ , Луцкъ , Львовъ , не задолго до того времени основанный и названный именемъ старшаго сына Данилова , обратились въ села, бывъ лишены своихъ укрѣпленій, ненавистныхъ Татарамъ. Бурондай веселился , смотря на пылающія стѣны и башни Владимірскія ; хвалилъ повиновеніе Василька , и въ знакъ особеннаго удовольствія нѣсколько дней пиروвавъ въ его дворцѣ , пошелъ къ Холму , откуда горестный Данииль уѣхалъ въ Венгрію. Провидѣніе вторично спасло сей городъ хитростію Василька, который , будучи посланъ съ двумя Мурзами (знавшими Русскій языкъ) чтобы склонить жителей къ сдачѣ , взялъ въ руку камень , и сказавъ: «не велю вамъ обороняться,» кинулъ его на землю. Воевода Холмскій угадалъ мысль Князя , и съ притворнымъ гнѣвомъ отвѣтствовалъ ему: «удалися; ты врагъ Государя нашего.» Василько дѣйствительно хотѣлъ, чтобы жители сопротивлялись , имѣя лучшихъ ратниковъ , укрѣпленія надежныя и много самострѣловъ ; а Татары , не любя долговременныхъ, кровопролитныхъ осадъ, чрезъ нѣсколько дней отступили, чтобы воевать Польшу , гдѣ Василько и Левъ служили имъ невольнымъ орудіемъ въ злодѣйствахъ. Такъ сіи

Времен-
ная не-
зависи-
мость
Кіева.

ниговъ брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Кіевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними Великими Князьями, но подобно имъ именовался Великимъ и возстановилъ независимость Кіева. Всеволодъ Георгіевичъ уважалъ въ Святославѣ опытнаго старца (власы сѣдые были тогда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое властолюбіе и терпѣлъ нѣкоторую зависимость могущественной области Суздальской отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣстѣ съ народомъ или знаменитыми гражданами избирая Епископовъ для Ростова, Суздаля, Владиміра, но посылая ихъ ставиться къ Митрополиту Никифору, преемнику Константинову, онъ всегда отправлялъ Пословъ и къ Святославу, требуя на то его Княжескаго соизволенія ⁽⁸¹⁾: ибо власть духовная была тѣсно связана съ гражданскою, и Митрополитъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ Государя. Никифоръ хотѣлъ нарушить сей уставъ въ Россіи, самовластно посвятивъ въ Епископы Суздаля одного Грека; но Всеволодъ не принялъ его, и Митрополитъ поставилъ инаго, назначеннаго Великимъ Княземъ и одобреннаго Святославомъ. — Между тѣмъ, желая приблизиться къ древней столицѣ, Всеволодъ возобновилъ го-

нія для насъ важнѣе : ибо тамъ рѣшилась судьба нашего отечества.

Александръ Невскій , по возвращеніи своемъ въ Владиміръ , терпѣливо сносилъ бремя жестокой зависимости , которое болѣе и болѣе отягощало народъ. Господство Моголовъ въ Россіи открыло туда путь многимъ купцамъ Бесерменскимъ , Харазскимъ или Хивинскимъ , издревле опытнымъ въ торговлѣ и хитростяхъ корыстолюбія : сіи люди откупали у Татаръ дань нашихъ Княженій, брали неумѣренныя росты съ бѣдныхъ людей, и въ случаѣ неплатежа объявляя должниковъ своими рабами, отводили ихъ въ неволю. Жители Владиміра , Суздаля , Ростова вышли наконецъ изъ терпѣнія и единодушно возстали , при звукѣ Вѣчевыхъ колоколовъ , на сихъ г. 1262. злыхъ лихоимцевъ ⁽¹⁰⁵⁾ : нѣкоторыхъ убили, а прочихъ выгнали. То же сдѣлалось и въ другихъ городахъ сѣверной Россіи. Въ Ярославлѣ народъ умертвилъ какого-то злочестиваго отступника, именемъ Зосиму, бывшаго Монаха , который, принявъ Вѣру Магометанскую въ Татаріи, хвалился милостію новаго Великаго Хана Коблая , и ругался надъ святынею Христіанства ; тѣло его бросили псамъ на снѣденіе. Въ Устюгѣ находился тогда Могольскій чиновникъ Буга: собирая дань съ жителей, онъ силою взялъ себѣ въ наложницы дочь одного гра-

Откуп-
щикъ
Бесер-
менскіе.

жданина, именемъ Марію, но умѣлъ снискать ея любовь, и свѣдавъ отъ нее, что Устюжане хотятъ лишить его жизни, объявилъ желаніе креститься. Народъ простилъ ему свои обиды; а Буга, названный въ Христіанствѣ Іоанномъ, изъ благодарности женился на Маріи. Сей человѣкъ добродѣтелями и набожностію пріобрѣлъ всеобщую любовь, и память его еще хранится въ Устюгѣ: тамъ показываютъ мѣсто, на коемъ онъ, забавляясь соколиною охотою, вздумалъ построить церковь Іоанна Предтечи, и которое донынѣ именуется *Сокольею горою* ⁽¹⁰⁶⁾.

Сіи происшествія должны были имѣть слѣдствіе весьма несчастное: Россіяне, наказавъ лихоимцевъ Харазскихъ, озлобили Татаръ, ихъ покровителей. Правительство не могло или не хотѣло удержать народа: то и другое обвиняло Александра въ глазахъ Хановыхъ, и Великій Князь рѣшился ѣхать въ Орду съ оправданіемъ и съ дарами. Лѣтописцы сказываютъ и другую причину его путешествія: Моголы не за-долго до того времени требовали вспомогательнаго войска отъ Александра: онъ хотѣлъ избавиться отъ сей тягостной обязанности, чтобы бѣдные Россіяне по крайней мѣрѣ не проливали крови своей за невѣрныхъ. — Уже готовый къ отъѣзду, Александръ послалъ дружину въ Новгородъ и велѣлъ Дмитрію итти на Ливонскихъ Рыцарей. Сей юный Князь взялъ приступомъ Дерптъ, укрѣпленный тремя стѣнами, истребилъ жителей и возвратился обремененный добычею. Кромѣ

многихъ Новгородцевъ , съ нимъ ходили Ярославъ Тверскій , Константинъ , зять Александровъ (сынъ Ростислава Смоленскаго) и Князь Литовскій Товтивиль , племянникъ Миндовговъ , который принялъ Вѣру Христіанскую и господствовалъ въ Полоцкѣ, или завоевавъ его, или — что гораздо вѣроятнѣе — будучи добровольно призванъ жителями по смерти Брячислава, тестя Александрова: ибо Товтивиль имѣлъ славу добраго Князя (¹⁰⁷). Съ помощію Данила Галицкаго и Ливонскихъ Рыцарей онъ утвердилъ оружіемъ свою независимость отъ дяди , и жилъ мирно съ Россіянами.

Александръ нашелъ Хана Берку въ Волжскомъ городѣ Сараѣ. Сей Батыевъ преемникъ любилъ Искусства и Науки ; ласкалъ Ученыхъ, художниковъ ; украсилъ новыми зданіями свою Капчакскую столицу, и позволилъ Россіянамъ , въ ней обитавшимъ, свободно отправлять Христіанское богослуженіе , такъ , что Митрополитъ Кирилль (въ 1261 году) учредилъ для нихъ особенную Епархію подъ именемъ *Сарской* , съ коею соединили послѣ Епископію южнаго Переяславля (¹⁰⁸). Великій Князь успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, оправдавъ изгнаніе Бесерменовъ изъ городовъ Суздальскихъ. Ханъ согласился также не требовать отъ насъ г. 1263. войска , но продержалъ Невскаго въ Ордѣ

*

Воин-
скіе
подви-
ги.

Бѣд-
ствія
Чуди.

какъ Псковитяне (въ 1190 году) разбили
сихъ самыхъ Эстонцевъ, которые на семи
шнекахъ или судахъ приходили грабить въ
окрестностяхъ тамошняго озера; какъ Но-
вгородцы съ Корелами (въ 1191 году) вое-
вали бѣдную землю Финновъ, жгли тамъ
селенія, истребляли скотъ. Тогда же Яро-
славъ Владиміровичъ, имѣвъ на границѣ
свиданіе съ Князьями Кривскими или По-
лоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними итти
зимою на Литву или Чудь; богато одарен-
ный союзниками, возвратился въ Новго-
родъ, и по условію вступивъ въ Ливонскую
землю, взялъ Дерптъ, множество плѣнни-
ковъ и всякаго роду добычи. Въ слѣдующій
годъ, лѣтомъ, сей Князь самъ остался во
Псковѣ, а Дворъ его, или дружина, съ от-
рядомъ Псковитянъ завоевали *Медельжью*
Голову или Оденпе, распространивъ огнемъ
и мечемъ ужасъ въ окрестностяхъ ⁽⁸⁶⁾.
Тогдашнее состояніе Чудскаго народа было
самое несчастное: Россіяне, ссылаясь на
древнія права свои, требовали отъ него
дани, а Шведы перемѣны Закона. Папа
Александръ III торжественно обѣщалъ сѣ-
вернымъ Католикамъ вѣчное блаженство,
ежели язычники Эстонскіе признаютъ въ
немъ Апостольскаго Намѣстника: съ Ла-
тинскою Библіею и съ мечемъ Шведы вы-
ходили на восточные берега моря Бальтій-
скаго и наказывали идолопоклонниковъ за

кій зимній холодъ , Митрополитъ , Князя , всѣ жители Владиміра шли на встрѣчу ко гробу до Боголюбова ; не было человѣка , который бы не плакалъ и не рыдалъ ; всякому хотѣлось облобызать мертваго и сказать ему , какъ живому , чего Россія въ немъ лишилась . Что можетъ прибавить судъ Историка , въ похвалу Александра , къ сему простому описанію народной горести , основанному на извѣстіяхъ очевидцевъ ? Добрые Россіяне включили Невскаго въ ликъ своихъ Ангеловъ хранителей , и въ теченіе вѣковъ приписывали ему , какъ новому небесному заступнику отечества , разные благопріятные для Россіи случаи : столь потомство вѣрило мнѣнію и чувству современниковъ въ разсужденіи сего Князя ! Имя *Святаго* , ему данное , гораздо выразительнѣе *Великаго* : ибо *Великими* называютъ обыкновенно счастливыхъ : Александръ же могъ добродѣтелями своими только облегчать жестокую судьбу Россіи , и подданные , ревностно славя его память , доказали , что народъ иногда справедливо цѣнитъ достоинства Государей и не всегда полагаетъ ихъ во внѣшнемъ блескѣ Государства . Самые легкомысленные Новгородцы , неохотно уступивъ Александру нѣкоторыя права и вольности , единодушно молили Бога за усопшаго Князя , говоря , что «онъ много потрудился за Новгородъ и за всю

неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую.

Новгородцы, желая отмстить народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ и дикіе правами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя Новгородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань ⁽⁸⁸⁾: *соболей, серебро* (что, какъ надобно думать, получали они мѣною отъ дальнѣйшихъ народовъ Сибирскихъ). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, вѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшіе за ними. На третій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ истребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, которые, долгое время скитаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти Новгородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже чрезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ храмъ и благодарить Небо, спасшее ихъ отъ гибели, сіи

Серебро Сибирское.

Чернаго моря Владѣтелемъ независимымъ и заключилъ союзъ съ Михаиломъ Палеологомъ, Императоромъ Греческимъ, который въ 1261 году, къ общему удовольствію Россіянъ, взявъ Царьградъ и возстановивъ древнюю Монархію Византійскую, не устыдился выдать побочную свою дочь, Евфросинію, за сего мятежника (¹¹²). Отъ имени Ногай произошло, какъ вѣроятно, названіе Татаръ Ногайскихъ, нынѣ подданныхъ Россіи. — Не смотря на внутреннее неустройство, Моголы болѣе и болѣе распространяли свои завоеванія, и чрезъ Казанскую Болгарію дошли до самой Перми, откуда многіе жители, ими утѣсненные, бѣжали въ Норвегію, гдѣ Король Гаконъ обратилъ ихъ въ Вѣру Христіанскую и далъ имъ земли для поселенія (¹¹³).

ГЛАВА III.

Великій Князь Ярославъ Ярославичъ.

г. 1263 — 1272.

Древнѣйшая грамота Новгородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новгородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Феодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даниіла. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ.

Андрей Ярославичъ долженъ былъ наследовать престолъ Владимірскій; но какъ г. 1264. онъ умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ по кончинѣ Невскаго, то братъ ихъ, Ярославъ Тверскій, сдѣлался Великимъ Княземъ. Новгородцы также признали его своимъ Начальникомъ, выгнавъ юнаго Димитрія Александровича за его малолѣтство; но хотѣли, чтобы Ярославъ далъ клятву въ вѣрномъ соблюденіи условій ⁽¹¹⁴⁾. Мы имѣемъ подлинникъ сего торжественнаго договора, писаннаго отъ имени Архіепископа, Михаила Посадника, Тысяческаго Кодрата и всего Новагорода, отъ старѣйшихъ и меньшихъ. Тамъ сказано: «Князь Ярославъ!

Древнѣйшая
грамота
Нового-
род-
ская.

«требуемъ, чтобы ты, подобно предкамъ твоимъ
«и родителю, утвердилъ крестнымъ цѣлованіемъ
«священный обѣтъ править Новымгородомъ по
«древнему обыкновенію, брать одни *дары* съ на-
«шихъ областей, поручать оныя только Нового-
«родскимъ, а не Княжескимъ чиновникамъ, не
«избирать ихъ безъ согласія Посадника, и безъ
«вины не смѣнять тѣхъ, которые опредѣлены
«братомъ твоимъ Александромъ, сыномъ его
«Димитріемъ и Новогородцами. Въ Торжкѣ и
«Волокѣ будутъ Княжескіе и наши Тіуны (или
«судіи): первые въ твоей части, вторые въ Ново-
«городской ⁽¹¹⁵⁾; а въ Бѣжицахъ ни тебѣ, ни
«Княгинѣ, ни Боярамъ, ни Дворянамъ твоимъ
«селъ не имѣть, не покупать и не принимать въ
«даръ, равно какъ и въ другихъ владѣніяхъ Но-
«вагорода: въ Волокѣ, Торжкѣ, и проч.; также
«въ Вологдѣ, Заволочѣ, Колѣ, Перми, Печерѣ,
«Югрѣ. Въ Русу можешь ты, Князь, ѣздить
«осенью, не лѣтомъ; а въ Ладогу посылай своего
«рыбника и медовара по грамотѣ отца твоего,
«Ярослава. Димитрій и Новогородцы дали Бѣ-
«жичанамъ и Обонежцамъ на три года право
«судиться собственнымъ ихъ судомъ: не нару-
«шай сего временнаго устава, и не посылай къ
«нимъ судей. Не выводь народа въ свою землю
«изъ областей нашихъ, ни принужденно, ни во-
«лею. Княгиня, Бояре и Дворяне твои не должны
«брать людей въ залогъ по долгамъ, ни купцевъ,
«ни земледѣльцевъ. Отведемъ сѣнныя покосы
«для тебя и Бояръ твоихъ; но не требуй отня-

Пирь
въ Кіе-
вѣ.

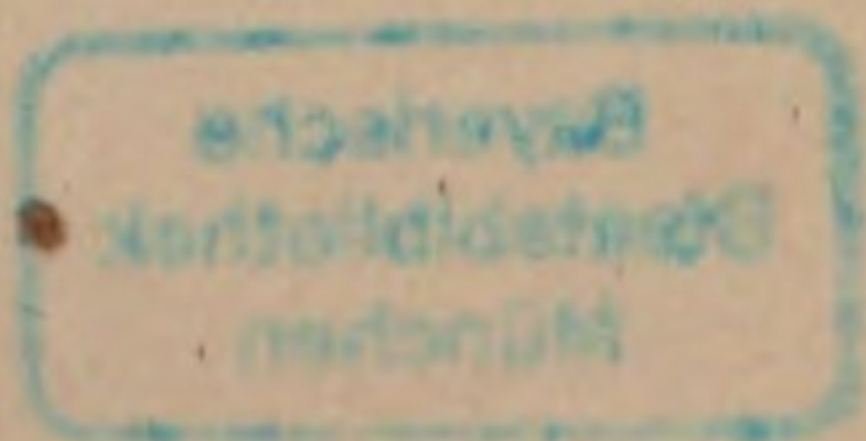
Давидъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвященныхъ дѣламъ государственнымъ и весельямъ. Рюрикъ, сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали ему пирь. Давидъ также угостилъ ихъ. Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между тѣмъ, какъ роскошь изливала свой тукъ на Княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала и нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; Вельможи, Тіуны, Воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ.

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Главою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя; однакожь искалъ еще другой опоры, и будучи тестемъ Романа Мстиславича Волынскаго, отдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Три-

поль, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. «Я старшій въ Мономаховомъ «родѣ,» велѣлъ онъ сказать Рюрику: «кому «обязанъ ты Кіевомъ? но забывая меня, от- «даешь города инымъ младшимъ Князьямъ. «Не оспариваю власти твоей: господствуй «и дѣлись оною съ друзьями! Увидимъ, мо- «гутъ ли они защититъ тебя!» Желая уми- лостивить Всеволода, свать его предлагалъ ему особенный Удѣлъ въ Кіевской области; но Великій Князь требовалъ для себя горо- довъ отданныхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призывалъ на со- вѣтъ Никифора Митрополита; съ одной стороны не хотѣлъ нарушить слова своего въ разсужденіи зятя, а съ другой боялся Всеволода. «Мы поставлены отъ Бога ми- «рять Государей въ землѣ Русской,» отвѣт- ствовалъ Митрополитъ: «всего ужаснѣе «кровопролитіе. Исполни волю старѣйшаго «Князя. Если Мстиславичъ назоветъ тебя «клятвопреступникомъ, то я беру грѣхъ на «себя; а ты можешь удовольствоваться зятя «иными городами.» Самъ Романъ изъявилъ согласіе взять другую область или деньги въ замѣну Удѣла, и распря прекратилась; но когда Всеволодъ, отправивъ Намѣстни- ковъ въ города Днѣпровскіе, подарилъ Торческъ зятю своему, Рюрикову сыну: Миро- любіе Духо- вен- ства. Гнѣвъ Романа. Волинскій Князь вознегодовалъ на тестя, считая себя обманутымъ ⁽⁹¹⁾; не хотѣлъ

жить съ его дочерью; принуждалъ бѣдную супругу удалиться въ монастырь, и вступилъ въ дружбу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обличивъ зятя въ умыслахъ непріятельскихъ и велѣвъ *повергнуть предъ нимъ грамоты крестныя*, обратился къ Всеволоду Георгіевичу. «Государь и братъ!» сказали Послы его: «*Романко* измѣнилъ «намъ и дружится со врагами Мономахова «племени. Вооружимся и сядемъ на коней!» Предвидя, что Великій Князь вступится за Рюрика, Мстиславичъ искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбиваго Мечислава. Они сами имѣли нужду въ помощи ⁽⁹²⁾, и мужественный Романъ за нихъ ополчился, говоря дружинѣ своей, что услуга даетъ право на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племянниковъ. Уже войска стояли другъ противъ друга. Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему Князю быть посредникомъ. Бояре Россійскіе также не хотѣли кровопролитія; но пылкій Князь, вопреки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе Историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а Воевода Краковскій, Николай, другимъ и серединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ,

Битва
въ
Поль-
шѣ.

Ярослава объявили его своимъ Княземъ, и дали ему войско для опустошенія Литвы (¹²¹). Довмонтъ оправдалъ сію довѣренность подвигами мужества и ненавистію къ соотечественникамъ: разоривъ область Литовскаго Князя Герденя, плѣнилъ его жену, двухъ сыновей, и на берегахъ Двины одержалъ рѣшительную надъ нимъ побѣду. Множество Литовцевъ утонуло въ Двинѣ, Іюня 18. и самъ Гердень едва ушелъ; а Псковитяне, славя храбрость Довмонта, съ восхищеніемъ видѣли въ немъ набожность Христіанскую: ибо онъ смиренно приписывалъ успѣхъ своего оружія единственно заступленію Святаго Леонтія, побѣдивъ непріятелей въ день памяти сего Мученика.

Между тѣмъ Ярославъ, досадуя на Псковитянъ за самовольное избраніе Князя чужеземнаго, желалъ изгнать Довмонта и привелъ для того въ Новгородъ полки Суздальскіе (¹²²); но долженъ былъ отпустить ихъ назадъ. Новогородцы не хотѣли слышать о сей войнѣ междоусобной и сказали ему: «другу ли Святой Софіи быть непріа- г. 1267. телемъ Пскова?» — Ярославъ уѣхалъ въ Владиміръ, оставивъ у нихъ своего племянника, Юрія Андреевича, при коемъ знатная часть Новгорода обратилась въ пепелъ. Конецъ Неревскій исчезъ совершенно. Многіе люди сгорѣли, и даже самыя купеческія суда въ пристани, нагруженные

«не будетъ , древняя столица да принадлежить достойнѣйшему , по волѣ Божіей!» Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились; а Рюрикъ отпустилъ наемныхъ Половцевъ , и въ доказательство своего миролюбія обѣщалъ Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебскъ , гдѣ княжилъ Василько Брячиславичъ, зять Давидовъ, племянникъ Все-слава Полоцкаго.

Но Ольговичи нарушили клятвенный
г. 1196. обѣтъ мира: не дождавшись Пословъ ни Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условиться, въ концѣ зимы выступили съ войскомъ къ Витебску и начали грабить Смоленскую область (95). Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичъ, свать Великаго Князя, хотѣлъ отразить ихъ. Ольговичи имѣли время изготovitъся къ битвѣ , соединились съ Князьями Полоцкими, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и *притоптали снѣгъ* вокругъ себя, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса , напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую , надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичъ; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ то же время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиться съ Полочанами, которые, видя Олега разбитаго, уда-

рили съ тылу на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ былъ сдаться. Зять Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Ростиславъ Владиміровичъ, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому Князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника, и слыша, что жители Смоленска не любятъ Давида, хотѣлъ съ новыми полками итти прямо къ сему городу. Рюрикъ остановилъ его. «Ты не имѣешь совѣсти,» писалъ онъ къ нему изъ Овруча: «и такъ возвращаю тебѣ грамоты крестныя, тобою нарушенныя. Иди къ Смоленску: я пойду къ Чернигову. Увидимъ, кто будетъ счастливѣе.» Ярославъ оправдывался, жалуясь на Давида и Князя Витебскаго; обѣщаль безъ выкупа освободить плѣннаго Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрикъ отступилъ отъ союза съ Великимъ Княземъ. «У насъ дѣла общія,» отвѣтствовалъ Рюрикъ: «буде искренно желаешь мира, то дай свободный путь моимъ Посламъ чрезъ твою область ко Всеволоду и Давиду; мы всѣ готовы примириться.» Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми; не вѣрилъ ему; занялъ всѣ дороги; препятствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Отверг-

Новгородцы , имѣя дѣло съ отборною Нѣмецкою фалангою , падали цѣлыми рядами. Посадникъ Михаилъ и многіе чиновники были убиты; Тысячскій, именемъ Кодратъ, пропалъ безъ вѣсти, а Князь Юрій Андреевичъ обратилъ тылъ. Псковитяне , Ладожане стояли дружно. Наконецъ Князь Димитрій и Новгородцы сломили непріятелей и гнали ихъ семь верстъ до самаго города ; но возвратясь на мѣсто битвы, увидѣли еще другой полкъ Нѣмецкій , который врѣзался въ наши обозы. Между тѣмъ наступилъ темный вечеръ. Благоразумные Вожди совѣтовали подождать утра, чтобы въ ночной схваткѣ не убивать своихъ вмѣсто непріятелей, и съ трудомъ могли удержать пылкихъ воиновъ. Ожидали свѣта съ нетерпѣніемъ; но Рыцари, пользуясь темнотою, ушли. Три дни стояли Россіяне *на костяхъ* , то есть , на мѣстѣ сраженія , въ знакъ побѣды , и рѣшились итти назадъ: ибо, претерпѣвъ великій уронъ , не могли заняться осадою городовъ. Вмѣсто добычи , они принесли съ собою трупы убіенныхъ , знаменитыхъ Бояръ , и схоронили тѣло Посадника Михаила въ Софійской церкви. Сія честь и слезы цѣлаго Новагорода были ему воздаяніемъ за его славную кончину. Избрали новаго Посадника , именемъ Павшу ; а мѣсто Тысячскаго осталось праздно , ибо народъ еще не имѣлъ вѣсти о судьбѣ Кодратовой. — Сію кровопролитную битву долго помнили въ Новѣгородѣ и въ Ригѣ. Ливонскіе Историки пишутъ, что на мѣстѣ сраженія легло 5000 нашихъ и

1350 Нѣмцевъ; въ числѣ послѣднихъ былъ и Дерптскій Епископъ.

Злобствуя на Россіянъ, Магистръ Ордена собралъ новыя силы; пришелъ на судахъ и съ конницею въ область Псковскую; сжегъ г. 1269.

Изборскъ, осадилъ Псковъ и думалъ сравнять его съ землею, имѣя множество стѣнобитныхъ орудій и 18,000 воиновъ (число великое по тогдашнему времени). Отто грозился наказать Довмонта: ибо сей Князь былъ страшенъ не только для Литвы, но и для сосѣдственныхъ Нѣмцевъ, и не за-долго до того времени истребилъ ихъ отрядъ на границѣ. Мужественный Довмонтъ, осмотрѣвъ силу непріятелей и готовясь къ битвѣ, привелъ всю дружину въ храмъ Святыя Троицы, положилъ мечъ свой предъ олтаремъ и молился, да будутъ удары его для враговъ смертоносны. Благословенный Игуменомъ Исидоромъ (который собственною рукою препоясалъ ему мечъ), Князь новыми подвигами геройства заслужилъ удивленіе и любовь Псковитянъ; десять дней бился съ Нѣмцами; ранилъ Магистра. Между тѣмъ Новгородцы съ Княземъ Юріемъ Андреевичемъ приспѣли и заставили Рыцарей отступить за рѣку Великую; вошли въ переговоры съ ними и согласились дать имъ миръ. Тѣ и другіе остались при своемъ, потерявъ множество людей безъ всякой пользы (128).

Апрѣля
23.

Тогда Великій Князь Ярославъ прибылъ въ Новгородъ , и досадуя на многихъ чиновниковъ за сію войну кровопролитную, хотѣлъ ихъ смѣнить , или немедленно выѣхать изъ столицы. Граждане объявили рѣшительно , что они не согласны на первое , но молили его у нихъ остаться , ибо миръ , заключенный съ Нѣмцами , казался имъ ненадежнымъ; свѣдавъ же , что Великій Князь дѣйствительно уѣхалъ, отправили въ слѣдъ за нимъ Архіепископа , который наконецъ уговорилъ Ярослава возвратиться изъ Бронницъ. Чиновниковъ не смѣнили , однакожь , въ угодность Князю, граждане избрали въ Тысячскіе одного преданнаго ему человека , именемъ Ратибора, и начали готовиться къ войнѣ. Князья Суздальскихъ Удѣловъ и полки Ярославовы собрались въ Новгородъ, куда пріѣхалъ и Великій Владимірскій Баскакъ, Татаринъ Амраганъ ⁽¹²⁹⁾. Сей чиновникъ Хана — имѣя, кажется, участіе и въ нашихъ государственныхъ совѣтахъ — одобрилъ намѣреніе Россіянъ итти къ Ревелю; но Датчане и Нѣмцы , ослабленные претерпѣннымъ ими урономъ, не захотѣли новой войны, и добровольно уступивъ намъ всѣ берега Наровы, обезоружили тѣмъ Ярослава.

Бас-
какъ.

Оставивъ въ покоѣ Эстонію, Великій Князь хотѣлъ-было вести полки свои въ землю Корельскую, чтобы утвердить ея жи-

несчастія , лишенный Великокняжескаго покровительства. Всеволодъ безъ сомнѣнія поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя тайныя намѣренія , онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей , чтобы не усилить тѣмъ Кіевскаго и Смоленскаго , равно противныхъ замышляемому имъ Единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласнѣе съ его пользою.

Политика Всеволодова.

Смиривъ Ольговичей и по видимому защитивъ союзниковъ , Великій Князь съ торжествомъ возвратился въ столицу , какъ Государь любимый народомъ и побѣдитель. Въ Смоленскѣ , въ Черниговѣ сдѣлались важныя перемѣны , благопріятныя для его властолюбія ⁽⁹⁷⁾. Давидъ , благородный , мужественный , предчувствуя свой конецъ , уступилъ тронъ племяннику , Мстиславу Романовичу , постригся вмѣстѣ съ супругою , отправилъ юнаго сына , именемъ Константина , на воспитаніе къ брату Рюрику , и велѣлъ нести себя , уже больнаго , изъ дворца въ Обитель Смядынскую , гдѣ и представился въ молитвахъ (пятидесяти-семи лѣтъ отъ рожденія) , оплакиваемый дружиною , иноками , мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Лѣтописцы , уважая дѣла набожности болѣе государственныхъ , сказываютъ , что никто изъ Князей Смоленскихъ не превзошелъ Давида

Октяб-
ря 6.

г. 1197.

Апрѣля
23.

Стро-
гость и
веле-
душіе
Давида.

въ украшеніи храмовъ; что церковь Св. Михайла, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею *въ странахъ полунощныхъ*, и что онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей Князь, Христіанинъ усердный, слылъ грозою мятежниковъ и злыхъ: набожность не ослабляла въ немъ строгости правосудія, ни веледушной гордости Княжеской, противной Андрею Боголюбскому, непріятной и Всеволоду, который тѣмъ болѣе любилъ Давида наслѣдника, своего добродушнаго свата, ему преданнаго. — Въ Черниговѣ умеръ Ярославъ, вѣрный послѣдователь братней, коварной системы, и Великій Князь съ удовольствіемъ свѣдалъ, что Игорь Сѣверскій, старѣйшій въ родѣ, сѣлъ на тамошнемъ знаменитомъ престолѣ: ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился кознодѣйствомъ.

Война
съ По-
ловца-
ми.

Не имѣя опасныхъ совмѣстниковъ внутри Россіи, Всеволодъ старался утвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ то же время, кочуя отъ нынѣшней Слободской Украинской до Саратовской Губерніи, беспокоили его южныя владѣнія, особенно же предѣлы Рязанскіе: онъ сильнымъ ополченіемъ устрашилъ варваровъ, ходилъ съ юнымъ сыномъ, Константиномъ, во глубину степей, вездѣ жегъ зимовья Половецкія, и Ханы, снявъ свои многочисленныя вежи,

отъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю ⁽⁹⁸⁾.

Чего Андрей желалъ напрасно, то сдѣ-
 лалъ хитрый Всеволодъ: онъ на нѣсколько
 лѣтъ совершенно подчинилъ себѣ мятеж-
 ную первобытную столицу нашихъ Князей.
 Во время раздора его съ Ольговичами, по-
 винуясь ему, лучшіе Новгородцы, не толь-
 ко военные люди, но и самые купцы, хо-
 дили съ Ярославомъ въ Великія Луки, что-
 бы удерживать Кривскихъ Владѣтелей и
 препятствовать ихъ соединенію съ Черни-
 говцами ⁽⁹⁹⁾. Ярославъ Владиміровичъ уже
 имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Но-
 вѣгородѣ: Посадникъ, чиновники ѣздили
 ко Всеволоду, прося его, чтобы онъ вывелъ
 отъ нихъ свояка и далъ имъ сына. Великій
 Князь задержалъ сихъ Пословъ, а Нового-
 родцы, тѣмъ оскорбленные, изгнали Яро-
 слава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюби-
 выхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бы-
 ваетъ сильнѣйшею. Народъ, обольщенный
 безразсудными, хотѣлъ доказать свою не-
 зависимость, и сынъ Князя Чернигов-
 скаго ⁽¹⁰⁰⁾, избранный большинствомъ го-
 лосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господ-
 ствовать, но быть игрищемъ своеволь-
 ныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія
 жителей, остался въ Торжкѣ; бралъ дань
 въ окрестностяхъ Мсты и за Волокомъ.
 Новгородцевъ вездѣ ловили какъ непріа-

г 4496-
4201.
Всево-
лодъ
подчи-
няетъ
себѣ
Новго-
родъ.

телей, толпами приводили въ Владимірѣ. Дѣйствуя осторожнѣе Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждать ихъ столицы: мѣшалъ имъ только купечествовать въ Россіи и собирать налоги въ Двинской землѣ, зная, что любостяжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ былъ ѣхать назадъ къ отцу: Сотники Новгородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжествовалъ прибытіе сего Князя какъ отца и благодетеля, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Литвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ ⁽¹⁰¹⁾. Но Всеволодъ, недовольный своякомъ, призвалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу, то народъ сдѣлалъ въ угодность Великому Князю: Архіепископъ Мартирій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе Государя, ѣхать въ Владимірѣ и требовать Всеволодова сына на престолъ Новгородскій. Послы сказали: «Господинъ Князь Великій! область «наша есть твоя *отчина* ⁽¹⁰²⁾: молимъ, да повелѣваетъ нами родной внукъ Долгорукаго, правнукъ Мономаховъ!» Всеволодъ изъявилъ при-

«Ярославовы и Александровы грамоты. На
«Дворѣ Нѣмецкомъ торгуй единственно черезъ
«нашихъ купцевъ; а Двора не затворяй, и не по-
«сылай туда приставовъ. Село Святой Софіи
«останется ея неотъемлемою собственностію.
«Новгородцы не должны быть судимы въ землѣ
«Суздальской. Купцы наши да торгуютъ въ ней
«свободно по грамотѣ Ханской (¹³⁴); бери тамъ
«установленные пошлины, но въ областяхъ
«Новгородскихъ не заводи таможни. Судьи
«начинаютъ свои объѣзды съ Петрова дни,» и
проч. На бѣлой сторонѣ сей хартіи, къ коей
привязана свинцовая печать, написано, что По-
слы Хана Татарскаго, Чевгу и Банши, прибыли
съ его грамотою въ Новгородъ, возвести Яро-
слава на престолъ. Столь велика была зависи-
мость Князей Россійскихъ!

Ярославъ жилъ потомъ нѣсколько мѣсяцевъ
въ Новгородѣ. Не любя Довмонта, онъ далъ
Псковитянамъ инаго Князя—но только на малое
время—какого-то Айгуста (¹³⁵), и зимою уѣхалъ
въ Владиміръ, поручивъ Новгородъ Намѣстни-
ку, Андрею Вратиславичу. Великое Княженіе
Суздальское было спокойно, то есть, рабство-
вало въ тишинѣ, и народъ благодарилъ Небо за
облегченіе своей доли, которое состояло въ
томъ, что преемникъ Хана или Царя Берки,
братъ его, именемъ Мангу-Тимуръ, освободилъ
Россіянъ отъ насилія откупщиковъ Харазскихъ.
Историкъ Могольскій, Абульгази, хвалитъ Ти-
мура за его острый умъ; но умъ не смягчалъ въ

Татары
прини-
мають
Маго-
метову
Вѣру.

немъ жестокаго сердца, и память сего Хана запечатлѣна въ нашихъ лѣтописяхъ кровію добраго сына Олегова, Романа, Князя Рязанскаго, принявшаго въ Ордѣ вѣнецъ Мученика. Еще Ханъ Берка, имѣвъ случай говорить о Вѣрѣ съ купцами Бухарскими, и плѣненный ученіемъ Алкорана, объявилъ себя ревностнымъ Магометаниномъ: примѣръ его служилъ закономъ для большей части Моголовъ, весьма равнодушныхъ къ древнему идолопоклонству; а какъ всякая новая Вѣра обыкновенно производитъ изу-вѣровъ или фанатиковъ, то они, вмѣсто прежней терпимости, начали славиться пламеннымъ усердіемъ ко мнимой божественности Алкорана. Можетъ быть, Князь Романъ неосторожно говорилъ о семъ ослѣпленіи ума: донесли Тимуру, что онъ хулитъ ихъ Законъ. Тогда Романъ, принуждаемый дать отвѣтъ, не хотѣлъ измѣнить совѣсти, и говорилъ такъ смѣло, что озлобленные варвары, заткнувъ ему ротъ, изрѣзали несчастнаго Князя по составамъ, и взоткнули голову его на копіе, содравъ съ нее ко-
юля 19. жу (136). Россіяне проливали слезы, но утѣшались твердостію сего втораго Михаила, и думали, что Богъ не оставилъ той земли, гдѣ Князья, презирая славу мірскую, столь великодушно умираютъ за Его святую Вѣру. Великій Князь Ярославъ, слѣдуя примѣру отца и Александра Невскаго, старался всѣ-

ми способами угождать Хану, и подобно имъ кончилъ жизнь свою на возвратномъ пути изъ Орды, куда онъ ѣздилъ съ братомъ Васпліемъ и съ племянникомъ Димитріемъ Александровичемъ (137). Тѣло его было отвезено для погребенія въ Тверь. Лѣтописцы не говорятъ ни слова о характерѣ сего Князя: видимъ только, что Ярославъ не умѣлъ ни довольствоваться ограниченою властію, ни утвердить самовластія смѣлою рѣшительностію; обижалъ народъ и винился какъ преступникъ; не отличался ратнымъ духомъ, ибо не хотѣлъ самъ предводительствовать войскомъ, когда оно сражалось съ Нѣмцами; не могъ назваться и другомъ отечества, ибо вооружалъ Моголовъ противъ Новагорода.

Г. 1272.
Кончи-
на Яро-
славъ.

Опишемъ разныя особенныя происшествія Ярославова времени. При семъ Государѣ сдѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частныхъ Удѣлахъ Великаго Княженія. Василий Всеволодовичъ, внукъ Константиновъ, умершій еще въ 1249 году, оставилъ на престолѣ Ярославской области супругу Ксенію и малолѣтнюю дочь Марію, которая послѣ сочеталась бракомъ съ Θεодоромъ Ростиславичемъ Чернымъ, внукомъ Мстислава Давидовича Смоленскаго, Удѣльнымъ Княземъ Можайска (138). Считая себя обиженнымъ старшими братьями, Глѣбомъ и Михаиломъ, онъ переѣхалъ въ Ярославль,

Перемѣны въ
Удѣлахъ.

ственнымъ Всеволодомъ, съ Черными Клобуками, съ Намѣстниками многихъ южныхъ городовъ, удостовѣрился въ ихъ доброжелательствѣ. Берендѣи, Торки пріѣхали къ нему въ станъ ⁽¹⁰⁷⁾; города не оборонялись; жители прежде битвы встрѣчали его какъ побѣдителя, и самые Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія ворота Подола. Рюрикъ, Ольговичи трепетали за каменною стѣною въ верхней части города; съ радостію приняли миръ, и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручъ, Черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область. — По условію, сдѣланному съ Великимъ Княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому, Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древняго оружія, защитить Греческую Имперію. Половцы опустошали Оракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его быть спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю Половецкую, завоевалъ многія вежи, освободилъ тамъ плѣнныхъ Россіянъ, отвлекъ варваровъ отъ Константинополя, и принудивъ ихъ оставить Оракію, съ торжествомъ возвратился въ Галичъ ⁽¹⁰⁸⁾.

Страшный Князь Галицкій ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не г. 1204, жалѣя отечества, они наняли множество

Половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ (109). Генва-
Барвары опустошили дома, храмъ Десятин-
ный, Софійскій, монастыри; умертвили ря 4.
Опусто-
шеніе
Кіева.
старцевъ и недужныхъ; оковали цѣпями
молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни зна-
менитыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни Свя-
щенниковъ, ни Монахинь. Одни купцы
иноземные оборонялись въ каменныхъ цер-
квахъ, столь мужественно, что Половцы
вступили съ ними въ переговоры: удоволь-
ствовались частію ихъ товаровъ, и не сдѣ-
лали имъ болѣе ни какого зла. Городъ пы-
лалъ; вездѣ стонали умирающіе; невольни-
ковъ гнали толпами. Кіевъ никогда еще не
видалъ подобныхъ ужасовъ въ стѣнахъ
своихъ: былъ взятъ, ограбленъ сыномъ
Андрея Боголюбскаго; но жители, лишен-
ные имѣнія, остались тогда по крайней
мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіяне,
самые отдаленные, оплакивали несчастіе
древней столицы и жаловались на его ви-
новниковъ. Мало по малу она снова напол-
нилась жителями, которые укрылись отъ
меча Половцевъ и спаслись отъ неволи; но
сей городъ, дважды разоренный, лишился
своего блеска. Въ церквахъ не осталось ни
одного сосуда, ни одной иконы съ окла-
домъ. Барвары похитили и драгоцѣнныя
одежды древнихъ Князей Россійскихъ, Св.
Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ,

къ матери и къ брату , получившему отъ него въ Удѣль область Владимірскую ; помнилъ благодаренія , ему оказанныя ; наблюдалъ правило вѣрности въ союзахъ , побѣдами и разумомъ утверждая безопасность и честь Державы Галицкой ; нашествіемъ Моголовъ разстроенный въ видахъ своей Политики , не изумился , не утратилъ бодрости духа : хотя не могъ совершенно избавиться отъ ихъ свирѣпаго тиранства , но закрылъ глаза съ надеждою , что его потомки будутъ счастливѣе , слѣдуя принятой имъ системѣ держаться союза Государей Западныхъ , иногда обольщать варваровъ золотомъ и смирениемъ , иногда устрашать силою , въ ожиданіи , что они , какъ Гунны Аттилины , какъ Обры , исчезнутъ , сокрушенные или внутреннимъ междоусобіемъ или общимъ усиленіемъ Государей Европейскихъ . Сія надежда не совсѣмъ обманула Даніила : его преемники рабствовали менѣе иныхъ Князей Россійскихъ , уважаемые и Ханами и сосѣдственными Христіанскими Державами , которыя въ теченіе цѣлаго вѣка считали Княжество Галицкое вѣрнымъ для себя оплотомъ съ опасной стороны Моголовъ .

Прис-
шествія
въ За-
падной
Россіи .

Первымъ слѣдствіемъ кончины Даніиловой была война наслѣдниковъ его съ Болеславомъ Польскимъ (142) . Василько остался Княземъ Владимірскимъ , Левъ Перемышль-

скимъ; Романъ Даниловичъ умеръ; третій братъ ихъ, Мстиславъ, господствовалъ въ Луцкѣ и Дубнѣ; меньшій, Шварнъ — кажется, любезнѣйшій отцу — въ Галичѣ, Холмѣ и Дрогичинѣ. Несмотря на миръ и союзъ, за нѣсколько лѣтъ до того времени утвержденный въ Тернавѣ между Болеславомъ и Даниломъ, корыстолюбивые Бояре Шварновы не усомнились вмѣстѣ съ Литвою грабить Польскія владѣнія. Болеславъ хотѣлъ отмстить: дошло до битвы, въ коей дружина Шварнова претерпѣла великій уронъ; наконецъ примирились, ибо общая польза обѣихъ Державъ того требовала.

Хотя Княжество Данилово раздѣлилось на части, однакожь его сыновья дѣйствовали согласно въ государственныхъ предпріятіяхъ и слушались дяди, опытнаго, благоразумнаго Василька, не смотря на то, что Князь Левъ съ неудовольствіемъ видѣлъ меньшаго брата властелиномъ Галича и Холма. Сія зависть еще усилилась отъ новаго происшествія, которое могло быть важно и весьма счастливо не только для южной Россіи, но и для спокойствія другихъ земель сосѣдственныхъ. Бывшій Инокъ Воишелгъ, сынъ Миндовга, искренній другъ Василька и Шварна, своего зятя, съ ихъ помощію овладѣвъ большею частію Литвы, раздробленной на многія области, далъ послѣднему въ ней Удѣлъ, а наконецъ уступилъ ему и престолъ; снялъ съ себя одежду Княжескую и заключился въ монастырѣ Угровскомъ, исполняя произне-

сенный имъ обѣтъ. Россіяне надѣялись, что грабительства Литовскія уже не возобновятся, и что сей опасный народъ, правимый сыномъ Даниловымъ, составитъ одну Державу съ Галицкимъ Княженіемъ; но Левъ, думая о пользѣ собственнаго властолюбія еще болѣе, нежели о благѣ отечества, не могъ снести равнодушно, что сильное Княжество Литовское досталось не ему, а юному Шварну; злобился на Воишелга и дерзнулъ на мечь подлую и свирѣпую. Онъ предложилъ Воишелгу съѣхаться съ нимъ въ Владимірѣ будто бы для какого-то важнаго дѣла. Сей Князь-Инокъ сомнѣвался, зная коварство Льва; но увѣренный въ безопасности словомъ добродушнаго Василька, пріѣхалъ въ Владимірѣ, и сталъ въ монастырѣ Св. Михаила. На другой день былъ обѣдъ у знатнѣйшаго Вельможи Данилова, Нѣмца Маркольта, гдѣ Князя по тогдашнему обыкновенію пили весьма неумѣренно, и гдѣ Левъ съ удивительнымъ искусствомъ притворялся нѣжнымъ другомъ Миндовгова сына. Насталъ вечеръ: Воишелгъ спокойно возвратился въ монастырь, куда, въ слѣдъ за нимъ, прискакалъ и Левъ, желая, какъ онъ говорилъ, еще повеселить любезнаго кума. Несчастный отперъ дверь: вдругъ слуги Княжескіе окружили его, и Левъ, грознымъ голосомъ исчисливъ бѣдствія, претерпѣнныя Россіею отъ Литвы, саблею разсѣкъ ему голову. Ни Василько, ни Шварнъ не участвовали въ заговорѣ: они жалѣли, что имя Русское очернилось злодѣйскимъ вѣроломствомъ,

и съ честію погребли Воишелга въ обители Св. Михаила. Пишутъ , что сей Литовскій Князь, отъ природы жестокосердый , будучи Властителемъ , сверхъ одежды богатой носилъ черную *мантію* и потому заслужилъ названіе *волка въ козѣ агнца* (¹⁴³). Но онъ имѣлъ право на благодарность Россіянъ , хотѣвъ , по усердію къ Вѣрѣ Христіанской и любви къ нимъ , чтобы кровь Св. Владиміра, браками Даніила и Шварна соединенная съ кровію славнаго Миндовга , царствовала въ Литвѣ. Къ несчастію , столь важное для Россіи благодѣяніе не имѣло желаемыхъ слѣдствій: Шварнъ въ юности умеръ , и Князь Литовскій, именемъ Тройденъ , Вѣрою язычникъ, сердцемъ Неронъ , сѣлъ на Миндовговомъ тронѣ. Скоро преставился и Князь Василько , о коемъ упоминается съ честію во многихъ лѣтописяхъ иностранныхъ , особенно въ Сербской Исторіи по его дружеству съ Королемъ Стефаномъ Драгутинымъ (¹⁴⁴). Сей достойный братъ Даніиловъ, нѣкогда воинъ храбрый и неутомимый, кончилъ дни свои Монахомъ и труженикомъ : повѣствуютъ , что онъ жилъ нѣсколько времени въ дикой, заростшей кустарникомъ пещерѣ, оплакивая грѣхи прежняго мірскаго властолюбія и ратной дѣятельности. Сынъ его, Іоаннъ-Владиміръ, женатый на Ольгѣ, дочери Романа Михайловича Брянскаго, (въ 1269 году) наслѣдовалъ область родительскую, а Левъ Шварнову, то есть, Галичъ, Холмъ и Дрогичинъ , утвердивъ престолъ свой

вались , однакожь присягнули въ вѣрности Данилу , имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденія.

Рюрикъ
снова
на пре-
столѣ.

Постриженный Рюрикъ , услышавъ о смерти зятя и врага , ободрился : скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кіевѣ; хотѣлъ разстричь и жену свою , которая, вмѣсто того , немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомысліе. Онъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу , въ надеждѣ , что младе-нецъ Даниилъ не въ состояніи ему проти-виться , и что тамошніе Бояре не захотятъ лить крови своей за сына , терпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Даниилова взяла мѣры. Андрей, Государь Венгерскій, все еще именовался *Королемъ Галиціи* ; не спорилъ объ ней съ мужественнымъ Рома-номъ и даже былъ его названнымъ братомъ: однакожь не преставаъ жалѣть о семъ утраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣй-шее участіе въ происшествіяхъ онаго. Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Ан-дреемъ въ Санокѣ ; напомнила ему дружбу Романову , представила Даниила , говорила съ чувствительностію матери, и сдѣлала въ немъ по видимому столь глубокое впечат-лѣніе , что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцемъ. Дѣй-ствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ. Силь-ная дружина Венгерская окружила дворецъ

Проис-
шествіе
въ Га-
личѣ.

зданій и надписи; въ Азовѣ же, какъ говоритъ одинъ Историкъ жили нѣкоторыя Генуэзскія семейства до самаго XVII столѣтія ⁽¹⁴⁶⁾. — Близъ Кафы находился еще знаменитый Могольскій городъ Крымъ ^{Городъ Крымъ.} (когого именемъ назвали и всю Тавриду), столь великій и пространный, что всадникъ едва могъ на хорошемъ конѣ объѣхать его въ половину дня ⁽¹⁴⁷⁾. Главная тамошняя мечеть, украшенная мраморомъ и порфиромъ, и другія народныя зданія, особенно училища, заслуживали удивленіе путешественниковъ. Купцы ѣздили изъ Хивы въ Крымъ безъ малѣйшей опасности, и зная, что имъ надлежало быть въ дорогѣ около трехъ мѣсяцевъ, не брали съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо находили все нужное въ гостинницахъ: доказательство, сколь Моголы любили и покровительствовали торговлю! Жители Крыма славились богатствомъ и скупостію, запирали золото въ сундуки, и не давая ничего бѣднымъ, строили великолѣпныя мечети, въ знакъ своей набожности. Нынѣшнее мѣстечко *Старый Крымъ* (на рѣкѣ Чуруксѣ, близъ Кафы) есть бѣдный остатокъ сего древняго города.

с т а н-
тинъ въ
Новѣго-
родѣ.

нихъ опасныхъ непріятелей, велѣлъ объявить тамошнимъ чиновникамъ, что онъ даетъ имъ старшаго сына своего, Константина, ибо отрокъ Святославъ еще не въ силахъ быть ихъ покровителемъ. Надобно думать, что Бояре Владимірскіе, пѣстуны юнаго Святослава, не могли обуздывать народнаго своевольства, и что Великій Князь хотѣлъ сею перемѣною еще болѣе утвердить власть свою надъ Новымгородомъ (1117). Двадцати-лѣтній Константинъ уже славился мудростію, великодушіемъ, Христіанскими добродѣтелями: граждане Владимірскіе съ печалію услышали, что сей любимый юноша, благодетель бѣдныхъ, долженъ ихъ оставить. Отецъ вручилъ ему крестъ и мечъ. «Иди управлять народомъ,» сказалъ Всеволодъ: «будь его судіею и защитникомъ. Новгородъ Великій есть древнѣйшее Княженіе въ нашемъ отечествѣ: Богъ, Государь и родитель твой даютъ тебѣ старѣйшинство между всѣми Князьями Русскими. Гряди съ миромъ; помни славное имя свое, и заслужи оное дѣлами.» Братья, Вельможи, купцы, провожали Константина: толпы народныя громогласно осыпали его благословеніями. Новогородцы также встрѣтили сего Князя съ изъявленіемъ усердія: Архіепископъ, чиновники ввели въ Церковь Софійскую, и народъ присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ

г. 1206.

Марта
20.

послалъ въ слѣдъ за нимъ Воеводу, чтобы схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль, но обратился съ войскомъ къ Торжку, и занявъ сей городъ, оставилъ тамъ своего Намѣстника или Тіуна. Князь Тверскій, Святославъ Ярославичъ, помогая дядѣ, опустошалъ между тѣмъ берега Волги, Бѣжецкъ, Волокъ. Надлежало прибѣгнуть къ мечу или къ договорамъ: Новогородцы хотѣли употребить оба средства, и собравъ войско, послали Бояръ къ Великому Князю, чтобы укротить его гнѣвъ словами мирными. Но Василій, принявъ Пословъ съ отмѣнною честію, не согласился на миръ, и Димитрій съ сильными полками выступилъ къ Твери зимою. Вдругъ сдѣлась переменна. «Дружба Великаго Князя «для насъ необходима,» думали многіе Новогородцы: «купцевъ нашихъ грабятъ теперь въ землѣ Суздальской; мы лишены «подвозовъ, и терпимъ нужду въ хлѣбѣ. «Не лучше ли, вмѣсто кровопролитія, исполнить желаніе Василіево, согласное съ «народною пользою?» Сіе мнѣніе было наконецъ всѣми одобрено: остановясь въ Торжкѣ, войско не хотѣло итти далѣе. Самъ Димитрій не противился общей волѣ, и дружелюбно разстался съ Новогородцами, которые, смѣнивъ вѣрнаго ему Посадника Павшу, объявили Василія своимъ Правителемъ. Такимъ образомъ Великій Князь

Октя-
бря 9.

Волынскій. Андрей не далъ соединиться Полякамъ съ Ольговичами: сталъ между ими, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирныя переговоры, коихъ слѣдствіемъ было то, что Венгры, Ляхи, Россіяне вышли изъ Галича (¹¹⁹); а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславль за сыномъ Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть, сама вдовствующая супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичъ, вообще уважаемый, обуздаетъ тамъ народъ мятежный и со временемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя. Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ доброхотовъ, въ особенности Владислава, знатнаго Вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышленниками представлялъ согражданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ, а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи безъ сомнѣнія не оставятъ Галицкой области въ покоѣ, и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно отправивъ Пословъ въ станъ Россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ Государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью укрался отъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичъ тремя днями ранѣе Ярослава,

который долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславль.

Еще гоненіе на семейство Рома^{Князя}ново тѣмъ ^{Сѣвер-}не кончилось. Владиміръ Игоревичъ, испол- ^{скіе го-}няя совѣтъ злопамятныхъ Галицкихъ Бо- ^{спод-}яръ, велѣлъ объявить гражданамъ Влади- ^{ств у-}мірскимъ, чтобы они выдали ему младен- ^{ють въ}цевъ, Даніила и Василька, приняли къ себѣ ^{Галичѣ.}княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего Пѣсла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичанъ, измѣны собственныхъ Вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться, и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ. Любимая супруга Князя ^{Бѣгство}сильнаго, союзника Императоровъ Грече- ^{Романа}скихъ, уважаемаго Папою, Монархами со- ^{нова}сѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ ^{смей-}дворца какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ милыхъ сы- ^{ства,}новей. Мирославъ велъ Даніила, Священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего

знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ ; осыпалъ ласками Княгиню , и пославъ Даніила въ Венгрію съ Вельможею Вячеславомъ Лысымъ , писалъ къ Андрею: «Ты былъ другомъ его отца: я забылъ вражду Романову. Вступимся за изгнанниковъ ; введемъ ихъ съ честію въ области наслѣдственныя.» Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви , но болѣе ничего не сдѣлалъ , охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего Послы, не жалѣя ни золота , ни льстивыхъ обѣщаній , усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ ⁽¹²⁰⁾. Сей бывшій Князь Удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію , опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую , онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу , а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Ковар-
ство
Всево-
лода
Черм-
наго.

Хитрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господствовать на плодоносныхъ берегахъ Днѣстра и Сана , безъ сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; однакожь скрылъ неудовольствіе , остался имъ другомъ, и хотѣлъ иначе удовлетворить своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными : бывъ союзникомъ Рюрика и Мстислава , онъ сталъ ихъ врагомъ; во-

оруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручъ; сынъ его, зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлѣгородѣ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. «Иди къ отцу,» велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: «Переяславль да будетъ Княженіемъ моего сына! Если не исполнишь сего повелѣнія, или будешь домогаться Галича, гдѣ властвуетъ теперь родъ нашего славнаго предка, Олега: то я накажу дерзкаго, слабаго юношу.» Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля ⁽¹²¹⁾; а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ стѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ Половцевъ: Рюрикъ сперва отразилъ его; но Чермный призывалъ союзниковъ, Владиміра Игоревича Галицкаго и Князей Туровскихъ, потомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно измѣнившихъ своему зятю. Ничто не могло имъ противиться. Рюрикъ вторично удалился въ Овручъ; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлѣгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися, и Святославичь сѣлъ опять на престолѣ Кіевскомъ. Полов-

«жены! Единъ достойный Пастырь лучше тыся-
«щи беззаконныхъ. Извѣстно намъ также, что
«многіе люди, держася древнихъ языческихъ
«обыкновеній, сходятся въ святыя праздники
«на какія-то бѣсовскія игрища, крикомъ и сви-
«стомъ сзываютъ подобныхъ себѣ пьяницъ, и
«бьются дрекольемъ до самой смерти, снимая съ
«убитыхъ одежду: отнынѣ кто не престанетъ
«тѣшить Діавола такими гнусными забавами, да
«будетъ отлученъ отъ церквей Божіихъ; да не
«пріемлютъ отъ него никакихъ приношеній, то
«есть, ни просфоръ, ни кутьи, ни свѣчъ; когда
«же умретъ, да не отправляютъ по немъ Боже-
«ственные службы, и тѣло его да лежитъ далеко
«отъ святыхъ храмовъ!» Въ числѣ многихъ
обыкновеній, противныхъ уставамъ церковнымъ,
Кирилль осуждаетъ обливаніе при крещеніи,
говоря, что оно незаконно, и что крестимый
долженъ быть всегда *погружаемъ* въ сосудъ
особенномъ. — Такимъ образомъ, приписывая
государственное бѣдствіе разврату народа и за-
блужденіямъ Духовенства, сей Митрополитъ
хотѣлъ искоренить оныя мѣрами согласными съ
образомъ мыслей своего вѣка.

писца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками (дѣтьми Игоря), также нѣкоторыхъ Бояръ; велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жители Пронска, усердные къ своимъ Государямъ, отвергнули мирныя его предложенія. Юный Князь ихъ, Михаилъ, бѣжалъ къ тестю, Всеволоду Чермному ⁽¹²⁴⁾; но граждане, призвавъ къ себѣ другаго Князя Рязанскаго, Изяслава Владиміровича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непріятель стоялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли сосуды водою: узнавъ о томъ, Великій Князь поставилъ стражу предъ городскими воротами. Кровь лилася ежедневно въ теченіе трехъ недѣль ⁽¹²⁵⁾. Остервененіе гражданъ уступило наконецъ крайности, ибо многіе люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владиміровича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множество добычи, и плѣнилъ жену Михайлову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившія Окою съѣстные припасы войску; но бывъ отражены, изъявили покорность. Епископъ ихъ, Арсеній, встрѣтилъ Великаго Князя съ моленіемъ. «Государь!» сказалъ онъ: «удержи руку мести; пощади храмы Всевышняго, гдѣ народъ приноситъ жертву Небу, и гдѣ мы за тебя мо-

владѣть мечемъ; а торговля, ободряемая даже грамотами Ханскими (¹⁵⁵), доставляла и купцамъ и земледѣльцамъ способъ платить дань безъ затрудненія. Въ такомъ состояніи находилось Великое Княженіе, когда Димитрій Александровичъ восшелъ на престолъ онаго, къ несчастію подданныхъ и своему, къ стыду вѣка и крови Героя Невскаго.

Новгородцы тогда же признали Димитрія своимъ Княземъ, слѣдуя во-первыхъ древнему правилу, что Глава Россіи есть и Глава Новгорода, а во-вторыхъ и для того, чтобы онъ покровительствовалъ ихъ важную торговлю въ землѣ Низовской (¹⁵⁶), и не мѣшалъ имъ имѣть свободное сообщеніе съ Заволочьемъ.

г 1277. Димитрій немедленно отправился въ Новгородъ, а другіе Князья—Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Θεодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, братъ Димитріевъ—повели войско въ Орду, чтобы вмѣстѣ съ Ханомъ Мангу-Тимуромъ итти на Кавказскихъ Ясовъ или Аланъ, изъ коихъ многіе не хотѣли повиноваться Татарамъ и еще съ усиленіемъ противоборствовали ихъ оружію (¹⁵⁷). Князья наши завоевали Ясскій городъ Дедаковъ (въ южномъ Дагестанѣ), сожгли его, взявъ знатную добычу, плѣнниковъ, и симъ подвигомъ заслужили отмѣнное благоволеніе

Россія-
не въ
Даге-
станѣ.

негодованіе : сожалѣли о невинной жертвѣ ; видѣли, что Константинъ есть только орудіе самовластнаго отца, и что истинный Государь Новгорода живетъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія , Великій Князь хотѣлъ польстить народу мнимымъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единственно великодушнымъ его покровителемъ , а въ самомъ дѣлѣ остаться Государемъ Новгородцевъ ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ Посадника Дмитрія (раненнаго въ битвѣ) и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностію, ему объявленною, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Дмитрія , доказывая , что онъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обратились въ мятежниковъ : разграбили , сожгли дома обвиняемыхъ ; продали ихъ рабовъ , села ; раздѣлили деньги : каждому гражданину пришлось по нѣскольку гривенъ ⁽¹²⁸⁾ ; а Князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Дмитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли изъ Владиміра въ Новгородъ тѣло умершаго Дмитрія Посадника : озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ , и велѣлъ предать оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ , подлѣ могилы отца

Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Свято-
славъ, вторично пріѣхалъ управлять Ново-
г. 1208. городскою областію; взялъ оставленную
ему часть изъ имѣнія осужденныхъ, и со-
гласился довершить народную месть ссыл-
кою ихъ дѣтей и родственниковъ въ Суз-
даль (129). Не достигнувъ еще и юношескаго
возраста, онъ повелѣвалъ только именемъ,
и не могъ предводительствовать войскомъ,
которое сражалось тогда съ Литвою подъ
начальствомъ Владиміра Мстиславича: сей
юный Князь, сынъ Мстислава Храбраго,
господствовалъ во Псковѣ съ согласія Но-
вгородцевъ или Князя ихъ.

Поручивъ область Рязанскую Намѣстни-
камъ и Тіунамъ, Всеволодъ скоро отпра-
вилъ туда княжить сына своего, Ярослава-
Оеодора. Народъ повиновался ему неохот-
но, жалѣя о собственныхъ Князьяхъ, за-
ключенныхъ въ Владимірѣ. Лѣтописецъ
Суздальскій обвиняетъ Рязанцевъ даже въ
явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили
въ темницѣ многихъ Бояръ Владимірскихъ:
сею ли дерзостію или чѣмъ другимъ оскор-
бленный, Всеволодъ пришелъ съ войскомъ
къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему на
встрѣчу вмѣстѣ съ Послами, которые име-
немъ народа предложили свои оправданія
или требованія, но столь нескромно, что
Великій Князь, еще болѣе разгнѣванный,
явилъ примѣръ излишней строгости: ве-

мѣлъ жителямъ выйти съ дѣтьми изъ города и зажечь его. Напрасно хотѣли они моленіемъ смягчить грознаго судію: сія столица Удѣла знаменитаго обратилась въ кучу пепла, и бѣдные граждане, лишенные отечества, были разселены по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальскаго Княженія. Ту же участь имѣлъ и Бѣлгородъ Рязанскій ⁽¹³⁰⁾. Самый Епископъ Арсеній какъ плѣнникъ былъ привезенъ въ Владиміръ. — Князь Изяславъ Владиміровичъ, который спасся отъ неволи, и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ Московскихъ окрестностей; но сынъ Великаго Князя, Георгій, разбилъ ихъ на голову. Жестокость Великаго Князя.

Въ сіе время дерзнулъ Владѣтель ничтожнаго Удѣла объявить себя врагомъ Государя страшнаго для иныхъ, сильнѣйшихъ Князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мстислава Храбраго, племянникъ Рюрика, служилъ ему усердно, прославилъ себя мужественною, упорною защитою Торческа, и принужденный выѣхать оттуда, получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ Торопецкій ⁽¹³¹⁾. Зная, сколь память отца его любезна Новугороду; зная, что многіе чиновники и самый народъ не любятъ тамъ опеки Всеволодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользоваться ихъ тайнымъ расположеніемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжекъ, плѣнилъ Дворянъ Святославовыхъ, око-

Смѣлость Мстислава.

и войско, подступилъ къ Мурому и велѣлъ всѣмъ Удѣльнымъ Князьямъ явиться къ нему въ станъ съ ихъ дружинами. Никто не смѣлъ ослушаться: Θεодоръ Ярославскій, Михаилъ Ивановичъ Стародубскій (внукъ Всеволода III), и даже Константинъ Ростовскій, облагодѣтельствованный Димитріемъ, соединились съ Андреемъ. Изумленный сею внезапною грозою, Великій Князь искалъ спасенія въ бѣгствѣ; а Татары, пользуясь случаемъ, напомнили Россіи время Батыево. Муромъ, окрестности Владиміра, Суздаля, Юрьева, Ростова, Твери, до самаго Торжка, были разорены ими (¹⁶¹): они жгли и грабили дома, монастыри, церкви, не оставляя ни иконъ, ни сосудовъ, ни книгъ, украшенныхъ богатымъ переплетомъ; гнали людей толпами въ плѣнъ, или убивали. Юныя Монахини, жены Священниковъ были жертвою гнуснаго насилія. Спасая жизнь и вольность, земледѣльцы гибли въ степяхъ отъ жестокихъ морозовъ. Переславль, удѣльный городъ Димитріевъ, хотѣлъ обороняться, и былъ ужаснымъ образомъ за то наказанъ: не осталось жителя (по словамъ лѣтописи), который не оплакалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось Декабря 19: въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачь и стонъ. Андрей, злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ Татарами, и совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностію къ Хану.

Димитрій Александровичъ бѣжалъ къ Новугороду, и думалъ заключиться въ Копорьѣ. Новгородцы многочисленными полками встрѣтили его на озерѣ Ильменѣ. «Стой, Князь!» говорили они: «мы помнимъ г. 1282. твои обиды. Иди, куда хочешь.» Они взяли дочерей и Бояръ Димитріевыхъ въ залогъ, давъ слово освободить ихъ, когда дружина Княжеская добровольно выступитъ изъ Копорья, гдѣ находился тогда и славный Довмонтъ Псковскій, зять Великаго Князя (¹⁶²). Доброхотствуя тестю, онъ съ горстію воиновъ вломился въ Ладогу, взялъ тамъ казну его, даже много чужаго, и возвратился въ Копорье; но пользы не было: ибо Новгородцы немедленно осадили сію крѣпость, и принудивъ Довмонта выйти оттуда со всѣми людьми Княжескими, срыли оную до основанія. Внутренно, можетъ быть, гнушаясь злодѣяніемъ Андрея Александровича, но жертвуя совѣстію особеннымъ ихъ выгодамъ, Новгородцы призывали его и возвели на престолъ Св. Софїи.

Между тѣмъ, свѣдавъ, что полки Ханскіе оставили Россію, Димитрій возвратился въ Переславль, гдѣ жители изъявляли къ нему усердіе, и началъ собирать войско. Андрей, видя опасность, спѣшилъ въ Орду. Новгородцы также не могли быть спокойны: имѣя недостатокъ въ сѣстныхъ припа-

другъ. Романъ Звенигородскій , озлобленный старшимъ братомъ, ушелъ въ Венгрію, и съ помощію Короля Андрея изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ на престолъ Галицкомъ , къ изумленію Даніиловой матери, которая надѣялась, что Андрей отдастъ сіе Княженіе сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣту. Видя междоусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича , и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хотѣли обороняться, отворили ворота и сказали Полякамъ : «вы друзья наши ; съ вами племянникъ Великаго Романа.» Сіи мнимые друзья ограбили дома , церкви ; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владиміръ Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ; и чтобы не оставить сыновей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла , отпустилъ малолѣтнаго Василька княжить въ Брестъ, исполняя требованіе тамошнихъ гражданъ: Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе Венгровъ и Ляховъ : они имѣли случай и не хотѣли возстановить сильнаго Дому Романова, опасаясь его могущества ; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опустошаемой Ятвягами и Литвою) казалось благопріятнымъ для Политики Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичъ и не менѣе слабый Александръ , обязанные ми—

желая единственно доказать свое могущество, Ногай возвратилъ ему престолъ и г. 1283. власть, не мечемъ и не кровопролитіемъ, но одною повелительною грамотою. Андрей не дерзнулъ быть ослушникомъ, ибо самъ новый Ханъ, Туданъ-Мангу (¹⁶⁴), боялся Ногая. Братья примирились, хотя и неискренно; меньшій отказался отъ Великаго Княженія, и даже не могъ защитить своихъ друзей отъ мести Димитріевой. Мы упоминали о Вельможѣ Семенѣ Тонигліевичѣ, главномъ совѣтникѣ Андреевомъ, коему Лѣтописцы даютъ имя коварнаго мятежника: Великій Князь послалъ двухъ Бояръ умертвить его въ Костромѣ, гдѣ онъ жилъ спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ. Бояре, тайно схвативъ сего Вельможу, напрасно хотѣли свѣдать, не имѣетъ ли Андрей новыхъ опасныхъ замысловъ: Семенъ отвѣтствовалъ: «Я ни-
«чего не знаю. Братья ссорятся, братья
«мирятся; а мое дѣло вѣрно служить Госу-
«дарю.» Запираясь въ томъ, чтобы Андрей по его совѣту призывалъ Моголовъ, и слыша угрозы, онъ равнодушно сказалъ: «и такъ Великій Князь не боится вѣролом-
«ства? клялся быть другомъ Андреевымъ и
«грозить казнію его Боярамъ!» Тогда исполнители Димитріева повелѣнія убили сего человека жестокаго, но смѣлаго и рѣшительнаго: свойства, безъ коихъ злодѣи

Галиціи; что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу, и сказалъ: «Князь! «теперь безъ стыда можешь ѣхать назадъ: ты «былъ на *Галичинѣ*!»

Въ сіе время Романъ Игоревичъ бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти въ Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичъ, освобожденный Поляками, взялъ себѣ Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теремовль, а другаго сына пославъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ тамошнихъ Вельможъ, и приписывая блестящее государственіе Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казню первостепенныхъ Бояръ обуздать народъ, и погубили себя не возвратно: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ суда, исполни-

тели Княжеской воли хватали знатнѣйшихъ людей, убивали, и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спастися, и въ томъ числѣ Бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были престоломъ Галицкимъ. Сей Вельможа, вмѣстѣ съ другими бѣжавъ въ Венгрію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ имъ отрока Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость Королевскую. Непрестанно лаская Даніила — обѣщая то усыновить, то женить его на своей дочери — Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго Князя, нежели собственнымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, ненавистныхъ Россіянамъ; думая, что юный Даніиль, отчасти имъ воспитанный, охотнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требованіе Галицкихъ Бояръ, и Владиславъ, окруженный полками Венгровъ, вступилъ съ Княземъ отрокомъ въ предѣлы отечества. Города сдавались. «За кого вамъ сражаться?» говорилъ одушевленный местию Владиславъ: «за убійцъ ли, которые злодѣйски умертвили вашихъ отцевъ и братьевъ, похитили ихъ имѣніе, женили рабовъ на дочеряхъ Боярскихъ?» Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича (¹³⁴). Романъ въ Звенигородѣ оборонялся, призвавъ Половцевъ. Но всѣ

«въ землю, и громогласно объявляйте : такъ будетъ всякому, кто дерзнетъ оскорбить Баскака!» Разоренныя Ахматовы слободы вновь наполнились жителями, скотомъ и другими плодами всемѣстнаго грабежа въ Курской области: люди бѣжали въ пустыни, не смотря на жестокость зимы; города и села опустѣли, такъ, что слуги Баскаковы, возя повсюду головы и руки убитыхъ Бояръ, видѣли, что не-кого было страшать сими знаками его ужасной мести. Однакожь Ахматъ боялся ушедшихъ Князей, и самъ поѣхалъ къ Ногаю, оставивъ вмѣсто себя двухъ братьевъ для охраненія слободъ. Что онъ предвидѣлъ, то и случилось. Бродяги, жители Баскаковыхъ деревень, скоро должны были всѣ разбѣжаться: ибо Святославъ возвратился, стерегъ ихъ на дорогахъ и нѣсколько челоуѣкъ умертвилъ, не заботясь о слѣдствіяхъ. Тогда же пріѣхалъ изъ Орды и родственникъ его, Олегъ, собратъ, успокоить народъ, и съ Христіанскими обрядами воздать честь погребенія убитымъ Боярамъ, коихъ искаженные трупы еще висѣли на деревьяхъ. Желая отвратить новую бѣду отъ земли Курской, сей Князь торжественно объявилъ Святослава преступникомъ, говоря ему: «Мы были правы, а теперь стали виновны. Дѣло «твое есть вторичный разбой, всего болѣе нена- «вистный Татарамъ, и въ самомъ нашемъ оте- «чествѣ нетерпимый. Надлежало требовать суда «отъ Хана: ты же не хотѣлъ ѣхать къ нему, «укрываясь въ темнотѣ лѣсовъ какъ злодѣй.

«Моя совѣсть чиста. Иди, оправдайся предъ Царемъ.» Но Святославъ не слушалъ ни упрековъ, ни совѣтовъ его, отвѣтствуя гордо: «я воленъ въ своихъ дѣлахъ; наказалъ враговъ моихъ, и правъ.» Тогда Олегъ поѣхалъ съ жалобою къ Телебугѣ, и ревностно исполняя волю его, умертвилъ Святослава! Достойно замѣчанія, что Лѣтописцы сего времени ни мало не винятъ убійцы, осуждая безразсудность убитого: столь рабство измѣняетъ понятія людей о чести и справедливости! Святославъ казался злодѣемъ, ибо, отражая насиліе насиліемъ, подвергалъ Россіянъ гнѣву сильнаго тирана; а жестокій Олегъ, вонзивъ мечъ въ сердце единокровнаго Князя, не заслужилъ ихъ укоризны, ибо тѣмъ спасалъ себя и подданныхъ отъ мести Татарской Но себя не спасъ: братъ Святослава, Александръ, убилъ его вмѣстѣ съ двумя сыновьями, и нашелъ способъ умилостивить Моголовъ. Сіи завоеватели требовали единственно повиновенія и даровъ, оставляя нашимъ Князьямъ право рѣзать другъ друга, и вступаясь иногда съ великою ревностію за утѣсненнаго, готовы были тогда же взять сторону противную.

Мы видѣли, что Ногай защитилъ Дмитрія: увидимъ его и защитникомъ Андрея. г. 1285. Сей Князь Городецкій, живъ два года спо-

койно , призвавъ къ себѣ какого-то Царевича изъ Орды и началъ явно готовиться къ важнымъ непріятельскимъ дѣйствіямъ ⁽¹⁶⁸⁾. Великій Князь предупредилъ ихъ : соединился съ Удѣльными Владѣтелями, выгналъ Царевича и плѣнилъ Бояръ Андреевыхъ. Сіе дѣйствіе могло оскорбить Хана и казалось дерзостію : Ростовцы поступили еще смѣлѣе. Съ неудовольствіемъ смотря на множество Татаръ , привлекаемыхъ къ нимъ корыстолюбіемъ и хотѣвшихъ быть во всемъ господами, они положили на Вѣчѣ изгнать сихъ безпокойныхъ гостей, и разграбили ихъ имѣніе. Владѣтель Ростовскій, Димитрій Борисовичъ, сватъ Великаго Князя, немедленно послалъ въ Орду брата своего, Константина, чтобы оправдать народъ или себя, и Ханъ на сей разъ не вступился за обиженныхъ Татаръ : чему были причиною или дары Княжескіе или тогдашнія внутреннія неустройства въ Ордѣ. Ногай болѣе и болѣе стѣснялъ власть Ханскую: г. 1291. наконецъ умертвилъ Телебугу , и возвелъ на престолъ его брата, именемъ Тохту. Къ несчастію, Россія не могла еще воспользоваться сими междоусобіями ея тирановъ, согласныхъ въ желаніи угнетать оную.

Великій Князь , обязанный всѣмъ покровительству Ногая , могъ быть еще спокойнѣе прежняго , видя его располагающаго судьбою Хановъ. Чтобы тѣмъ болѣе уго-

наго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать (хвала не всегда заслуживаемая Царями!), и хотя не могъ назваться Самодержавнымъ Государемъ Россіи, однакожь, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни Единовластія. Новѣйшіе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего Князя, говорятъ, что онъ довершилъ мечь, начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду. Сіе извѣстіе согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; рассказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ донынѣ плаваютъ тамъ въ коробѣ (¹³⁹)!

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромѣ города Остера, имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣпости въ Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Суздалѣ (¹⁴⁰).

Всеволодъ въ 1209 году сочетался вторымъ бракомъ съ дочерью Витебскаго Князя, Василька Брячиславича (¹⁴¹). Первою его супругою была Марія, родомъ Ясыня, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни страдая тяжкимъ недугомъ, она изъясляла удивительное терпѣніе, часто сравнивала себя съ Іовомъ (¹⁴²), и за 18 дней до кончины постригъ-

Опусто-
шеніе
Россіи.

встрѣтить Дюдены ни съ оружіемъ , ни съ убѣдительными доказательствами своей невинности , онъ бѣжалъ черезъ Волокъ въ отдаленный Псковъ , къ вѣрному зятю Довмонту. Татары шли возвести Андрея на Великое Княженіе , и могли бы сдѣлать то безъ всякаго кровопролитія : ибо никто не думалъ сопротивляться волѣ Ногаевой ; но сей предлогъ былъ только обманомъ. Муромъ , Суздаль , Владиміръ , Юрьевъ , Переславль , Угличъ , Коломна , Москва , Дмитровъ , Можайскъ и еще нѣсколько другихъ городовъ были ими взяты какъ непріятельскіе , люди плѣнены , жены и дѣвицы обруганы. Духовенство , свободное отъ дани Ханской , не спаслося отъ всеобщаго бѣдствія : обнажая церкви , Татары выломали даже мѣдный полъ Собора Владимірскаго , называемый чудеснымъ въ лѣтописяхъ. — Въ Переславлѣ они не нашли ни одного человека: ибо граждане удалились заблаговременно съ женами и съ дѣтьми. Даніилъ Александровичъ Московскій , братъ и союзникъ Андреевъ , дружелюбно впустивъ Татаръ въ свой городъ , не могъ защитить его отъ грабежа. Ужасъ царствовалъ повсюду. Одни лѣса дремучіе , коими сія часть Россіи тогда изобиловала , служили убѣжищемъ для земледѣльцевъ и гражданъ.

Дюдень , вступивъ въ Тверскую область , думалъ взять столицу , тѣмъ удобнѣе , что

Князь Михаилъ находился въ Ордѣ. Къ счастію, Бояре и народъ изъявили великодушную смѣлость: съ обрядами священными давъ клятву другъ другу обороняться до послѣдняго чело-вѣка, они составили войско, довольно сильное числомъ; многіе люди изъ другихъ областей, спасаясь отъ Моголовъ, прибѣжали въ Тверь и вооружились вмѣстѣ съ ея мужественными гра-жданами. Къ внезапной ихъ радости, явился и Князь Михаилъ, двадцатилѣтній юноша, люби-мый всѣми. Не зная, что Татары заняли Москву, онъ—было едва не попался къ нимъ въ руки; но одинъ сельскій Священникъ въ окрестностяхъ ея далъ ему вѣсть о томъ и показалъ дорогу без-опасную. Духовенство встрѣтило Князя со кре-стами, народъ съ восхищеніемъ; думая, что онъ привезъ къ нимъ спасеніе и побѣду, самые ма-лодушные ободрились. Мужество въ нѣкоторыхъ случаяхъ такъ же легко сообщается, какъ и ро-бость. — Недостойный Князь Андрей, бывъ сви-дѣтелемъ всѣхъ злодѣйствъ Татарскихъ, уже велъ Дюдена къ Твери; но свѣдавъ, что жители ея подъ начальствомъ Михаила готовы дать имъ отпоръ сильный, Моголы обратились къ Ново-городской области, ибо искали въ Россіи не сла-вы побѣдъ, а только одной безопасно добывае-мой корысти (170). Разореніемъ Волока заключи-лось сіе губительство. Приславъ дары Воеводѣ Могольскому, Новгородцы объявили тамъ Ан-дрею, что они всегда желали имѣть его своимъ

«Князь удалился въ Черноморскія области, въ Грецію; велъ жизнь странника, скупчалъ, возвратился опять въ Грузію, преклонилъ къ себѣ многихъ жителей и хотѣлъ взять Тифлисъ; но, побѣжденный Тамирію, съ ея дозволенія, безопасно и съ честію выѣхалъ, неизвѣстно куда.» Сія Тамаръ славилась побѣдами, одержанными ею надъ Персіянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила Науки, Исторію, Стихотворство, и время ея считалось златымъ вѣкомъ Грузинской Словесности. Сынъ Тамаринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери царствовалъ отъ 1198 до 1211 года ⁽¹⁴⁶⁾.

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственныя случаи долговременнаго княженія Всеволодова. Два раза горѣлъ при немъ Владиміръ: въ 1185 году огонь разрушилъ тамъ 32 церкви каменные и Соборную, богато украшенную Андреемъ; ея серебряныя паникадила, золотые сосуды, одежды служебныя, вышитыя жемчугомъ, драгоценныя иконы, парчи, куны или деньги, хранимыя въ теремѣ, и всѣ книги были жертвою пламени. Черезъ пять лѣтъ случилось такое же несчастіе для цѣлой половины Владиміра: едва могли отстоять дворецъ Княжескій; а въ Новѣгородѣ многіе люди, уstraшенные безпрестанными пожарами, оставили дома и жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло тамъ 4300 домовъ.

Разныя
бѣд-
ствія.

Многіе другіе города : Руса , Ладога , Ростовъ, обратились въ пепелъ. Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то общая болѣзнь въ городахъ и селахъ : Лѣтописцы говорятъ, что ни одинъ домъ не избѣжалъ заразы , и во многихъ не кому было принести воды. Въ 1196 году вся область Кіевская чувствовала землетрясеніе: дома, церкви колебались, и жители, не пріученные къ сему обыкновенному въ жаркихъ климатахъ явленію , *трепетали и падали ницъ отъ страха* ⁽¹⁴⁷⁾.

Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ Крестоносцами Царьградъ : происшествіе Взятіе
Царя-
града. важное и горестное для тогдашнихъ Россіянъ , тѣсно связанныхъ съ Греками по Вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204): суевѣрные Лѣтописцы наши говорятъ , что многія страшныя явленія въ ту зиму предвѣщали бѣдствіе ; что небо казалось въ огнѣ , метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови ⁽¹⁴⁸⁾. Французы, Венеціане, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоценности искусства и мощи Святыхъ , избрали не только собственнаго Императора, но и Патріарха Латинскаго : Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Оракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ

Духовенству нашему , что Вѣра истинная торжествуетъ ; что вся Греческая Имперія уже ему повинуется ; что одни ли Россіане захотятъ быть отверженными отъ паствы Христовой ; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія , и что внѣ онаго все должно погибнуть ; что Кардиналь Г. , мужъ ученый , благородный , Посолъ Намѣстника Апостольскаго , уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи , истребителемъ ея заблужденій , и проч. ⁽¹⁴⁹⁾. Сіе Пастырское увѣщаніе не имѣло никакого слѣдствія , и Митрополиты наши были оттолѣ поставляемы въ Никеѣ , новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ Патриарховъ , до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царяграда.

Нѣмцы
въ Ливоніи.

Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Меингардѣ , проповѣдникѣ Латинской Вѣры въ Ливоніи : преемники его , утверждаемые Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ , для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибѣгнули къ оружію , и Папа отпускалъ грѣхи всякому , кто подъ знаменіемъ креста лилъ кровь упрямыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли толпами отправлялись туда странствующие богомольцы , но не съ посохомъ , а съ мечемъ , искать спасенія души въ убійствѣ людей.

тельствомъ служить грамота , данная Биргеромъ Любеку и другимъ городамъ приморскимъ , въ коей онъ , обѣщая имъ покровительство , строго запрещаетъ ихъ купцамъ возить оружіе и всякое желѣзо въ Россію ⁽¹⁷³⁾.

Набѣги Литовцевъ продолжались , особенно на области Тверскую и Новгородскую. Не только жители Волока, Торжка, Зубцева , Ржева , Твери , но и Москвитяне съ Дмитровцами должныствовали вооружиться (въ 1285 году) , и соединенными силами поразивъ толпы сихъ хищниковъ , убили ихъ Князя, именемъ Домонта ⁽¹⁷⁴⁾.

Гораздо важнѣе и несчастнѣе для Россіи, какъ пишетъ Историкъ Длугошъ, было (въ 1280 году) сраженіе Льва Даніиловича Галицкаго съ Поляками. По кончинѣ добраго Болеслава , умершаго бездѣтнымъ , Левъ ^{Дѣла съ} думалъ быть его наслѣдникомъ и Госуда- ^{П о л ь-}ремъ всей Польши; не могъ преклонить къ ^{шею.} тому Вельможъ Краковскихъ (избравшихъ Лешка , Болеславова племянника) и желая силою овладѣть нѣкоторыми изъ ближайшихъ ея городовъ , самъ ѣздилъ въ Орду къ Ногаю требовать отъ него войска ⁽¹⁷⁵⁾. Однакожь , не смотря на многочисленныя толпы Моголовъ , данныя ему Ханомъ, Воеводы Лешковы одержали надъ нимъ блестящую побѣду , взявъ 2000 плѣнниковъ, семь знаменъ , и положивъ на мѣстѣ

древняго Лѣтописца, не умѣли дѣйствовать прашею; хотя и переняли сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду — услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи — и Двиною возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій Россіянъ, былъ Датскій: Король Вольдемаръ въ угодность Папѣ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лунденскаго Архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Католической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами Христіанъ, не могли защитить себя. Современный Лѣтописецъ рассказываетъ случай любопытный: Латыши бросили жеребей, какую Вѣру принять имъ, Нѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земинника или дарователя земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливъ и Чудь назвали самаго Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христіанами, но ходили еще молиться въ лѣса священные, приносили жертвы древамъ, ежегодно торжествовали праздникъ усопшихъ

съ обрядами язычества , и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мертвому : «иди , не-«счастный , въ міръ лучшій , гдѣ Нѣмцы уже «не могутъ господствовать надъ тобою, а будутъ «твоими рабами (¹⁵⁰)!» Сей бѣдный народъ въ теченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жестокихъ просвѣтителей! — Довольный услугами Рыцарей , Епископъ Альбертъ уступилъ имъ третію часть покоренной Ливоніи ; старался болѣе и болѣе утверждать тамъ свое владычество; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Куkenойса, принудивъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всеволода , быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь , женатый на дочери одного знатнаго Литовца , господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ много зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Литовскихъ грабителей чрезъ Двину и доставляя имъ съѣстные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ столицу Всеволода, плѣнилъ его Княгиню, многихъ жителей, и съ тѣмъ условіемъ возвратилъ имъ свободу, чтобы сей Князь отказался отъ союза съ Литовцами и навсегда подарилъ свою область Богородицѣ , то есть , Епископу. Всеволодъ подъ тремя знаменами клялся вѣрно служить Матери Божіей ; торжественно назвалъ Альберта отцемъ ; призналъ себя его Намѣстникомъ въ Герсикѣ (¹⁵¹)! Но сѣверная часть Ливоніи оставалась еще независимою отъ Нѣмцевъ: тамъ хотѣлъ господствовать храбрый Мстиславъ Новгородскій. Взявъ мѣры для без-

дѣтей, онъ въ духовномъ завѣщаніи объявилъ наслѣдникомъ своимъ Мстислава Даніиловича, мимо старшаго Льва и сына его Юрія (женатаго на дочери Ярослава Тверскаго): ибо не любилъ ихъ за лукавые происки. Такъ Левъ, свѣдавъ о тяжелой болѣзни Владиміра, прислалъ къ нему Святителя Перемышльскаго, Мемнона, чтобы выпросить у него Брестъ, *на свѣчу для гроба Даніилова*, какъ говорилъ сей Епископъ. «А что «братъ нашъ Левъ далъ въ память родителя «моего?» сказалъ Владиміръ: «господствуя въ «трехъ Княженіяхъ, Галицкомъ, Перемышльскомъ, Бельзскомъ, хочетъ взять и Брестъ; но «не обманетъ меня.» Тщетно и Юрій притворно жаловался ему на отца, будто бы лишенный имъ Удѣла, и надѣялся вымолить у дяди сію же область. Умирая, Владиміръ отказалъ супругѣ, именемъ Еленѣ, городъ Кобринъ, поручилъ ее наслѣднику своему, равно какъ и юную питомицу ихъ, неизвѣстную Княжну Изяславу, взятую ими въ пеленахъ отъ матери — и представился въ Любомлѣ (въ 1289 году), а погребенъ, *обвитый бархатомъ съ кружевами*, въ Владимірѣ, въ церкви Св. Богоматери, Епископомъ Евсегеніемъ. Нѣжная супруга и сестра Ольга оплакали его вмѣстѣ съ подданными и бывшими тамъ иноземцами, въ числѣ коихъ Лѣтописецъ именуетъ Евреевъ, сказывая далѣе, что сей Князь былъ отмѣнно высокаго росту и прекрасный лицомъ, имѣлъ желтые кудреватые волосы, голосъ толстый, и стригъ бороду вопреки обыкновенію;

что онъ построилъ городъ Каменецъ за Брестомъ на рѣкѣ Лыстнѣ (гдѣ всѣ мѣста по кончинѣ Романа, отца Даніилова, 80 лѣтъ пустѣли), вездѣ исправилъ, обновилъ крѣпости, украсилъ многія церкви живописью, серебромъ, финифтью, и надѣлилъ священными книгами, имъ самимъ списанными; что наслѣдникъ Владиміровъ, Мстиславъ, уподоблялся ему въ добродѣтеляхъ: одною угрозою выгналъ Юрія Львовича изъ Бреста, Каменца, Бѣльска, и въ наказаніе обложилъ ихъ жителей необыкновенною податію (¹⁷⁷). Лѣтописецъ Волынскій жилъ въ сіе время: онъ называетъ его счастливымъ. Уже Татары не беспокоили западной Россіи, и были довольны, получая отъ нея Князей дань, собираемую съ народа. Владѣтели Литовскіе, братья Будикидъ и Буйвидъ, купили дружбу Мстислава, уступивъ ему Волковыескъ. Ятвяги, отчасти присоединенные къ Литвѣ Тройденомъ, не смѣли оскорблять Россіянъ, желая получать отъ нихъ хлѣбъ и представляя имъ въ обмѣнъ воскъ, бобровъ, черныхъ куніцъ, и даже серебро. Польша терзалась въ междоусобіяхъ: Болеславъ и Конрадъ Самовитовичи, враги Генрика Вратиславскаго, искали благосклонности Князей Галицкихъ. Левъ, помогая имъ, осаждалъ Краковъ: не взялъ его отъ измѣны Вельможъ Болеславовыхъ, но возвратился съ великою добычею, разоривъ область Генрикову, и заключивъ тѣсный союзъ съ Королемъ Богемскимъ. Однимъ словомъ, Галиція и Волынія отдохнули, славя мудрость и зна-

менитость своихъ Государей. Еще родъ Святополка—Михаила господствовалъ въ Пинскѣ: послѣдній Князь его, намъ извѣстный, былъ Георгій Владиміровичъ, *добрый и правдивый* (отъ того же, вѣроятно, колѣна произошли Князья *Степанскіе*, упоминаемые въ лѣтописи Волынской). — Теперь обратимся къ сѣверной Россіи.

Во время Димитрія Александровича возвысилось могуществомъ новое Княженіе Тверское, которое, бывъ частію Суздальскаго или Владимірскаго, сдѣлалось особеннымъ при Ярославѣ Ярославичѣ, учредившемъ тамъ Епископію. Первый Святитель Тверскій, Симеонъ, имѣлъ уже многія, богатые волости, Олешну и другія, данныя ему Княземъ ⁽¹⁷⁸⁾; а преемникъ Симеоновъ, Игуменъ Андрей, былъ сынъ Литовскаго Князя Герденя и Христіанки Евпраксіи, тетки Довмонта Псковскаго. Сего втораго Епископа Тверскаго ставилъ уже новый Митрополитъ Максимъ: ибо Кирилль (въ 1280 году) скончался въ Переславлѣ Залѣсскомъ, бывъ Главою нашей Церкви 31 годъ; тѣло его отвезли для погребенія въ Кіевъ. Едва ли кто нибудь изъ древнихъ Митрополитовъ Россійскихъ превосходилъ Кирилла въ добродѣтеляхъ, истинно Пастырскихъ. Онъ мирилъ Князей съ народомъ, просвѣщалъ Духовенство, искоренялъ заблужденія, одушевленный

Добро-
дѣтели
Кирил-
ла Ми-
тропо-
лита.

ревностію къ Вѣрѣ и къ чистотѣ Евангельскаго ученія. Разскажемъ одинъ любопытный случай, который ясно представляетъ благоразуміе сего Митрополита ⁽¹⁷⁹⁾. Услышавъ, что Епископъ Ростовскій, Игнатій, вздумалъ судить давно-умершаго добраго Князя Глѣба Васильковича, и какъ недостойнаго велѣлъ ночью перенести въ гробъ изъ Соборной церкви въ монастырь Спасскій, Кирилль, оскорбленный такимъ злоупотребленіемъ духовной власти, отлучилъ Епископа отъ службы, и наконецъ простивъ его изъ уваженія къ ревностному предстательству Князя Димитрія Борисовича Ростовскаго, сказалъ ему: «Игнатій! оплакивай во всю жизнь свое безуміе, дерзнувъ осудить мертвеца прежде суда Божія! Когда Глѣбъ былъ живъ и властвовалъ, ты искалъ въ немъ милости, бралъ отъ него дары, вкусно ѣлъ и пилъ за столомъ Княжескимъ, и въ благодарность за то обругалъ тѣло покойника! Кайся во глубинѣ сердца, да проститъ Богъ твое согрѣшеніе!» — Кирилль посылалъ Епископа Сарскаго, Θεогноста, къ Патріарху Константинопольскому, Іоанну Векку, славному ученостію и краснорѣчіемъ, но измѣннику православія: ибо Іоаннъ хотѣлъ подчинить Церковь Восточную Западной. Патріархъ дѣйствовалъ такъ въ угодность Царю Михаилу Палеологу, а Царь для безопасности своего Царства и въ надеждѣ, что Папа примиритъ его съ братомъ Св. Людовика, опаснымъ Карломъ д'Анжу, который, господствуя на Средиземномъ морѣ, угрожалъ

Имперіи Греческой. Россійскій Епископъ видѣлъ въ Константинополѣ несчастный расколъ, гоненіе и даже казни многихъ ревностныхъ сановниковъ Церкви (¹⁸⁰), громогласно осуждавшихъ Царя, и возвратился (въ 1279 году) къ Митрополиту съ извѣстіями печальными. Духовенство Россійское, по кончинѣ знаменитаго Кирилла, два года не имѣло Главы, ибо не хотѣло, какъ вѣроятно, принять новаго Митрополита отъ злочестиваго Іоанна Векка. Максимъ въ 1283 году былъ посвященъ старцемъ Іосифомъ, вторично призваннымъ на Патріаршество по смерти Императора Михаила, и предавшимъ анаѹемъ уставы Латинской Церкви. — Въ одной лѣтописи сказано, что преемникъ Кирилловъ, Грекъ Максимъ, прибывъ въ Россію, ѣздилъ въ Орду, и послѣ сзывалъ для чего-то всѣхъ нашихъ Епископовъ въ Кіевъ (¹⁸¹); но сіе извѣстіе, не подтверждаемое другими достовѣрнѣйшими Лѣтописцами, остается сомнительнымъ. Доселѣ ни Митрополиты, ни Епископы наши не бывали въ Ордѣ, кромѣ Сарскаго, жившаго въ ея столицѣ. Достойно замѣчанія, что Епископъ Теогиость ѣздилъ оттуда въ Константинополь не только по церковнымъ дѣламъ, но и въ качествѣ Ханскаго Посла къ Императору Михаилу, тестю Ногаеву. Сей славный Ногай — въ тотъ самый годъ, какъ

Дюденево войско злодѣйствовало въ Рос-
сіи — былъ побѣжденъ Ханомъ Тохтою и Смерть
Ногае-
ва.
найденъ между убитыми (¹⁸²). Кажется, что
въ сіе время уже разные Воеводы Моголь-
скіе присвоивали себѣ имя Царей: ибо въ
нашихъ лѣтописяхъ упоминается еще о
какомъ-то Царѣ Токтомерѣ, который (око-
ло 1293 году) пріѣзжалъ въ Тверь, утѣснялъ
народъ и возвратился съ богатою корыстію
въ свои Улусы.

изъ Смоленска. Новгородцы изумились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ, что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь тронула Новгородцевъ, легкомысленныхъ, однакожь чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностію, нетерпѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два Князя отдалися въ плѣнъ (160). Всеволодъ Святославичъ бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговъ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому.

г. 1215. Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла отзываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ Новгородцевъ, однакожь даетъ имъ волю избрать себѣ инаго Князя. Народъ сожалѣлъ объ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя столь великодушнаго; наконецъ отправилъ Посадника, Тысяческаго и десять старѣйшихъ купцевъ

ностнаго славолюбія, ни великодушнаго мужества; бралъ города, истреблялъ Христіанъ руками Моголовъ, не обнажавъ меча, не видавъ опасности, и проливъ множество невинной крови, не купилъ даже права назваться побѣдителемъ!

с т в а
Андре-
евы.

Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ Россіи Великому Князю надлежало бы имѣть превосходную душу Александра Невскаго, чтобы не именемъ только, но въ самомъ дѣлѣ быть Главою частныхъ Владѣтелей, изъ коихъ всякой искалъ независимости. Михаилъ Тверскій и Θεодоръ Ярославскій пріобрѣли оную въ княженіе Димитрія, а Даніилъ Московскій и сынъ Димитрія Александровича, Іоаннъ Переславскій, хотѣли того же при Андреѣ. Открылась распря, г. 1295. дошедшая до вышняго судилища Ханова: самъ Великій Князь ѣздилъ въ Орду съ своею молодою супругою, чтобы снискать милости Тохты (184). Посолъ Ханскій, избранный быть миротворцемъ, созвалъ Князей въ Владиміръ. Они раздѣлились на двѣ стороны: Михаилъ Тверскій взялъ Даніилову (Іоаннъ же находился въ Ордѣ; вмѣсто его говорили Бояре Переславскіе): Θεодоръ Черный и Константинъ Борисовичъ стояли за Андрея. Татаринъ слушалъ подсудимыхъ съ важностію и съ гордымъ видомъ, но не могъ удержать ихъ въ предѣлахъ надлежащаго смиренія. Разгоряченные споромъ

г. 1296.
1297.
С у д ѣ
Князей.

г. 4216,
Февр.
11.

ній разъ Новгородцы молили Ярослава утѣшить ихъ своимъ присутствіемъ. «Иди къ Св. Софіи,» говорили они: «или скажи, что не хочешь быть нашимъ Княземъ.» Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, вмѣстѣ съ купцами Новгородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли отчаяніе; а Намѣстникъ Ярославовъ и Дворяне его были равнодушными зрителями народнаго бѣдствія. Въ то время явился утѣшитель: Мстиславъ великодушный. Новгородцы съ восторгомъ увидѣли его на *Дворѣ Ярослава*. Сей Князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжокъ, возстановитъ благоденствіе Новгорода, или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ стражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника объявилъ зятю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно возвратилъ свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новгородскимъ (162). Съ гордостію отвергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготовился къ войнѣ; сдѣлалъ на пути засѣки, укрѣпленія, и прислалъ сто знаменитыхъ Новгородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить оттуда его тестя. Но сіи люди,

знаменитыя Духовныя особы , какъ толкователи святыхъ уставовъ правды и совѣсти. Первое изъ оныхъ, по смерти Θεодора Ярославскаго, было въ Дмитровѣ ⁽¹⁸⁶⁾, гдѣ Андрей съ братомъ Даніиломъ, съ племянникомъ Іоанномъ и съ Михаиломъ кончилъ всѣ дѣла дружелюбно, но гдѣ Князья Тверскій и Переславскій не могли въ чѣмъ-то согласиться, доселѣ дѣйствовавъ единодушно. Хитрый Михаилъ привлекъ-было на свою сторону и Новгородцевъ, заключивъ съ ними договоръ, по которому они взаимно обязывались помогать другъ другу въ случаѣ утѣсненій отъ Великаго Князя и самаго Хана: Новгородъ обѣщаль правосудіе всѣмъ Тверскимъ истцамъ въ его области, а Михаилъ отступался отъ кабаленныхъ ему должниковъ Новгородскихъ, и проч. ⁽¹⁸⁷⁾. Андрей не могъ помѣшать сему оскорбительному для него союзу, и безъ сомнѣнія былъ доволенъ размолвкою Михаила съ Іоанномъ, которая уменьшала могущество перваго. Но Іоаннъ, названный въ лѣтописяхъ тихимъ или кроткимъ, тѣмъ согласнѣе жилъ съ дядею своимъ, Даніиломъ, и въ 1302 году умирая бездѣтенъ, отказалъ ему Переславль ⁽¹⁸⁸⁾. Князь Московскій, въѣхавъ въ сей городъ, Москва усиливается. выгналъ оттуда Бояръ Андрея, который считалъ себя истиннымъ наслѣдникомъ Іоанновымъ, и негодуя на властолюбіе

никомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ).

Сія война имѣла важное слѣдствіе: Князь Новгородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, но принужденный искать управы мечемъ, взялъ свои мѣры какъ искусный Военачальникъ и Политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичъ будетъ всѣми силами помогать меньшему брату, Мстиславъ заключилъ тайный союзъ съ Константиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ Владимірскій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичъ, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятию тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ, но Князь Новгородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться, и взялъ укрѣпленный Зубцовъ (164). Дружина Мстиславова хотѣла прямо итти къ Торжку; но Князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣсскому, чтобы удалить театръ войны отъ Новгородской области. Наконецъ обѣ рати сошлись близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ Новгородскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Муромскіе, дѣйствуя заодно, вооружили самыхъ поселянъ, и въ необозримыхъ рядахъ стади на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что Князь Владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ (165). Благоразумный Мстиславъ

Свѣдавъ о кончинѣ Даніиловой , Переславцы единодушно объявили Княземъ своимъ сына его, Юрія или Георгія , у нихъ бывшаго , и даже не дозволили ему ѣхать на погребеніе отца , боясь, чтобы Андрей вторично не занялъ ихъ города. Георгій , успокоивъ народъ , и будучи увѣренъ или въ покровительствѣ или въ безопасности Хана, не только безъ страха ожидалъ Андрея, но хотѣлъ еще и новыми пріобрѣтеніями умножить владѣнія Московскія; соединился съ братьями, завоевалъ Можайскъ, Удѣлъ Смоленскій, и привелъ плѣнникомъ тамошняго Князя, Святослава Глѣбовича, Оеодорова племянника ⁽¹⁹⁰⁾.

Наконецъ Великій Князь , бывъ цѣлый годъ въ Ордѣ, возвратился съ Послами Тохты. Князья съѣхались въ Переславль на общій Сеймъ (осенью въ 1303 году). Тамъ , въ присутствіи Митрополита Максима , читали ярлыки или грамоты Ханскія, въ коихъ сей надменный повелитель объявлялъ свою верховную волю , да наслаждается Великое Княженіе тишиною, да пресѣкутся распри Владѣтелей, и каждый изъ нихъ да будетъ доволенъ тѣмъ , что имѣетъ. Андрей, Михайлъ и сыновья Даніиловы возобновили договоръ мира; но Георгій удержалъ за собою Переславль, и слѣдственно Великій Князь , хваляся впрочемъ милостію Тохты , не достигнулъ своей цѣли ⁽¹⁹¹⁾.

Въ сихъ Княжескихъ съѣздахъ не участвовали ни Рязанскіе , ни Смоленскіе , ни другіе Владѣтели. Нашествіе Моголовъ уничтожило и по-

превосходныя силы уступаютъ иногда превос-
ходному искусству (¹⁶⁶). Князья слушали Боярина
съ неудовольствіемъ. Другіе Вельможи, льстя
ихъ самолюбію, говорили, что никогда еще враги
не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздаль-
ской; что жители ея могли бы съ успѣхомъ про-
тивоборствовать соединенному войску всѣхъ
Россіянъ, и *спѣлами закидаютъ* Новгородцевъ.
Одобривъ сію безразсудную надменность и со-
бравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ при-
казъ не щадить никого въ битвѣ: убивать даже
и тѣхъ, на коихъ увидятъ шитое золотомъ
оплечье (¹⁶⁷). «Вамъ брони, одежда и кони мерт-
«выхъ,» сказали они: «въ плѣнъ возмемъ однихъ
«Князей, и рѣшимъ послѣ судьбу ихъ.» Отпу-
стивъ Воеводъ, Георгій съ меньшими братьями
заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлить всю
Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ
для Ярослава, Смоленскъ для третьяго брата (¹⁶⁸),
а Кіевъ для Ольговичей, оставляя Галичъ на свое
дальнѣйшее распоряженіе. Написавъ договорную
грамоту и взаимною клятвою утвердивъ оную,
сіи Князья послали сказать непріятелямъ, что
желаютъ биться съ ними на обширномъ Липец-
комъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго
совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его
торжественными обѣтами вѣрности, и ночью
выступилъ изъ стана къ назначенному для битвы
мѣсту, съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кли-
комъ воинскимъ. Встревоженные полки Георгі-
евы *стояли всю ночь за щитами*, то есть,

вооруженные и въ боевомъ порядкѣ , ожидая нападенія , и едва было не обратились въ бѣгство. На разсвѣтѣ Мстиславъ и Константинъ приблизились къ непріятелю, Славная
битва
Липец-
кая. который зашелъ за дебрь и расположился на горѣ , окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или битву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтствовалъ: «не хочу ни того, ни другаго; и «когда вы уже не боялись дальняго пути, «то можете перейти и за дебрь , гдѣ мы «васъ ожидаемъ.» Мстиславъ сталъ на другой горѣ , велѣвъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера , слабо , не охотно: ибо время было весьма холодно и ненастно. На другой день Мстиславъ думалъ идти прямо ко Владиміру , но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непрітеля назади, и боялся , чтобы миролюбивые Ростовцы, пользуясь случаемъ , не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя движеніе въ станѣ Новгородцевъ и Смоленъ , вообразили , что Мстиславъ хочетъ отступить , и бросились съ горы , въ намѣреніи гнаться за нимъ ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новгородскій, сказавъ : «гора не защититъ и «не побѣдитъ насъ ; пойдѣмъ съ Богомъ и «съ чистою совѣстію,» велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ. На одномъ крылѣ

же Димитрія свято наблюдалъ обязанности Князя Удѣльнаго и въ разсужденіи Андрея. За то граждане Пскова любили Довмонта болѣе всѣхъ другихъ Князей; воины, имъ предводимые, не боялись смерти. Обыкновеннымъ его словомъ, въ часъ опасности и кровопролитія, было: «добрые мужи Псковичи! кто изъ васъ старъ, тотъ мнѣ отецъ; кто молодъ, тотъ братъ ⁽¹⁹⁴⁾! Помните отечество и Церковь Божию!» Онъ укрѣпилъ Псковъ новою каменною стѣною, которая до самаго XVI вѣка называлась *Довмонтовою*, и которую послѣ (въ 1309 году) Посадникъ Борисъ довелъ отъ церкви Св. Петра и Павла до рѣки Великой. Историкъ Литовскій пишетъ, что Довмонтъ господствовалъ и надъ *Полоцкою* областію; но въ 1307 году Литовцы купили оную у Нѣмецкихъ Рыцарей: ибо какой-то изъ тамошнихъ Князей, обращенный въ Латинскую Вѣру, отказалъ сей городъ Рижской Церкви, не имѣя наслѣдниковъ.

Шведы, основавъ въ Кареліи Выборгъ, въ 1295 году заложили и нынѣшній Кексгольмъ: Воеводою ихъ былъ Витязь Сигге ⁽¹⁹⁵⁾. Новгородцы взяли приступомъ сію крѣпость, не оставили ни одного Шведа живаго, срыли валъ, и чувствуя необходимость имѣть укрѣпленное мѣсто на берегу Финскаго залива, возобновили Копорье. Чрезъ пять лѣтъ сильный флотъ Шведскій, состоящій изъ ста-одиннадцати большихъ судовъ, вошелъ въ Неву. Самъ Государственный Правитель или Маршалъ, Торкель Кнутсонъ,

предводительствовалъ онымъ , и началъ строить новый городъ , въ семи верстахъ отъ нынѣшняго С. Петербурга , при устьѣ Охты , употребивъ для того весьма искусныхъ Римскихъ художниковъ , и назвавъ сію крѣпость Ландскроною или *Вънцемъ* Ландс-
крона. *земли*. Лѣтописецъ нашъ говоритъ только, что Великаго Князя не было тогда въ Новгородѣ, и что Шведы, оставивъ въ крѣпости войско , удалились; но Историки Шведскіе пишутъ, что Россіяне , имѣя намѣреніе сжечь ихъ флотъ , хотѣли при сильномъ вѣтрѣ пустить нѣсколько горящихъ судовъ изъ Ладожскаго озера въ Неву; но что Маршалъ Торкель, увѣдомленный о семъ черезъ лазутчиковъ , велѣлъ оградить истокъ Невы потаенными сваями; что Новогородцы , видя неудачу , вышли изъ лодокъ, напали на Шведовъ и съ великимъ урономъ отступили; что знаменитый Матѳей Кеттильмундсонъ , бывшій послѣ опекуномъ Шведскаго Короля Магнуса, гнался до самой ночи за нашими всадниками , громогласно вызывая на поединокъ храбрецовъ Россійскихъ, но что никто изъ нихъ не принялъ его вызова ⁽¹⁹⁶⁾. Сіе извѣстіе можетъ быть отчасти справедливо: ибо невѣроятно чтобы Новогородцы безпрепятственно дали Маршалу основать и довершить крѣпость на берегу Невы. Чувствуя важность сего мѣста, они убѣди-

скачущаго всадника, они думали, что Князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ съ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Георгій, созвавъ гражданъ, молилъ ихъ доказать ему свое усердіе мужественною защитою столицы. «Государь! усердіемъ не спасемся,» отвѣтствовали граждане: «братья наши легли на мѣстѣ битвы; другіе пришли, но безъ оружія: съ кѣмъ отразить врага?» Князь упросилъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чтобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Велико-
душіе
Мстис-
слава.

Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнаться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго стоялъ на мѣстѣ битвы, и шелъ медленно ко Владиміру (170). Черезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли идти на приступъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ; но человеколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняться, и на третій день пріѣхавъ въ станъ къ Новгородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Влади-

міру Смоленскому: «Вы побѣдители: распо-
лагайте моею жизнію и достояніемъ.
«Братъ мой Константинъ въ вашей волѣ.»
Мстиславъ и Владиміръ, взявъ отъ него
дары, были посредниками между имъ и
Константиномъ. Принужденный выѣхать
изъ столицы, Георгій омочилъ слезами
гробъ родителя, въ душевной горести жа-
ловался на Ярослава, виновника столь не-
счастной войны; сѣлъ въ ладію съ женою,
и поѣхалъ въ Городецъ Волжскій или Ра-
доловъ. Въ числѣ немногихъ друзей отпра-
вился съ нимъ Епископъ Симонъ, знаме-
нитый не только описаніемъ жизни свя-
тыхъ Иноковъ Кіевскихъ, но и собствен-
ными добродѣтелями; обязанный Георгію
саномъ Святителя, онъ не измѣнилъ благо-
творителю своему въ злополучіи. Сей
Князь въ 1215 году учредилъ особенную
Епархію для Владимірской и Суздальской
области, не хотѣвъ, чтобы онѣ зависѣли
отъ Ростова (171).

Епис-
копъ
Симонъ.

небесныхъ , обыкновенно страшныхъ для народа, принадлежала славная Комета 1301 года , описанная Китайскими Астрономами и воспѣтая въ стихахъ Пахимеромъ. Были также вихри чрезвычайные, засухи, голодъ, моръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ , и сильные пожары. Въ Твери сгорѣлъ дворецъ Княжескій (въ 1298) со всею казною и драгоценностями; не успѣли вынести ни серебра, ни золота, ни оружія; самъ Князь Михаилъ, ночью пробужденный огнемъ , едва могъ спастись съ юною супругою отъ пламени. Въ Новѣгородѣ обратились въ пепелъ многія улицы (въ 1299), Варяжская, Холопья, и Нѣмецкій гостиный дворъ ⁽²⁰⁰⁾. Изверги, пользуясь общимъ смятеніемъ , грабили имѣніе, снесенное въ церкви; убивали сторожей: злодѣйство , о коемъ Лѣтописецъ говоритъ съ праведнымъ омерзѣніемъ.

Въ Княженіе Андреево (въ 1299 году) Митрополитъ Максимъ оставилъ навсегда Кіевъ, чтобы не быть тамъ свидѣтелемъ и жертвою неслоснаго тиранства Моголовъ, и со всѣмъ Клиросомъ переѣхалъ въ Владиміръ ⁽²⁰¹⁾; даже большая часть Кіевлянъ разбѣжалась по другимъ городамъ. Послѣ Ярослава и сына его, Александра Невскаго. Великіе Князья уже не имѣли никакой власти надъ странами Днѣпровскими. Кто изъ потомковъ Св. Владиміра господствовалъ въ оныхъ , неизвѣстно (въ лѣтопи-

Митро-
политы
въ Вла-
диміръ.

сяхъ упоминается только о Князѣ Поросьскомъ Юріи, служившемъ Мстиславу Даниловичу). Левъ Галицкій не заботился о древней столицѣ своихъ предковъ, оставленной такимъ образомъ въ жертву варварамъ.

Любимый, оплаканный подданными, онъ скончался мирно и тихо въ 1301 году, доживъ до глубокой старости, и велѣвъ предать землѣ тѣло свое безъ всякихъ знаковъ пышности ⁽²⁰²⁾: Монахи одѣли его въ простой саванъ и вложили ему въ руку изображение креста. Въ городѣ Львовѣ показываютъ двѣ харатейныя жалованныя грамоты, будто бы данныя симъ Княземъ тамошнему храму Св. Николая и Крылоскому (близъ Галича) Успенія Богоматери на имѣніе и на исключительное право суда Епископскаго; но та и другая кажутся изобрѣтеніемъ позднѣйшихъ временъ ⁽²⁰³⁾. Слогъ обѣихъ есть новое, неискусное смѣшеніе языка Русскаго съ Польскимъ; въ обѣихъ именуются особенные *Митрополиты Галицкіе*, коихъ не бывало, и въ одной названъ тогдашній *Кіевскій* Митрополитъ *Кипріаномъ*: а Кипріанъ пастъ Церковь уже во время Димитрія Донскаго и сына его. — Преемникомъ Льва былъ сынъ Юрій или Георгій, который по смерти дяди, Мстислава Даниловича, наслѣдовавъ и Владимірскую область, возобновилъ титулъ своего дѣда и подобно Данилу именовался *Коро-*

К о н-
ч и н а
Л ь в а
Г а л и ц-
к а г о.

лемъ Россійскимъ , Rex Russiae , какъ изображено на печати сего Князя , сохраненной въ Архивѣ Кенигсбергскомъ вмѣстѣ съ письмами Галицкихъ Владѣтелей къ Великимъ Магистрамъ Нѣмецкаго Ордена ⁽²⁰⁴⁾.

Послѣ несчастной для Нѣмцевъ осады Пскова Россіяне жили въ мирѣ и въ тишинѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Магистръ въ 1304 году призывалъ въ Дерптъ всѣхъ своихъ чиновниковъ и Епископовъ на Сеймъ, гдѣ они единодушно положили всячески избѣгать войны съ нашими Князьями, прекращать ссоры дружелюбно и не вступаться за того , кто своевольно оскорбитъ Новгородцевъ или Псковитянъ и тѣмъ навлечетъ на себя месть ихъ ⁽²⁰⁵⁾.

Двин-
ская
грамота.

Въ числѣ нашихъ собственныхъ памятниковъ сего времени замѣтимъ грамоту, писанную Великимъ Княземъ къ Посадникамъ , Казначеямъ и къ Старостамъ Заволочья ⁽²⁰⁶⁾. Тамъ сказано , что въ силу договора, заключеннаго Андреемъ съ Новымъ городомъ, онъ можетъ посылать три *ватаги* для ловли на море , подъ начальствомъ *Атамана* Крутицкаго; что селенія обязаны давать имъ кормъ и подводы, также и сыну Атаманову, когда пошлютъ его оттуда съ морскими птицами; что ловцы Новгородскіе , согласно съ уставомъ временъ Александровыхъ и Димитріевыхъ , не должны въ Заволочьи ходить на *Терскую* сторону,

ступитъ весьма благоразумно, ежели дастъ Намѣстника Галиціи, не природнаго Князя и не иноплеменника, но достойнѣйшаго изъ тамошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣрности клятвою и еще важнѣйшими узами столь великаго благодѣянiя. Желанiе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою пріѣхалъ господствовать въ свое отечество, назвался Княземъ и думалъ равняться саномъ съ потомками Св. Владиміра; а Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистію, что богатая Галиція сдѣлалась почти областію Венгріи, сей Государь усердно взялъ Даніилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однакожь услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего тестя, Александра, уступить имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родительницею, печально смотря на башни Владимірскія, наслѣдственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россiяне и чужеземцы съ удивленіемъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ Дворъ блестящій, составленный изъ витязей и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Поль-

сраженія въ числѣ убитыхъ. Намѣстники Михайловы хотѣли вѣхатъ въ Новгородъ: жители не впустили ихъ, сказавъ: «мы избрали Михаила съ условіемъ, да явитъ грамоту Ханскую, и будетъ тогда Княземъ нашимъ, но не прежде!» — Въ другихъ областяхъ господствовало безначаліе и неустройство. Граждане Костромскіе, преданные Михаилу, ненавидя память Андрееву и злобствуя на бывшихъ его любимцевъ, самовольно ихъ судили и наказывали ⁽²⁰⁹⁾; а чернь Нижняго Новгорода, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвила многихъ Бояръ, какъ мнимыхъ враговъ отечества. Князь Нижегородскій, Михаилъ, сынъ Андрея Ярославича, находился въ Ордѣ: онъ тамъ женился, и возвратясь въ свой Удѣлъ, казнилъ виновниковъ сего беззаконнаго Вѣча: ибо чернь не имѣла власти судебной, исключительнаго права Княжескаго.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ рѣшилась неизвѣстность: Михаилъ превозмогъ соперника, и пріѣхалъ съ Ханскою грамотою въ Владиміръ, гдѣ Митрополитъ возвелъ его на престолъ Великаго Княженія ⁽²¹⁰⁾. Зная неуступчивость врага своего, онъ хотѣлъ оружіемъ смирить Георгія, и дважды приступалъ къ Москвѣ, однакожь безъ г. 1303.
1308. успѣха; кровопролитный бой подъ ея стѣнами усилилъ только взаимную ихъ злобу, бѣдственную для обоихъ, какъ увидимъ:

сивъ себѣ сына его въ Государи, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архіепископъ Гранскій именемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскій на сына Андреева и Саломею, сей новый Государь, исполняя волю отца и Папы, изгналъ Епископа Россійскаго, Священниковъ нашихъ и хотѣлъ обратить всѣхъ жителей въ Вѣру Латинскую ⁽¹⁷⁷⁾. Народъ, уничиженный мятежами, преступленіями, и кознями Бояръ запутанный въ противорѣчіяхъ своей системы политической, не смѣлъ возстать на тирановъ совѣсти, довольствуясь бесполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ Герцогомъ Лешкомъ, отнялъ у него Перемышль съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ столь великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зятю. Таковымъ представился ему Мстиславъ Новгородскій. «Ты мнѣ братъ,» писалъ Лешко къ сему храброму Князю: «иди прославиться знаменитымъ подвигомъ мужества: Галичъ, достояніе твоихъ предковъ, стенаетъ подъ игомъ утѣснителей.» Мстиславъ, подобно отцу *готовый всегда на дѣла великія*, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолубія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней

кимъ Княженіемъ и Новымъгородомъ, коего чиновники относились къ нему во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Такъ они письменно жаловались Михаилу на двухъ Княжескихъ Вельможъ, Феодора и Бориса, бывшихъ начальниками во Псковѣ и въ области Корельской: первый, свѣдавъ о нашествіи Ливонскихъ Рыцарей (въ 1307 году), уѣхалъ изъ города, принудивъ тѣмъ оставленныхъ безъ вождя Псковитянъ заключить съ Магистромъ, Гертомъ фонъ-Йокке, не весьма выгодный миръ, и разорилъ многія села Новгородскія; второй, утѣсняя Кореловъ, заставилъ ихъ бѣжать къ Шведамъ, и силою бралъ, что ему не принадлежало ⁽²¹³⁾. Новгородцы желали навсегда избавиться отъ такихъ недостойныхъ Правителей, вносили деньги за села, купленные въ ихъ областяхъ сими Боярами, и предоставляли себѣ условиться изустно, съ Княземъ о прочемъ. Онъ ѣздилъ изъ Твери къ Святой Софіи и былъ принятъ гражданами съ обыкновенными знаками усердія; однакожь не хотѣлъ самъ предводительствовать ими, когда они, построивъ новую крѣпость на мѣстѣ нынѣшняго Кексгольма, ходили на судахъ въ Фин- г. 1310. ляндію до рѣки Черной или Кумо, гдѣ сожгли городъ Ванай, осаждали Шведовъ г. 1311. въ замкѣ, на скалѣ неприступной, и разорили множество селеній ⁽²¹⁴⁾. У бѣдныхъ

жителей, по словамъ Лѣтописца , не осталось ни одной рогатой скотины: ибо Россіане истребили тамъ все , чего не могли увезти съ собою.

Совершивъ благополучно сей дальній походъ, Новгородцы начали ссориться съ Княземъ , жалуясь , что онъ не исполняетъ договорной грамоты; но когда оскорбленный г. 1312. Михайлъ , занявъ войскомъ Торжекъ, не велѣлъ пускать къ нимъ хлѣба , народъ встревожился , и не смотря на весеннюю распутицу , отправилъ въ Тверь своего Архіепископа, Давида, чтобы обезоружить Великаго Князя. Миръ заключили скоро, ибо искренно желали его съ обѣихъ сторонъ ⁽²¹⁵⁾: Новгородъ , опустошенный въ сіе время пожаромъ , имѣлъ необходимую нужду въ подвозахъ , и лишенный оныхъ, могъ быть жертвою голода; а Михайлъ долженствовалъ немедленно ѣхать въ Орду. Ханъ Тохта умеръ; сынъ его, юный Узбекъ, воцарился , славный въ лѣтописяхъ Востока правосудіемъ и ревностію къ Вѣрѣ Магометовой , возстановленной имъ во всѣхъ Могольскихъ владѣніяхъ ⁽²¹⁶⁾: ибо Тохта былъ , кажется , язычникомъ и не слѣдовалъ ученію Алкорана. Историкъ Абулгази пишетъ , что многіе Татары , въ знакъ особенной любви къ сему Царю, Узбеки. назвались его именемъ, или *Узбеками*, до-

нынѣ извѣстными въ Хивѣ и въ земляхъ окрестныхъ.

Взявъ съ Новгородцевъ 1500 гривенъ серебра ⁽²¹⁷⁾, Михаилъ возвратилъ имъ г. 1313. своихъ Намѣстниковъ, и поѣхавъ въ Орду, жилъ тамъ цѣлые два года. Столь долгое отсутствіе, безъ сомнѣнія невольное, имѣло вредныя слѣдствія для него и для Россіи. Шведы сожгли Ладогу: Ко- г. 1314. релы, впустивъ ихъ въ Кексгольмъ, умертвили тамъ многихъ Россіянъ ⁽²¹⁸⁾. Хотя Новгородцы отмстили тѣмъ и другимъ, подъ начальствомъ Михайлова Намѣстника выгнали Шведовъ и казнили измѣнниковъ Корельскихъ, но винили Михаила, что онъ, пресмыкаясь въ Ордѣ у ногъ Хановыхъ, забываетъ отечество. Георгій Московскій не замедлилъ воспользоваться симъ расположеніемъ: родственникъ его, Князь Оеодоръ Ржевскій, пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ подъ стражу Намѣстниковъ Михайловыхъ, и такъ оболѣстилъ легкомысленныхъ гражданъ, что они, признавъ Георгія своимъ Начальникомъ, объявили даже войну Великому Князю. Едва не дошло до битвы: на одномъ берегу Волги стояли Новгородцы, на другомъ сынъ Михайловъ, Димитрій, съ вѣрною Тверскою ратію. Къ счастію, осенніе морозы, покрывъ рѣку тонкимъ льдомъ, удалили кровопролитіе, и Новгородцы согласились на миръ; а

ковъ (180). Началось междоусобіе: одни стояли за Твердислава, другіе за Боярина; прочіе оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась въ явную войну. Цѣлую недѣлю были шумныя Вѣча при звукѣ колоколовъ; граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ изступленіи своемъ обнажили мечи. Напрасно увѣщевали старцы, напрасно плакали жены и дѣти: казалось, что Новгородцы не имѣли ни законовъ, ни Князя, ни человѣчества. Чтобы еще болѣе воспалить усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себя въ жертву смерти, если совѣсть его не чиста предъ Богомъ и согражданами. «Да паду въ битвѣ первый» (говорилъ онъ) «или Небо да оправдаетъ меня побѣдою моихъ братьевъ!» Наконецъ злоба утолилась кровію десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, требовалъ мира, и цѣлая крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но Князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего Тысячскаго объявить на Вѣчѣ, что сей Посадникъ властію Княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Святославъ гордо отвѣтствовалъ: *безъ вины!* «Я доволенъ», сказалъ Твердиславъ: «честь моя остается безъ пятна: а вы, братья сограждане, вольны избирать и Посадниковъ и Князей.» Народъ вступился за него. «Вспомни условіе», говорили Святославу Послы Вѣча: «ты далъ намъ клятву не смѣнять чиновниковъ безвинно. Когда же забываешь оную, то мы

«готовы съ поклономъ указать тебѣ путь;
«а Твердиславъ будетъ нашимъ Посадни-
«комъ.» Святославъ, видя упрямство на-
рода, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ
въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава
Романовича, уступивъ престолъ Нового-
родскій меньшему брату, Всеволоду ⁽¹⁸¹⁾.
Правленіе сего Князя ознаменовалось так- Г. 1219.
1221.
же внутренними безпокойствами. Люди,
посланные Новгородцами въ Двинскую
землю для собранія дани, къ удивленію на-
рода возвратились съ дороги, сказывая,
что Великій Князь Георгій и Ярославъ Все-
володовичъ не хотѣли пропустить ихъ
чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы
тайное сношеніе съ Новгородскимъ По-
садникомъ и Тысячскимъ ⁽¹⁸²⁾. Народъ
взволновался и смѣнилъ главныхъ чинов-
никовъ; однакожь чрезъ нѣкоторое время
снова возвелъ Твердислава на степень По-
садника. Всеволодъ безъ всякой основа-
тельной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ
убить сего знаменитаго человѣка, воору-
живъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ
на *Дворъ Ярослава*. Твердиславъ былъ то-
гда боленъ: усердные друзья вывезли его
на саняхъ изъ дому и поручили великодуш-
ной защитѣ народа, который стекался къ
нему толпами, готовый умереть за своего
любимаго чиновника. Жители трехъ Кон-
цевъ стали въ ряды, и ждали Князя какъ

жалобою на него, велѣлъ переловить ихъ; отозвалъ Намѣстниковъ Княжескихъ изъ Новагорода, и пошелъ туда съ войскомъ⁽²²³⁾. Новогородцы укрѣпили столицу, призывали жителей Пскова, Ладоги, Русы, Кореловъ, Ижерцевъ, Вожанъ, и ревностно готовились къ битвѣ, одушевленные любовію къ вольности и ненавистію къ Великому Князю. Онъ имѣлъ еще друзей между ими, но робкихъ, безмолвныхъ: ибо народъ свирѣпо вопилъ на Вѣчѣ и грозилъ имъ казнію; свергнулъ одного Боярина съ моста за мнимую измѣну, а другаго, совершенно невиннаго, умертвилъ по доносу раба, что господинъ его въ перепискѣ съ Михаиломъ. — Такое ужасное остервененіе и многочисленность собранныхъ въ Новѣгородѣ ратниковъ изумили Великаго Князя: онъ стоялъ нѣсколько времени близъ города, рѣшился отступить, и вздумалъ, къ несчастію, идти назадъ ближайшею дорогою, сквозь лѣса дремучіе. Тамъ войско его, между озерами и болотами, тщетно искало пути удобнаго. Коня, люди падали мертвые отъ усталости и голода; воины сдирали кожу съ щитовъ своихъ, чтобы питаться ею. Надлежало бросить или сжечь обозы. Князь вышелъ наконецъ изъ сихъ мрачныхъ пустынь съ одною пѣхотою, изнуренною и почти безоружною.

г. 1317. Тогда Новогородцы прислали въ Тверь

передовымъ отрядомъ имѣли успѣхъ, и даже отняли знамя Князя Новгородскаго; но союзники ихъ, Латыши, видя многочисленность Россіянъ, обратились въ бѣгство. Сей Лѣтописецъ къ чести единоплеменцевъ своихъ прибавляетъ, что ихъ было только 200, а нашихъ 16,000; что Нѣмцы, отдѣленные отъ Новгородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до захожденія солнечнаго, убили около пятидесяти непріятелей, въ цѣлости отступили и шли назадъ съ веселыми пѣснями (184).

Въ Россіи восточной были также воинскія дѣйствія. Глѣбъ Владиміровичъ, убійца Князей Рязанскихъ, хотѣлъ еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовалъ въ Старой Рязани, и могъ рано или поздно отмстить смерть братьевъ: нанявъ Половцевъ, Глѣбъ шелъ осадить его столицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми Россіянами и самому себѣ ненавистный, (обыкновенная мука злодѣевъ!) Глѣбъ бѣжалъ въ степи, подобно древнему братоубійцѣ Святополку гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, и тамъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою (185). — Ингварь наслѣдовалъ всю область Рязанскую, и съ дружиною Великаго Князя вторично разбилъ Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издревле торговали съ Чудскимъ народомъ, обитавшимъ въ Вологодской и Архангельской Губерніи: съ не-

удовольствіемъ видя новое господство Россіянъ въ сихъ мирныхъ странахъ, они хотѣли также быть завоевателями, и — болѣе обманомъ, нежели силою — взяли Устюгъ ⁽¹³⁶⁾, неизвѣстно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ прежде собственныхъ Князей; стоялъ, какъ сказываютъ, на высокой горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго, и назывался, по имени ея, *Гледеномъ*; а названіе Устюжанъ произошло отъ устья рѣки Юга, сливающего тамъ воды свои съ рѣкою Сухоною. Жители — вѣроятно, смѣсь Россіянъ съ Чудью — зависѣли отъ Великаго Князя Георгія и въ особенности отъ Ростовскаго. Чтобы утвердиться въ семъ городѣ, Болгары въ то же время старались овладѣть берегами Унжи ⁽¹⁸⁷⁾; но были отражены, и скоро увидѣли войско Россіянъ въ собственной землѣ своей. Братъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновьями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ ополченіемъ приплылъ туда Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы, и для безопасности судовъ оставивъ стражу, приблизился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами; за ними стрѣлки и копейщики. Одни подскли тынъ, другіе зажгли оплоты; но сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице:

были всѣ изстрѣлены, обстрѣчены, но Князь цѣлъ и невредимъ; вездѣ отражалъ непріятелей и наконецъ обратилъ ихъ въ бѣгство. Сія побѣда спасла множество несчастныхъ Россіянъ, жителей Тверской области, взятыхъ въ неволю Татарами : смотря издали на кровопролитіе, безоружные, скованные, они помогали своему Князю усердными молитвами, и видя его торжество, плакали отъ радости. Михаилу представили жену Георгіеву, брата его Бориса Даніиловича и Воеводу Узбекова, Кавгадыя, вмѣстѣ съ другими плѣнниками ⁽²²⁷⁾. Великій Князь запретилъ воинамъ убивать Татаръ, и ласково угостивъ Кавгадыя въ Твери, съ богатыми дарами отпустилъ его къ Хану. Сей лицемеръ клялся быть ему другомъ; обвинялъ себя, Георгія, и говорилъ, что они воевали Тверскую область безъ повелѣнія Узбекова.

Князь Московскій бѣжалъ къ Новгородцамъ, которые, еще не знавъ объ успѣхѣ его въ Ордѣ, дали Михаилу слово не вмѣшиваться въ ихъ распрю. (Въ сіе время они мстили Шведамъ за разбитіе нашихъ судовъ на Ладожскомъ озерѣ: воевали приморскую часть Финляндіи; взяли городъ *Финскаго Князя* и другой *Епископовъ*, или нынѣшній Або ⁽²²⁸⁾). Узнавъ торжество Михайлово, Новгородцы вступились за Георгія: собрали полки и приблизились къ Волгѣ. На другой сторонѣ ея развѣвались знамена Тверскія, украшенныя знаками свѣжей побѣды; однакожь Великій Князь не хотѣлъ вторичной жесто-

кой битвы, и предложилъ Георгію ѣхать съ нимъ въ Орду. «Ханъ разсудитъ насъ» — говорилъ Михаилъ — «и воля его будетъ мнѣ закономъ. «Возвращаю свободу супругѣ твоей, брату и всѣмъ Новгородскимъ аманатамъ.» На семъ основаніи сочинили договорную грамоту, въ коей *Георгій* именованъ *Великимъ Княземъ*, и по коей Новгородцы, въ ожиданіи суда Узбекова, могли свободно торговать въ Тверской области, а Послы ихъ ѣздить чрезъ оную безопасно ⁽²²⁹⁾. Къ несчастію, жена Георгіева скоропостижно умерла въ Твери, и враги Михайловы распустили слухъ, что она была отравлена ядомъ. Можетъ быть, самъ Георгій вымыслилъ сію клевету: по крайней мѣрѣ охотно вѣрилъ ей, и воспользовался случаемъ очернить своего великодушнаго непріятеля въ глазахъ Узбековыхъ. Провожаемый многими Князьями и Боярами, онъ вмѣстѣ съ Кавгадыемъ отправился къ Хану; а неосторожный Михаилъ еще медлилъ, пославъ въ Орду двѣнадцати-лѣтняго сына, Константина, защитника слабаго и безсловеснаго.

Между тѣмъ, какъ врагъ его ревностно дѣйствовалъ въ Сараѣ и подкупалъ Вельможъ Могольскихъ, Великій Князь, имѣя чистую совѣсть, и готовый всѣмъ жертвовать благу Россіи, спокойно занимался въ Твери дѣлами правленія; наконецъ, взявъ благословеніе у епископа, поѣхалъ. Великая Княгиня Анна провожала его до береговъ Нерли: тамъ онъ исповѣдался съ умилденіемъ, и ввѣряя Духовнику свою тайную

зналъ, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступитъ ему сыновняго Королевства мирно, и что побѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даниилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣлъ на тронъ Галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ быть ему отцемъ; старался также сохранить любовь Герцога Польскаго, и не мѣшалъ ему владѣть частію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Данииль жаловался тестю на хищность Герцога (190). Мстиславъ отвѣтствовалъ: «Лешко «мой другъ.» Но когда неуступчивый Данииль осмѣлился искать управы силою; когда, выѣхавъ въ поле съ собственною дружиною, отнялъ у Ляховъ всѣ области Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, считая Мстислава тайнымъ наставникомъ юнаго зятя, обвиняя того и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. «Отказываюсь отъ всякаго участія въ Галиціи,» велѣлъ онъ сказать Королю: «пусть властвуетъ «въ оной сынъ твой. Изгонимъ только Россіянъ.» Андрей не могъ желать инаго. Венгры и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Димитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ,

Сентя-
бря 6.

Михаилъ нашелъ Узбека на берегу моря *Сурожскаго* или Азовскаго, при устьѣ До-
на ⁽²³²⁾; вручилъ дары Хану, Царицѣ,
Вельможамъ, и шесть недѣль жилъ спо-
койно въ Ордѣ, не слыша ни угрозъ, ни
обвиненій. Но вдругъ, какъ бы вспомнивъ
дѣло совершенно забытое, Узбекъ сказалъ
Вельможамъ своимъ, чтобы они разсудили
Михаила съ Георгіемъ, и безъ лицепріятія
рѣшили, кто изъ нихъ достоинъ казни.
Судъ въ Ордѣ. Начался судъ. Вельможи собрались въ осо-
бенномъ шатрѣ, подлѣ Царскаго; призывали
Михаила и велѣли ему отвѣчать на пись-
менные доносы многихъ Баскаковъ, обви-
нявшихъ его въ томъ, что онъ не платилъ
Хану всей опредѣленной дани. Великій
Князь ясно доказалъ ихъ несправедливость
свидѣтельствами и бумагами; но злодѣй
Кавгадый, главный доноситель, былъ и су-
діею! Во второе засѣданіе привели Михаил-
ла уже связаннаго, и грозно объявили ему
двѣ новыя вины его, сказывая, что онъ
дерзнулъ обнажить мечъ на Посла Царева
и ядомъ отравилъ жену Георгіеву: Вели-
кій Князь отвѣчалъ: «Въ битвѣ не узна-
ютъ Пословъ; но я спасъ Кавгадыя, и съ
«честію отпустилъ его. Второе обвиненіе
«есть гнусная клевета: какъ Христіанинъ
«свидѣтельствуюсь Богомъ, что у меня и
«на мысли не было такого злодѣянія.» Су-
діи не слушали его, отдали подъ стражу,

велѣли оковать цѣпями. Еще вѣрные Бояре и слуги не отходили отъ своего несчастнаго Государя: приставы удалили ихъ, наложили ему на шею тяжелую колодку, и раздѣлили между собою всѣ драгоценныя одежды Княжескія.

Узбекъ ѣхалъ тогда на ловлю къ берегамъ Терека со всѣмъ войскомъ, многими знаменитыми данниками и Послами разныхъ народовъ. Сія любимая забава Хановъ продолжалась обыкновенно мѣсяць или два, и разительно представляла ихъ величіе: нѣсколько сотъ тысячъ людей было въ движеніи ⁽²³³⁾; каждый воинъ украшался лучшею своею одеждою и садился на лучшаго коня; купцы на безчисленныхъ телегахъ везли товары Индѣйскіе и Греческіе; роскошь, веселіе господствовали въ шумныхъ, необозримыхъ станахъ, и дикія степи казались улицами городовъ многолюдныхъ. Вся Орда тронулась: въ слѣдъ за нею повлекли и Михаила, ибо Узбекъ еще не рѣшилъ судьбы его. Несчастный Князь терпѣлъ уничиженіе и муку съ великодушною твердостію. На пути изъ Владиміра къ морю Азовскому онъ нѣсколько разъ пріобщался Святыхъ Таинъ, и готовый умереть какъ должно Христіанину, изъявлялъ чудесное спокойствіе. Печальные Бояре снова имѣли къ нему доступъ: Михаилъ ободрялъ ихъ, и съ весе-

Пышная
забава
Хана-
ская.

Велико-
душная
кончина
Михаи-
лова.

увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на мѣстѣ. Одни Половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ : Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершенномъ истребленіи непріятеля. Еще многіе Ляхи оставались назади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали государственное знамя Польское, толпами стремились къ оному; но сіе знамя, съ изображеніемъ Бѣлаго орла, развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть ⁽¹⁹²⁾. Кровопролитіе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили хвалами Мстислава храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ солнцемъ* отечества.

Сей Князь осадилъ Галичъ. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордостію отвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ нѣскольکو дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдались. Князь Россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчаст-

«спасти меня, а не отечество. Воля Господня да будетъ!»

Орда находилась уже далеко за Терекомъ и горами Черкасскими, близъ Вратъ Желѣзныхъ или Дербента, подлѣ Яскаго города Тетякова, въ 1277 году взятаго нашими Князьями для Хана Мангу-Тимура. Кавгадый ежедневно приступалъ къ Царю со мнимыми доказательствами, что Великій Князь есть злодѣй обличенный: Узбекъ, юный, неопытный, опасался быть несправедливымъ; наконецъ, обманутый согласіемъ безсовѣстныхъ судей, единомышленниковъ Георгіевыхъ и Кавгадыевыхъ, утвердилъ ихъ приговоръ.

Михаилъ свѣдалъ и не ужаснулся; отслушавъ Заутреню (ибо съ нимъ были Игуменъ и два Священника), благословилъ сына своего, Константина; поручилъ ему сказать матери и братьямъ, что онъ умираетъ ихъ нѣжнымъ другомъ; что они конечно не оставятъ вѣрныхъ Бояръ и слугъ его, которые у престола и въ темницѣ изъ-являли Государю равное усердіе. Часъ рѣшительный наступалъ ⁽²³⁵⁾. Михаилъ, взявъ у Священника Псалтирь и разогнувъ оную, читалъ слова: *сердце мое смятеся во мнѣ, и боязнь смерти нападе на мя. Душа его невольно содрогнулась. Игуменъ сказалъ ему: «Государь! въ семъ же Псалмѣ, столь тебѣ извѣстномъ, написано: возверзи на*

Ноября
22.

Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣвъ снискать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожиданно выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію ⁽¹⁹⁶⁾. Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ ино-
Небла-
горазу-
мъ і е
Мсти-
слава. племенниковъ единственно для того, чтобы добровольно уступить имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошнихъ Бояръ мятежныхъ и нелюбимый ими, онъ хотѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвратить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хитрые Вельможи, тайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніилъ возьметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признательности, и съ лѣтами возраста въ силахъ, въ честолюбіи, не уважитъ благодетеля; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тестя, не дерзнетъ ни въ чемъ его послушаться, или въ противномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ Княженія. Мстиславъ—болѣе воинъ, нежели Политикъ—принялъ мнѣніе Бояръ, и съ радостію назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ отложили за малолѣтствомъ жениха и невесты, съ

обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи : женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевнѣ Арменской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гонорія ІІІ. Вѣроятно, что Герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами : ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю Герцога Польскаго, возведенному на ея тронъ Апостольскою властію ⁽¹⁹⁷⁾; что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уничтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время отцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыгодахъ такого союза; что надобно подождать, и проч. Однакожь Андрей не хотѣлъ нарушить договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Перемышль, къ неудовольствію жителей и Герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, Князя Бельзскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Даніилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омрачили добрую славу юности своей разореніемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ злою ночью : ибо войны сыновей Романо-

народной вольности, всѣ жалѣли объ немъ искренно, но всѣхъ болѣе вѣрные, мужественные Тверитяне: ибо онъ возвеличилъ сіе Княженіе и любилъ ихъ дѣйствительно какъ отецъ. Сверхъ достоинствъ государственныхъ — ума проницательнаго, твердости, мужества — Михаилъ отличался и семейственными: нѣжною любовію къ супругѣ, къ дѣтямъ, въ особенности къ матери, умной, добродѣтельной Ксеніи, воспитавшей его въ правилахъ благочестія и скончавшей дни свои Монахинею ⁽²⁴⁰⁾.

Разбой
Мого-
ловъ.

При семъ Великомъ Князѣ Ростовѣ, Кострома и Брянскъ были жертвою хищныхъ Татаръ. Наслѣдникъ Константина Борисовича Ростовскаго, умершаго въ Ордѣ, сынъ его Василій (въ 1316 году) пріѣхалъ отъ Хана въ столицу свою съ двумя Могольскими Вельможами, коихъ грабительство и насиліе остались въ ней надолго памятными ⁽²⁴¹⁾. Такіе разбойники назывались обыкновенно *Послами*. Одинъ изъ нихъ (въ 1318 году) убивъ въ Костромѣ 120 человекъ, опустошилъ Ростовъ огнемъ и мечемъ, взялъ сокровища церковныя, плѣнилъ многихъ людей. Несчастіе Брянска произошло отъ междоусобія двухъ Князей. Тамъ господствовалъ Василій, внукъ Романовъ ⁽²⁴²⁾: изгнанный дядею, Святославомъ, онъ возвратился (въ 1310 году) съ шайкою Моголовъ. Святославъ, въ надеждѣ на

скихъ союзниковъ встрѣтилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена: Россіяне осадили сей городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами, и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ Бояръ подъ стѣною. На другой день узнавъ, что самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, ночью вошелъ въ крѣпость, и что къ осажденнымъ скоро придетъ новая помощь, — Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: Латыши, послушные Нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и не могли насытиться кровію людей безоружныхъ; оставивъ дома и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали путешественниковъ, земледѣльцевъ, вводили женщинъ, лошадей и скоть. Дабы наказать сихъ разбойниковъ, граждане Псковскіе ходили осенью въ землю Латышей, гдѣ истребили все, что могли. — Не смотря на мирныя, весьма неискреннія предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы и Россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ Ливъ и Латышей, дерзнули вступить въ собственные наши предѣлы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новагорода, по сказанію Ливонскаго Лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько деревень. Латыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія столицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местию, Нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіянъ, старались укрѣпиться въ восточ-

бовію заградивъ уста клеветнику , Петръ, вмѣсто укоризнъ , сказалъ ему : *Миръ ти о Христѣ, чадо! Отнынѣ блюдися лѣжи; мимошедшая же да отпуститъ ти Господь! . . .* Въ другихъ случаяхъ сей кроткій Архине-стырь умѣлъ быть и строгимъ: снялъ Епископскій санъ съ Исмаила Сарскаго , безъ сомнѣнія за важное преступленіе относительно къ Церкви или отечеству, и предалъ анаѳемѣ какого-то опаснаго еретика Сеята, обличеннаго имъ въ богопротивномъ умствованіи , но не хотѣвшаго раскаяться. Какъ достойный учитель Вѣры Христіанской , Петръ склонялъ Князей къ миролюбію , заклиналъ несчастнаго Святослава Брянскаго не вступать въ битву съ Васи-ліемъ и старался прекратить вражду между Князьями Тверскимъ и Московскимъ ⁽²⁴⁴⁾; не имѣя средствъ избавить народъ отъ ига, желалъ по крайней мѣрѣ оградить безопас-ностію церкви святыя и дома ея служеб-лей ; ѣздилъ въ Орду съ Михаиломъ (въ 1313 году) и выходилъ для нихъ такъ на-зываемый *ярлыкъ* или грамоту льготную, въ коей Узбекъ, слѣдуя примѣру бывшихъ до него Хановъ, подтвердилъ важныя права и выгоды Россійскаго Духовенства. Мы имѣемъ сей ярлыкъ и многіе иные новѣй-шіе , достопамятныя содержаніемъ и сло-гомъ. Ханъ пишетъ ⁽²⁴⁵⁾: «Вышняго и без-смертнаго Бога волею и силою , величе-

Ярлыкъ
Хана
скій.

«Богоматери,» высадило многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данеброгскаго Ордена ⁽²⁰²⁾: ибо разсказываютъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и что Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власть свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣтители ненавидѣли другъ друга, и Датчане повѣсили одного Чудскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную Датчанами на Эзелѣ. Скоро мятежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Оденне, согласно изъявляли ненависть къ Нѣмцамъ; умертвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, купцевъ, и мечи, обагренные ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои дома, какъ будто

лись Россіяне, всего болѣе угнетаемые ненасытнымъ сребролюбіемъ Ханскихъ пошлинниковъ или откупщиковъ Царской дани, между коими бывали иногда и Жиды, обитатели Крыма или Тавриды ⁽²⁴⁶⁾.

Разныя
бѣд-
ствія.

Къ сему общему государственному злу присоединялись тогда весьма частыя естественныя бѣдствія. Лѣтописцы сказываютъ, что въ 1309 году явилось вездѣ чудесное множество мышей, которыя съѣли хлѣбъ на поляхъ, рожь, овесъ, пшеницу: отъ чего въ цѣлой Россіи произошли голодъ, моръ на людей и на скотъ ⁽²⁴⁷⁾. Въ 1314 году Новгородъ терпѣлъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; а народъ Псковскій, угнетаемый дороговизною, грабилъ дома и села богатыхъ людей, такъ, что Правительство долженствовало употребить весьма строгія мѣры для восстановления тишины и казнить пятьдесятъ главныхъ мятежниковъ. Зобница ржи стояла тамъ 5 гривенъ. Въ 1318 году свирѣпствовала въ Твери какая-то жестокая, смертоносная болѣзнь.

ГЛАВА VIII.

Великіе Князья Георгій Даниловичъ,
Димитрій и Александръ Михайловичи.

(Одинъ послѣ другаго).

Г. 1319 — 1328.

Горестъ Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами.
Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шве-
дами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе
Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ
Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Кня-
зя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣст-
вованіе Стриковского. Судьба южной и за-
падной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Ха-
рактеръ Гедимины.

Утвержденный Ханомъ на Великомъ Кня- г. 1319.
женіи, и взявъ съ собою юнаго Констан-
тина Михайловича и Бояръ Тверскихъ въ
видѣ плѣнниковъ, Георгій пріѣхалъ гос-
подствовать въ Владиміръ, а брата своего
Аѳанасія, послалъ Намѣстникомъ въ Нов-
городъ. Услышавъ о томъ, нѣжная су-
пруга Михайлова, сыновья, Епископъ и
Вельможи изумились: они еще не знали
происшедшаго въ Ордѣ, но угадывая свое
несчастіе, велѣли гонцамъ спѣшить въ
Москву, чтобы развѣдать тамъ о судьбѣ
Великаго Князя. Гонцы возвратились съ

рей, странствующих богомольцевъ, купцевъ, Латышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянные зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большіе огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Латыши гремѣли щитами, Нѣмцы били въ литавры; а Россіяне также играли на трубахъ, стоя безпрестанно на стѣнѣ. Утомленные трудами, ежедневными битвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. «Не будемъ терять «времени» (сказалъ одинъ изъ нихъ) «и возьмемъ «городъ приступомъ. Доселѣ мы излишно щадили враговъ своихъ: нынѣ да погибнуть всѣ «безъ остатка! Кто первый изъ насъ войдетъ въ «крѣпость, тому честь и слава; тому лучшій

пійскаго , ни пятимѣсячнымъ лежаніемъ въ могилѣ. Народъ благословилъ Небо за сіе чудо, и погребеніе казалось ему уже не печальнымъ обрядомъ , но торжествомъ Михайловой святости. — Чувствительная, набожная Княгиня Анна отказалась отъ міра и кончила дни свои Монахинею ; а Димитрій и Александръ , отеревъ слезы, думали только о мести.

Георгій ходилъ между тѣмъ съ войскомъ г. 1320. къ Рязани , и заставивъ тамошняго Князя, Іоанна Ярославича, согласиться на всѣ его предложенія (²⁴⁹) , готовился къ нападенію на Тверскую область , увѣренный въ справедливой ненависти къ нему сыновей Михайловыхъ. Димитрій не боялся войны; но хотѣлъ прежде освободить брата своего, Константина, и Бояръ Михайловыхъ, бывшихъ аманатами въ Владимірѣ : послалъ Тверскаго Епископа, Варсонофія, въ Пере- г. 1321. славль и заключилъ миръ , давъ Георгію 2000 *рублей* и слово не спорить съ нимъ о Великомъ Княженіи. (Замѣтимъ, что здѣсь въ первый разъ упоминается о *рубляхъ* (²⁵⁰): Рубл. они были не что иное , какъ отрубки серебра, безъ всякаго знака или клейма, вѣсомъ около двадцати двухъ золотниковъ). — Обманутый коварнымъ миромъ, Георгій успокоился и поѣхалъ въ Новгородъ , коего чиновники звали его предводительствовать войскомъ : ибо Шведы старались овладѣть

Новгородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденномъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскомъ противъ Литовцевъ и не могъ устоять въ битвѣ съ ними ⁽²⁰⁸⁾: сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія.

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое войнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена — столь, кажется, несчастныя — были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнузивъ Государство, поглотивъ гражданское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагладимые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. *Россія въ 1224 году услышала о Татарахъ*

Служь о
Т а т а -
рахъ.

Готовясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воинствъ и Княженій Россійскихъ, порабощеніе Государства, утрату лучшихъ областей его, считаемъ за нуж-

скаго ⁽²⁵³⁾, приняли его ласково, но не могли дать ему войска, готовясь дѣйствовать всѣми силами противъ Нѣмцевъ. Эстонскіе Рыцари, не смотря на миръ, убивали тогда купцевъ и звѣролововъ Псковскихъ на Чудскомъ озерѣ и на берегахъ Наровы. Озабоченный собственною опасностію, Великій Князь уѣхалъ въ Новгородъ; а Псковитяне разорили Эстонию до самаго Ревеля, взявъ нѣсколько тысячъ плѣнниковъ, и не пощадивъ святыни церквей. Предводителемъ ихъ былъ Князь Литовскій Давидъ, славный въ Исторіи Нѣмецкаго Ордена подъ именемъ *Кастеллана Гарденскаго*. Заслуживъ благодарность Псковитянъ, онъ возвратился въ Литву, и скоро имѣлъ случай оказать имъ еще важнѣйшую услугу ⁽²⁵⁴⁾. Нѣмцы собрали весною многочисленное войско, осадили Псковъ, придвинули стѣнобитныя орудія, и въ 18 дней разрушивъ большую часть укрѣпленій, уже готовили лѣстницы для приступа. Хотя Намѣстникъ Изборскій, Евстафій (родомъ Князь), нечаянно ударивъ на обозы Нѣмецкіе за рѣкою Великою, освободилъ бывшихъ тамъ Россійскихъ плѣнниковъ; однакожь граждане находились въ крайности, и посылали гонца за гонцемъ въ Новгородъ, требуя помощи. Въ сіе время приспѣлъ мужественный Давидъ Литовскій, соединилъ дружину свою

Г. 1323.
Дѣла съ
Нѣмца-
ми Ля-
вовски-
ми.

нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II отвѣтствовать какъ подсудимый на запросы Князей Удѣльныхъ ⁽²¹⁰⁾. Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Систему Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Удѣлы. Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кромѣ Полоцкой, оставленной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенныя Удѣлы — и Князья первыхъ стали послѣ называться

Великими въ отношеніи къ частнымъ или Удѣльнымъ, отъ нихъ зависѣвшимъ ⁽²¹¹⁾. Волинія, Галиція, земля Дрегвичей, отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, утратило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмутороканя, завоеваннаго Половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей во XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣтелямъ, не рѣдко обнажавшимъ мечъ другъ на друга. Смоленское также имѣло частные Удѣлы: Торопецкій и Красенскій ⁽²¹²⁾. Самый Новгородъ, древнее достояніе Государей Кіевскихъ, славный храбростію и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать Князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горестію безначаліе и неустройство въ Россіи, хотѣлъ уменьшить сіе великое зло учрежденіемъ общихъ Княжескихъ Совѣтовъ или Съѣздовъ, которые иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вреднаго междоусобія. Въ слѣдствіе такого Съѣзда несчастный Василько былъ ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію братьевъ ⁽²¹³⁾.

Княже-
скіе
съѣз-
ды.

Право
наслѣд-
ствен-
ное.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдства. Мы уже замѣтили выше, что по древнему обычаю не сынъ, но братъ умершаго Государя или старшій въ родѣ долженствовалъ быть его преемникомъ ⁽²¹⁴⁾. Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ столицѣ по кончинѣ Святополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣтелей Черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли похитителей Великокняжескаго достоинства и воевали съ ними. Но истинными наслѣдниками Кіевскаго престола, согласно съ тогдашнимъ обыкновениемъ, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя въ Удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ ⁽²¹⁵⁾.

Враги
внѣш-
ніе.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастью надлежитъ приписать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя Князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ свирѣпости Печенѣговъ, такъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще тревожили Днѣпровскую

Черниговскаго, обвиненнымъ также въ какомъ-то преступленіи). Сія вѣсть, равнодушно принятая въ Москвѣ и въ Новѣгородѣ, огорчила добрыхъ Тверитянъ, усердныхъ къ Государямъ, и видѣвшихъ въ юномъ своемъ Князѣ славную жертву любви сыновней. Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ *Грозныя Очи* ⁽²⁵⁹⁾, смѣлый, пылкій, имѣлъ только 27 лѣтъ отъ рожденія; женатый на дочери Князя Литовскаго, Гедимина, онъ не оставилъ дѣтей.

Не смотря на казнь Димитріеву, Узбекъ въ знакъ милости призналъ его брата Великимъ Княземъ Россійскимъ: по крайней мѣрѣ такъ названъ Александръ Михайловичъ въ договорной грамотѣ, коею Новгородцы, не имѣя тогда Главы, и терпя отъ внутреннихъ неурядицъ, обязались ему повиноваться какъ законному своему Властителю ⁽²⁶⁰⁾. Сія грамота, писанная въ 1327 году, есть повтореніе Ярославовыхъ и Михайловыхъ, съ прибавленіемъ, что Новгородцы уступаютъ Александру села, имъ самимъ или Боярами его купленные, если Княжескіе Дворяне, господствуя въ оныхъ, не будутъ вмѣшиваться въ судныя дѣла иныхъ волостей, и принимать вольныхъ жителей на свою землю. — Но милость Узбекова и вѣрность Новгородцевъ скоро измѣнились.

Въ концѣ лѣта явился въ Твери Ханскій

въ своемъ правленіи, успѣвая въ дѣлахъ
военскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ
образованіи.

Что касается собственно до правленія, то
оно въ сіи времена соединяло въ себѣ вы-
годы и злоупотребленія двухъ, одинъ дру-
тому противныхъ, государственныхъ уста-
вовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ,
Святославъ, Владиміръ, окруженные сла-
вою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою
единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣва-
ли народу: народъ смиренно и безмолвно
исполнялъ ихъ волю. Но когда Государ-
ство раздѣлилось; когда лучи славы угасли
надъ престоломъ Св. Владиміра, и вмѣсто
одного явились многіе Государи въ Россіи:
тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ
быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы Княже-
ской власти или противился ея дѣйствию.
Самовластіе Государя утверждается только
могуществомъ Государства, и въ малыхъ
областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ не-
ограниченныхъ. Междутѣмъ древній уставъ
Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ:
вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь су-
дилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою
Тіунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ,
налагалъ дани ⁽²¹⁸⁾. Но граждане столицы,
пользуясь свободою Вѣча, не рѣдко оста-
навливали Государя въ дѣлахъ важнѣй-
шихъ: предлагали ему совѣты, требо-

ванія ; тогда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели. Жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права ⁽²¹⁹⁾. Вѣроятно, что и въ столицахъ не всѣ граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новгородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому ⁽²²⁰⁾. Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богатымъ купцамъ, владѣя селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подъ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Іереевъ, Монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпитиміями ⁽²²¹⁾. Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли переводъ Греческаго Номоканона или Кормчей Книги: она хранилась въ Новгородскомъ Соборѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти Христіанъ ⁽²²²⁾. — Духовнымъ же особамъ были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убѣжденія, разсудка, подкрѣпляемые гласомъ Вѣры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на сердца людей. — Но Епископы, избираемые Княземъ и народомъ, въ

воиновъ , предводимыхъ пятью Ханскими Темниками , велѣлъ итти на Александра , чтобы казнить Россіянъ Россіянами. Къ сему многочисленному войску присоединились еще Суздальцы съ Владѣтелемъ своимъ , Александромъ Васильевичемъ , внукомъ Андрея Ярославича ⁽²⁶³⁾. Тогда Князь Тверскій могъ умереть великодушно , или въ славной битвѣ , или предавъ себя одного въ руки Моголовъ , чтобы спасти подданныхъ ; но сынъ Михайловъ не имѣлъ добродѣтели отца. Видя грозу , онъ пекся единственно о собственной безопасности , и думалъ искать убѣжища въ Новѣгородѣ. Туда ѣхали уже Намѣстники Московскіе : граждане не хотѣли объ немъ слышать. Между тѣмъ Іоаннъ и Князь Суздальскій , вѣрныя слуги Узбековой мести , приближались ко Твери , не смотря на глубокіе снѣга и морозы жестокой зимы. Малодушный Александръ , оставивъ свой добрый , несчастный народъ , ушелъ во Псковъ , а братья его , Константинъ и Василій , въ Ладогу. Началось бѣдствіе. Тверь , Кашинъ , Торжекъ , были взяты , опустошены со всѣми пригородами ; жители истреблены огнемъ и мечемъ , другіе отведены въ неволю. Самые Новгородцы едва спаслися отъ хищности Моголовъ , давъ ихъ Посламъ 1000 рублей и щедро одаривъ всѣхъ Воеводъ Узбековыхъ.

Мщеніе
Х а н-
ское.

Ханъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ вѣсти изъ Россіи: получивъ оную, изъявилъ удовольствіе. Дымящіяся развалины Тверскихъ городовъ и селеній казались ему славнымъ памятникомъ Царскаго гнѣва, достаточнымъ для обузданія строптивыхъ рабовъ. Въ то же время казнивъ Рязанскаго Владѣтеля, Іоанна Ярославича ⁽²⁶⁴⁾, онъ посадилъ ^{Казнь Рязан. Князя.} его сына, Іоанна Коротопола, на сей кровію отца обагренный престолъ, и будучи доволенъ вѣрностію Князя Московскаго, далъ г. 1328. ему самую милостивую грамоту на Великое Княженіе, пріобрѣтенное бѣдствіемъ столь многихъ Россіянъ.

Описавъ слѣдствія Георгіевой кончины, обратимъ вниманіе Читателя на южныя области Россіи. Бывъ нѣкогда лучшимъ ея достояніемъ, съ половины XIII вѣка онѣ сдѣлались какъ бы чужды для нашего сѣвернаго отечества, коего жители брали столь мало участія въ судьбѣ Кіевлянъ, Волынянъ, Галичанъ, что Лѣтописцы Суздальскіе и Новгородскіе не говорятъ объ ней почти ни слова; а Волынскій не доходитъ до временъ наиболее любопытныхъ важностію происшествій, когда народъ бѣдный, дикій, плативъ нѣсколько вѣковъ дань Россіи, и болѣе ста лѣтъ умѣвъ только грабить, свѣдалъ отъ насъ и Нѣмцевъ ^{Литовцы завоеватели.} дѣйствія военнаго и гражданскаго искусства, въ грозномъ ополченіи выступилъ

нечаянностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или остроги служили внѣшней защитой для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ*. Нѣмецкій Лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говоритъ, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искусству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или пороки уже давно были у насъ извѣстны (232).

Горгов-
ля. Ни внутренніе раздоры, ни внѣшнія частыя войны не препятствовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, благотѣльнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что Князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ присылали войско къ Каневу для обороны судовъ отъ хищныхъ Половцевъ (233). Днѣпръ въ теченіи своемъ отъ Кіева къ морю назывался обыкновенно *путемъ Гре-
ческимъ*. Мы уже говорили о предметахъ сей торговли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣ-

нивать ихъ у купцевъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья ⁽²³⁴⁾. Половцы, овладѣвъ Тматороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для собственныхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуэзцевъ въ южную часть Тавриды ⁽²³⁵⁾. По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые Италіянцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія Татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи, слѣдственно уже господствовали на Черномъ морѣ ⁽²³⁶⁾. Въ самое то время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ ⁽²³⁷⁾. Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венеціане жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и гостепріимствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичъ Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Мартина, Пріора Латинскаго храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Монахами Католическими, боясь — какъ говоритъ Польскій Историкъ — *чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины* ⁽²³⁸⁾.

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая

«Гедиминъ , поручивъ его своимъ Намѣстни-
«камъ , спѣшилъ къ Луцку, откуда Левъ, устра-
«шенный несчастіемъ Владиміра , бѣжалъ къ
«Брянскому Князю , Роману , своему зятю ⁽²⁷⁰⁾ :
«граждане не оборонялись , и побѣдитель , изъя-
«вляя благоразумную кротость , увѣрилъ всѣхъ
«Россіянъ въ безопасности и защитѣ. Утруж-
«денное войско его отдыхало цѣлую зиму. На-
«градивъ щедро Полководцевъ , онъ жилъ въ
«Брестѣ , и готовился къ дальнѣйшимъ по-
«двигамъ.

«Какъ скоро весна наступила и земля покры-
«лась травою , Гедиминъ съ новою бодростію
«выступилъ въ поле, взялъ Овручъ, Житомиръ,
«города Кіевскіе , и шелъ къ Днѣпру. Въ Кіевѣ
«властвовалъ Станиславъ, одинъ изъ потомковъ
«Св. Владиміра ⁽²⁷¹⁾ : онъ имѣлъ время призвать
«Моголовъ , соединился съ Олегомъ Переяслав-
«скимъ , съ изгнаннымъ Княземъ Луцкимъ
«Львомъ, съ Романомъ Брянскимъ ; верстахъ въ
«25 отъ столицы, на берегу Ирпени, встрѣтилъ
«непріятеля и долго спорилъ о побѣдѣ; но от-
«борная дружина Литовская, ударивъ съ боку на
«Россіянъ , смяла ихъ. Олегъ положилъ голову
«на мѣстѣ битвы: Левъ также. Станиславъ и
«Романъ ушли въ Рязань ; а Гедиминъ , отдавъ
«всю добычу воинамъ , осадилъ Кіевъ. Еще жи-
«тели не теряли надежды и мужественно отра-
«зили нѣсколько приступовъ ; наконецъ, не видя
«помощи ни отъ Князя Станислава , ни отъ Та-
«таръ, и зная, что Гедиминъ щадитъ побѣжден-

«ныхъ, отворили ворота ⁽²⁷²⁾. Духовенство
«вышло со крестами, и вмѣстѣ съ народомъ
«присягнуло быть вѣрнымъ Государю Ли-
«товскому, который, избавивъ Кіевъ отъ
«ига Моголовъ, оставилъ тамъ Намѣст-
«никомъ племянника своего, Миндова,
«Князя Голшанскаго, Вѣрою Христіанина,
«и скоро завоевалъ всю южную Россію до
«Путивля и Брянска.»

Сіе повѣствованіе Историка не весьма
основательнаго едва ли утверждено на ка-
кихъ нибудь современныхъ или достовѣр-
ныхъ свидѣтельствахъ ⁽²⁷³⁾. Оно тѣмъ со-
мнительнѣе, что Баскаки Ханскіе, какъ
видно изъ нашихъ лѣтописей, до самаго
1331 года находились въ Кіевѣ, гдѣ го-
сподствовалъ тогда не Миндовъ, а Князь
Россійскій ⁽²⁷⁴⁾. Не зная, когда именно Ли-
товцы овладѣли странами Днѣпровскими,
знаемъ только, что Кіевъ при Димитріи Судьба
южной
и запад-
ной
Россіи.
Донскомъ уже былъ въ ихъ власти (безъ
сомнѣнія и Черниговская область). Такимъ
образомъ наше отечество утратило, и на-
долго, свою древнюю столицу, мѣста слав-
ныхъ воспоминаній, гдѣ оно расло въ ве-
личіи подъ щитомъ Олеговымъ, свѣдало
Бога истиннаго посредствомъ Св. Влади-
міра, пріяло законы отъ Ярослава Вели-
каго и художества отъ Грековъ! Что
касается до Княженія Владиміро-Волын-
скаго, то оно, въ противность ложному

сказанію Литовскаго Историка , вмѣстѣ съ Галиціею еще нѣсколько лѣтъ хранило свою независимость и силу. Владѣтели его, Андрей и Левъ , преставились около 1324 года. Объ нихъ-то Король Польскій , Владиславъ Локетекъ , говоритъ въ письмѣ къ Папѣ Іоанну XXII ⁽²⁷⁵⁾: «Извѣщаю Ваше «Святѣйшество о кончинѣ двухъ послѣднихъ Князей Россійскихъ , бывшихъ для насъ твердою защитою отъ свирѣпости Татаръ. Сіи жестокіе враги Христіанства безъ сомнѣнія пожелаютъ нынѣ овладѣть Россіею смежною съ нашими землями , и мы будемъ въ величайшей опасности.» Но Андрей и Левъ оставили малолѣтнаго наслѣдника , именемъ Георгія , праправнука Даніилова. Въ дружескихъ Латинскихъ грамотахъ къ Великимъ Магистрамъ Ордена Нѣмецкаго , скрѣпленныхъ печатями Епископа , Княжескаго пѣстуна и Воеводъ Бельзскаго , Черемышльскаго , Львовскаго , Луцкаго, онъ писался *природнымъ Княземъ и Государемъ всей Малой Россіи*, обязываясь предохранять землю Рыцарей отъ набѣга Моголовъ; употреблялъ печать Юрія Львовича, своего дѣда, и жилъ то въ Владимірѣ, то во Львовѣ ⁽²⁷⁶⁾. Бояре , въ малолѣтство его управляя Княжествомъ , не дерзнули остановить гибельныхъ для южной Россіи успѣховъ Литовскаго оружія , довольные тѣмъ, что Гедиминъ не отнималъ собствен-

Послѣд-
ній
Князь
Галиц-
кій.

ныхъ областей у Георгія (Любартова шурина, какъ вѣроятно) и надѣясь, можетъ быть, что сей честолюбивый завоеватель, расширяя свои владѣнія къ Востоку и сближаясь съ Татарскими, обратитъ на себя грозную силу Хана, или погибнетъ или счастливымъ противоборствомъ ослабитъ ее; то и другое слѣдствіе могло казаться благопріятнымъ для нашего отечества.

Но хитрый Гедиминъ умѣлъ снискать дружбу Моголовъ; по крайней мѣрѣ ни-
когда не воевалъ съ ними и не платилъ имъ дани. Властвуя надъ Литвою и завоеванною частію Россіи, онъ именовалъ себя *Великимъ Княземъ Литовскимъ и Россійскимъ* ⁽²⁷⁷⁾; жилъ въ Вильнѣ, имъ основанной; правилъ новыми подданными благо-разумно, уважая ихъ древнія гражданскія обыкновенія, покровительствуя Вѣру Греческую, и не мѣшая народу зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ отъ Митрополита Московскаго; украшалъ новую столицу свою, ловилъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ, и желая прекратить всегдашнюю, кровопролитную и бесполезную войну съ Нѣмецкимъ Орденомъ, писалъ къ Папѣ Іоанну: «Одолѣвая Христіанъ въ битвахъ, я не хочу истреблять Вѣры ихъ, а только защищаюсь отъ враговъ, подобно всѣмъ другимъ Государямъ. Монахи Доминиканскіе и Францисканскіе окружаютъ меня: даю

Характеръ
Гедимина.

«имъ волю учить и крестить людей въ моемъ
«Государствѣ; самъ вѣрю Святой Троицѣ, же-
«лаю повиноваться тебѣ, Главѣ Церкви и Па-
«стырю Царей; ручаюсь и за моихъ Вельможъ:
«только усмири злобу Нѣмцевъ (278),» и проч.
Іоаннъ, обрадованный столь благословеннымъ
извѣстіемъ, отправилъ въ Литву Епископа Алет-
скаго, Варѣоломея, и Бернарда, Игумена Пюй-
скаго; но Гедиминъ, вновь раздраженный не-
пріятельскими дѣйствіями и вѣроломствомъ
Прусскаго Ордена, вдругъ перемѣнилъ мысли,
встрѣтилъ Пословъ Іоанновыхъ весьма неми-
лостиво, и сказалъ имъ: «Я не знаю вашего
«Папы и знать не желаю. Исповѣдую Вѣру
«моихъ предковъ, и не измѣню ей до гроба.»
Потупивъ глаза въ землю, они должны были
удалиться; и съ того времени Гедиминъ слылъ
въ Европѣ коварнымъ обманщикомъ. Впрочемъ
Исторія отдаетъ справедливость многимъ его
достохвальнымъ дѣламъ и качествамъ. Онъ ста-
рался образовать народъ свой; дозволялъ Ган-
зейскимъ купцамъ торговать въ Литвѣ безъ
всякой пошлины; призывалъ людей ремеслен-
ныхъ, серебряниковъ, каменщиковъ, механи-
ковъ; на десять лѣтъ освобождалъ всѣхъ но-
выхъ поселенцевъ отъ дани, ручаясь имъ за
безопасность личную и цѣлость собственности,
которую они пріобрѣтутъ своимъ трудолюбіемъ;
давалъ имъ Гражданское Право Риги и всѣ воз-
можныя выгоды; построилъ для Христіанъ
церкви въ Вильнѣ и Новогродкѣ, и не терпя

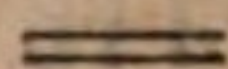
Монаховъ , подъ видомъ набожности скрывающихъ злое корыстолюбіе и сердце развратное, любилъ Иноковъ добродѣтельныхъ, не мѣшая имъ распространять Вѣру Іисусову; любилъ хвалиться вѣрностію своихъ обѣщаній, и ставилъ себя Христіанамъ въ примѣръ честности. Сіи обстоятельства извѣстны намъ по грамотѣ, данной имъ въ 1323 году Любекскимъ, Ростокскимъ, Штетинскимъ и другимъ Нѣмцамъ, за его Княжескою печатію ⁽²⁷⁹⁾.

Нѣтъ сомнѣнія, что вся древняя область Кривская, или нынѣшняя Бѣлоруссія, уже совершенно зависѣла отъ Гедимины; но держась правилъ умѣренности въ своемъ властолюбіи, онъ не хотѣлъ изгнать тамошнихъ Князей, и довольствуясь ихъ покорностію, оставлялъ имъ Удѣлы наслѣдственные. Такъ (въ 1326 году) съ братомъ его, Воиномъ, пріѣзжали изъ Литвы въ Новгородъ, для заключенія мира, Князь Полоцкій Василій и Минскій Оеодоръ Святославичъ, вѣроятно потомки Св. Владиміра отъ племени Рогнѣдина сына, Изяслава ⁽²⁸⁰⁾.

ГЛАВА ІХ.

Великій Князь Іоаннъ Даниловичъ,
прозваніемъ Калита.

Г. 1328 — 1340.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи. Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новгородскія. Закамское серебро. Политика Новгорода. Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Норвегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе. Ссора Іоаннова съ Новымъгородомъ. Походъ къ Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы. Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Мологѣ. Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамота, Судьба Галича.

г. 1328. Лѣтописцы говорятъ, что съ восшествіемъ Іоанна на престолъ Великаго Княженія миръ и тишина воцарились въ Сѣверной Россіи; что Моголы престали наконецъ опустошать ея страны и кровію бѣдныхъ жителей орошать пепелища; что Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ истомы и насилій долговременныхъ ⁽²⁸¹⁾ — то есть, Узбекъ и преемники его, довольствуясь обыкновенною данію, уже не посылали Воеводъ своихъ грабить Великое Княженіе,

Сѣвер-
ная
Россія
отды-
хаетъ.

занятыя дѣлами Востока и внутренними безпокойствами Орды, или устрашаемые примѣромъ Твери, гдѣ Шевкаль былъ жертвою ожесточеннаго народа. Отечество наше сѣтовало въ уничиженіи; головы Князей все еще падали въ Ордѣ по единому мановенію Хановъ: но земледѣльцы могли спокойно трудиться на поляхъ, купцы ѣздить изъ города въ городъ съ товарами, Бояре наслаждаться избыткомъ; кони Татарскіе уже не топтали младенцевъ, дѣвы хранили невинность, старцы не умирали на снѣгу. Первое добро государственное есть безопасность и покой; честь драгоцѣнна для народовъ благоденствующихъ: угнетенные желаютъ только облегченія, и славить Бога за оное.

Сія, дѣйствительно благословенная по тогдашнимъ обстоятельствамъ перемѣна ознаменовала возвышеніе Москвы, которая со временъ Іоанновыхъ сдѣлалась истинною главою Россіи. Мы видѣли, что и прежніе Великіе Князья любили свои Удѣльные или наслѣдственные города болѣе Владиміра, совершая въ немъ только обрядъ восшествія на главный престолъ Россійскій: Дмитрій Александровичъ жилъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, Михаилъ Ярославичъ въ Твери; слѣдую той же естественной привязанности къ родинѣ, Іоаннъ Даниловичъ не хотѣлъ выѣхать изъ Москвы, гдѣ находи-

Москва
глава
Россіи.

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣмецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благопріятнымъ для купцевъ Ливонскихъ ⁽²⁵³⁾; но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, *продавцевъ* серебра и золота, отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножить количество ввозимыхъ къ намъ металловъ драгоцѣнныхъ.

Днев-
ги. Въ разсужденіи цѣны серебра замѣтимъ, что она со временъ Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвысилась относительно къ *Смоленской* ходячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ *Правдѣ* 40 гривенъ пени кунами за убійство, а Мстиславъ Давидовичъ въ уставѣ своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра,—слѣдственно ту же самую пеню ⁽²⁵⁴⁾: напротивъ чего Новгородскія куны унизились.

Не только купцевъ, но и другихъ чужеземцевъ, полезныхъ знаніями и ремесломъ. Россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, врачей.

Худо-
жества. Отъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были создаемы и расписываемы иностранцами ⁽²⁵⁵⁾; но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздальскаго храма Богоматери, нашелъ

тять исключительно присвоить себѣ достоинство Великокняжеское. Такъ и случилось, ко счастію Россіи. Въ то время, когда она достигла вышней степени бѣдствія, видя лучшія свои области отторженныя Литвою, всѣ другія истерзанныя Моголами, — въ то самое время началось ея государственное возрожденіе, и въ городѣ, дотолѣ маловажномъ, созрѣла мысль благодѣтельнаго Единодержавія, открылась мужественная воля прервать цѣпи Ханскія, изготовились средства независимости и величія государственнаго. Новгородъ знаменитъ бывшею въ немъ колыбелію Монархіи, Кіевъ купѣлію христіанства для Россіянъ; но въ Москвѣ спаслися отечество и Вѣра. — Сіе время великихъ подвиговъ и славныхъ усилій еще далеко. Обратимся къ происшествіямъ.

Первымъ дѣломъ Великаго Князя было ѣхать въ Орду вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ Александра Тверскаго, Константиномъ Михайловичемъ, и съ чиновниками Новгородскими ⁽²⁸¹⁾. Узбекъ призналъ Константина Тверскимъ Княземъ; изъявилъ милость Іоанну: но отпуская ихъ, требовалъ, чтобы они представили ему Александра. Въ слѣдствіе того Послы Великаго Князя и Новгородскіе, Архіепископъ Моисей и Тысячскій Аврамъ, прибывъ во Псковъ, именемъ отечества убѣждали Александра явиться на судъ къ Хану, и тѣмъ

Милость
Хана къ
Іоанну.

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и **Науки.** необходимѣйшимъ наукамъ людей. Во времена Мономаховы славились въ Кіевѣ Арменскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ пишутъ), взглянувъ на больного, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачъ Николы Святоши былъ Сиріанинъ. Многія лекарства составлялись въ Россіи: лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ старались узнавать силу цѣлебныхъ травъ для облегченія недужныхъ, и часто успѣхами своими возбуждали зависть въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Инокъ Агапитъ самымъ простымъ зеліемъ и молитвою исцѣлилъ Владиміра II, осужденнаго на смерть искуснымъ врачомъ Арменскимъ ⁽²⁶⁰⁾. Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностію явленія Кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знамени-

ксандровы, Константинъ и Василій, также Князь Суздальскій, Александръ Васильевичъ. Ни угрозы, ни воинскія приготовленія Іоанновы не могли поколебать твердости Псковитянъ: въ надеждѣ, что они одумаются, Великій Князь шелъ медленно къ ихъ границамъ, и чрезъ три недѣли расположился станомъ близъ Опоки ⁽²⁸⁷⁾; но видя, что надобно сражаться или уступить, прибѣгнулъ къ иному способу, необыкновенному въ древней Россіи: склонилъ Митрополита наложить проклятiе на Александра и на всѣхъ жителей Пскова, если они не покорятся. Сія духовная казнь, соединенная съ отлученіемъ отъ Церкви, утѣшила народъ. Однакожь граждане все еще не хотѣли предать несчастнаго сына Михайлова. Самъ Александръ великодушно отказался отъ ихъ помощи. «Да не будетъ проклятiя на моихъ друзьяхъ и братьяхъ ради «меня!» сказалъ онъ имъ со слезами: «иду изъ «вашего града, освобождая васъ отъ данной «мнѣ клятвы.» Александръ уѣхалъ въ Литву, поручивъ имъ свою печальную юную супругу. Горестъ была общая: ибо они искренно любили его. Посадникъ ихъ, именемъ Солога, объявилъ Іоанну, что изгнанникъ удался. Великій Князь былъ доволенъ, и Митрополитъ, разрѣшивъ Псковитянъ, далъ имъ благословеніе. Хотя Іоаннъ въ семъ случаѣ казался только невольнымъ орудіемъ Ханскаго гнѣва, но добрые Россіане не хвалили его за то, что онъ, въ угодность невѣрнымъ ⁽²⁸⁸⁾, гналъ своего родствен-

подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей : такъ сочинитель хвалитъ соловья стараго времени , Стихотворца Бояна, котораго *въщїе персты*, летая по *живымъ струнамъ* , *рокотали* или гласили славу нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ , большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи : мечъ истреблялъ людей , огонь зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія Слово о полку Игоревѣ , будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія , которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы , убѣждаетъ дружину итти на Половцевъ и говоритъ ⁽²⁶³⁾ : «Хочу преломить копіе свое на «ихъ дальнѣйшихъ степяхъ , положить тамъ «свою голову или шлемомъ испить Дону!» Многочисленная рать собирается : «Кони ржутъ за «Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы трубятъ «въ Новѣгородѣ , знамена развѣваются въ Пу- «тивлѣ: Игорь ждетъ милаго брата, Всеволода.» Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: «Они подъ звукомъ трубъ повиты, кон- «цемъ копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, «овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, колчаны «отворены , сабли наточены ; носятся въ полѣ «какъ волки сѣрые ; ищутъ чести самимъ себѣ, «а Князю славы.» Игорь , *вступивъ въ златое*

стремя, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревуть въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы клектомъ своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ ⁽²⁶⁴⁾. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ серебрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новые полки варваровъ: «Вѣтры, «Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ моря стрѣлами «на воиновъ Игоревыхъ.» Всеволодъ впереди съ своею дружиною: «сыплетъ на враговъ стрѣлы, «гремитъ о шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ «сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ лежатъ «головы Половецкія.» Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная: «земля облита кровію, «усѣяна костями. Въ третій день пали наши знамена: *кроваваго вина* не достало; кончили пиръ «свой храбрые Россіяне, напоили гостей и легли «за отечество.» Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ ⁽²⁶⁵⁾ «поютъ веселыя пѣсни на «берегу синяго моря, звеня Русскимъ золотомъ.» Сочинитель молить всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: «ты можешь Волгу *раскропитъ* веслами, а

«Донъ вычерпать шлемами» — Рюрику и Давиду: «ваши шлемы позлащенные издавна обагряются кровію; ваши мужественные витязи ярятся какъ дикіе волы, уязвленные саблями калеными» — Роману и Мстиславу Волынскимъ ⁽²⁶⁶⁾: «Литва, «Ятвяги и Половцы, бросая на землю свои копья, «склоняють головы подъ ваши мечи булатные» — сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: «о вы, славнаго «гнѣзда *шестокрильцы!* заградите поле врагу «стрѣлами острыми.» Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*, ⁽²⁶⁷⁾ прибавляя: «сидя «высоко на престолѣ златокованномъ, ты *подни- «раешь* горы Карпатскія *железными* своими пол- «ками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь «путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы въ земли отда- «ленные.» Въ тожь время Сочинитель оплаки- ваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: «дружино твою, Князь, птицы хищ- «ныя *пріодѣли* крыльями, а звѣри кровь ея по- «лизали. Ты самъ *выронилъ жемчужную* душу «свою изъ мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.» Въ описаніи несчастнаго междоусобія Владѣте- лей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: «на берегахъ Нѣмена ⁽²⁶⁸⁾ «стелють они снопы головами, молотятъ цѣпами «булатными, вѣють душу отъ тѣла . . . О вре- «мена бѣдственныхъ! Для чего нельзя было *при- «гвоздитъ* стараго Владиміра къ горамъ Кіев- «скимъ» (или сдѣлать безсмертнымъ)! . . . Ме- жду тѣмъ супруга плѣннаго Игоря льетъ сле-

изъявилъ Новгородцамъ желаніе видѣть Нариманта ихъ Удѣльныхъ Княземъ, обѣщая имъ защиту, или они сами вздумали такимъ образомъ пріобрѣсти оную, опасаясь Іоанна столько же, сколько и внѣшнихъ враговъ: Политика не весьма согласная съ общимъ благомъ Государства Россійскаго; но заботясь исключительно о собственныхъ выгодахъ — думая, можетъ быть, и то, что Россія, истерзанная Моголами, стѣсняемая Литвою, должна скоро погибнуть, Новгородцы искали способовъ устоять въ ея паденіи съ своею гражданскою вольностію и частнымъ избыткомъ. Какъ бы то ни было, Наримантъ, дотолѣ язычникъ, извѣстилъ Новгородцевъ, что онъ уже Христіанинъ и желаетъ *поклониться Святой Софіи*. Народное Вѣче отправило за нимъ Пословъ, и взявъ съ него клятву быть вѣрнымъ Новугороду, отдало ему Ладогу, Орѣховъ, Кексгольмъ, всю землю Корельскую и половину Копорья *въ отчину и въ дѣдину*, съ правомъ наследственнымъ для его сыновей и внуковъ ⁽²⁹⁴⁾. Сіе право состояло въ судебной и военной власти, соединенной съ нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Политика
ка Но-
вгоро-
да.

Однакожь Новгородцы все еще старались утишить гнѣвъ Великаго Князя, и наконецъ въ томъ успѣли посредствомъ, кажется, Митрополита Θεогноста, съ коимъ г. 1334.

Бояновы : «худо головѣ безъ плечъ , худо
«плечамъ безъ головы ,» восклицаетъ :
«счастлива земля и веселъ народъ , торже-
«ствуя спасеніе Игореву. Слава Князьямъ
«и дружинѣ!» Читатель видитъ , что сіе
произведеніе древности ознаменовано си-
лою выраженія, красотами языка живопис-
наго и смѣлыми уподобленіями, свойствен-
ными Стихотворству юныхъ народовъ.

Нравы. Со временъ Владиміра Святаго нравы
долженствовали измѣниться въ древней Рос-
сіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіан-
ства , гражданскаго общежитія и торговли.
Набожность распространялась : Князья ,
Вельможи, купцы строили церкви, заводи-
ли монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ
нихъ отъ суеты міра. Достойные Святители
и Пастыри Церкви учили Государей сты-
диться злодѣяній , внушаемыхъ дикими,
необузданными страстями; были ходатаями
человѣчества и вступались за утѣснен-
ныхъ ⁽²⁷³⁾. Россіяне, по старинному обык-
новенію, любили веселья, игрища, музыку,
пляску ; любили также вино , но хвалили
трезвость какъ добродѣтель ; явно имѣли
наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной
жены наказывался какъ убійца ⁽²⁷⁴⁾. . .
Торговля питала роскошь , а роскошь тре-
бовала богатства : народъ жаловался на
корыстолюбіе Тіуновъ и Князей ⁽²⁷⁵⁾. Лѣ-
тописцы XIII вѣка съ отмѣннымъ жаромъ

и всегда любезной народу. Половина жителей возстала на другую; мечи и копья сверкали на обоих берегах Волхова. Къ счастью, угрозы не имѣли слѣдствія кровопролитнаго, и зрѣлище ужаса скоро обратилось въ картину трогательной братской любви. Примиренные ревностію благоразумныхъ посредниковъ, граждане дружески обнялись на мосту, и скромный Лѣтописецъ, умалчивая о винѣ сего междоусобія, говоритъ только, что оно было доказательствомъ и гнѣва и милосердія Небеснаго, ибо прекратилось столь счастливо — хотя и не на-долго. Чрезъ нѣсколько времени опять упоминается въ Новгородской лѣтописи о возмущеніи, въ коемъ пострадалъ одинъ Архимандритъ, запертый и строго-г. 1337. мый народомъ въ церкви какъ въ темницѣ.

Согласіе съ Великимъ Княземъ было вторично нарушено походомъ его войска въ Двинскую область ⁽²⁹⁷⁾. Истощая казну свою частыми путешествіями въ корыстолюбивую Орду, и видя, что Новгородцы не расположены добровольно подѣлиться съ нимъ сокровищами Сибирской торговли, онъ хотѣлъ вооруженною рукою перехватить оныя. Полки Іоанновы шли зимою: изнуренные трудностями пути и встрѣченныя сильнымъ отпоромъ Двинскихъ чиновниковъ, они не имѣли успѣха, и возвратились, потерявъ множество людей. Сіе

непріятельское дѣйствіе заставило Новогородцевъ опять искать дружбы Псковитянъ чрезъ ихъ общаго духовнаго Пастыря: Архіепископъ Василій отправился во Псковъ; но жители, считая Новогородцевъ своими врагами, уже не хотѣли союза съ ними: приняли Владыку холодно и не дали ему обыкновенной такъ называемой судной *пошлины* или десятой части изъ судебныхъ казенныхъ доходовъ. Напрасно Василій грозилъ чиновникамъ именемъ Церкви, и слѣдуя примѣру Митрополита Оеогноста, объявилъ проклятіе всему ихъ городу. Псковитяне на сей разъ выслушали оное спокойно, и разгнѣванный Архіепископъ уѣхалъ, видя что они не вѣрятъ дѣйствію клятвы, внушенной ему корыстолюбіемъ или Политикою, и несогласной съ духомъ Христіанства.

Впрочемъ Великій Князь, испытавъ неудачу, оставилъ Новогородцевъ въ покоѣ, встревоженный переменною въ судьбѣ Александра Михайловича. Живъ около десяти лѣтъ во Псковѣ, Александръ непрестанно помышлялъ о своей отчизнѣ и средствахъ возвратиться съ безопасностію въ ея нѣдра. «Если умру въ изгнаніи» — говорилъ онъ друзьямъ — «то и дѣти мои останутся безъ наслѣдія (298).» Псковитяне любили его, но сила не соотвѣтствовала ихъ усердію: онъ предвидѣлъ, что Новогородцы не откажутся отъ древней власти надъ ними, воспользуются первымъ случаемъ смирить сихъ ослушниковъ, выгонять его или оставлять тамъ изъ милости

своимъ Намѣстникомъ. Покровительство Гедимины не могло возвратить ему Тверскаго престола: ибо сей Литовскій Князь избѣгалъ войны съ Ханомъ. Александръ могъ бы обратиться къ Великому Князю ⁽²⁹⁹⁾; но будучи имъ издавна ненавидимъ, надѣялся скорѣе умилоствовать грознаго Узбека, и послалъ къ нему юнаго сына своего, Θεодора, который (въ 1336 году) благополучно возвратился въ Россію съ Посломъ Могольскимъ. Привезенныя вѣсти были таковы что Александръ рѣшился самъ ѣхать въ Орду, и взявъ заочно благословеніе отъ Митрополита Θεогноста, отправился туда съ Боярами. Его немедленно представили Узбеку. «Царь верховный!» сказалъ онъ Хану съ видомъ покорности, но безъ робости и малодушія: «я заслу-
«жилъ гнѣвъ твой, и вручаю тебѣ мою
«судьбу. Дѣйствуй по внушенію Неба и
«собственного сердца. Милуй или казни: въ
«первомъ случаѣ прославлю Бога и твою
«милость. Хочешь ли головы моей? она
«предъ тобою ⁽³⁰⁰⁾.» Свирѣпый Ханъ смягчился, взглянулъ на него милостиво и съ удовольствіемъ объявилъ Вельможамъ своимъ, что «Князь Александръ смиренною
«мудростію избавляетъ себя отъ казни.» Узбекъ, осыпавъ его знаками благоволенія, возвратилъ ему достоинство Князя Тверскаго.

Ханъ
про-
щаетъ
Але-
ксан-
дра.

г. 1338. Александръ съ восхищеніемъ прибылъ въ свою отечественную столицу, гдѣ братья и народъ встрѣтили его съ такою же искреннею радостію. Тверь, въ 1327 году опустошенная Моголами, уже возникла изъ своего пепла трудами и попеченіемъ Константина Михайловича; разсѣянные жители собрались, и церкви, вновь украшенныя ихъ ревностію къ святынѣ, сіяли въ прежнемъ велелѣпіи. Добрый Константинъ, возстановитель сего Княженія ⁽³⁰¹⁾, охотно сдалъ правленіе старшему брату, коего безразсудная пылкость была виною столь великаго несчастія, и желалъ, чтобы онъ превосходствомъ опытнаго ума своего возвратилъ ихъ отчизнѣ знаменитость и силу, пріобрѣтенныя во дни Михайловы. Александръ призывалъ супругу и дѣтей изъ Пскова, велѣвъ объявить его добрымъ гражданамъ вѣчную благодарность за ихъ любовь, и надѣялся жить единственно для счастья подданныхъ. Но судьба готовила ему иную долю.

Благоразумный Іоаннъ — видя, что всѣ бѣдствія Россіи произошли отъ несогласія и слабости Князей — съ самаго восшествія на престолъ старался присвоить себѣ верховную власть надъ Князьями древнихъ Удѣловъ Владимірскихъ, и дѣйствительно въ томъ успѣлъ, особенно по кончинѣ Александра Васильевича Суздальскаго, ко-

ро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія, захотѣлъ независимости и первенства. Ужасать враговъ местию, питать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Татарскихъ Ордъ добровольно или отъ страха покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду, и клялся дѣлить съ ними все *горькое и сладкое* въ жизни. Но Ханъ Керайтскій, дерзнувъ обнажить мечъ на сего втораго Аттилу, лишился головы, и черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ *Темучинова гнѣва* (282). Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположенное въ девяти станахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шатрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взидало на своего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то святой пустынный, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отдаетъ Темучину всю землю, и что сей Владѣтель міра долженъ впредь именоваться *Чингисханомъ* Чингисханъ. или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы (283) южной Сибири

и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвались подданными Чингисхана. Сіи Уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Науки, художества, и сообщали грамоту всѣмъ другимъ народамъ Татарскимъ ⁽²⁸⁴⁾. Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ.

Его за-
воева-
нія.

Достигнувъ столь знаменитой степени величія, сей гордый Ханъ торжественно отрекся платить дань Монарху Ніучей и сѣверныхъ областей Китая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку ⁽²⁸⁵⁾: «Китайцы издревле «называютъ своихъ Государей *сынами Неба*; «а ты *человѣкъ* — и смертный!» Большая каменная стѣна, служащая оградой для Китая, не остановила храбрыхъ Моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ, какъ людей бесполезныхъ. Монархъ Ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города ⁽²⁸⁶⁾: Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ

знаемъ, что къ нему выѣхалъ изъ Курляндіи во Псковъ какой-то знаменитый Нѣмецъ, именемъ Доль, и сдѣлался перво-степеннымъ чиновникомъ Двора его. Сіе могло быть достаточнымъ побужденіемъ для Тверскихъ Бояръ искать службы въ Москвѣ, гдѣ они безъ сомнѣнія не старались успокоить Великаго Князя въ разсужденіи мнимыхъ или дѣйствительныхъ замысловъ несчастнаго Александра Михайловича.

Іоаннъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ оружію, ибо имѣлъ иное безопаснѣйшее средство погубить Тверскаго Князя: отправивъ юнаго сына, Андрея, къ Новгородцамъ, чтобы прекратить раздоръ съ ними, онъ спѣшилъ въ Орду и взялъ съ собою двухъ г. 1339. старшихъ сыновей, Симеона и Іоанна; представилъ ихъ величавому Узбеку какъ будущихъ надежныхъ, ревностныхъ слугъ его рода; искуснымъ образомъ льстилъ ему, сыпалъ дары, и совершенно овладѣвъ довѣренностію Хана, могъ уже смѣло приступить къ главному дѣлу, то есть, къ очерненію Тверскаго Князя. Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ описалъ его закоснѣлымъ врагомъ Моголовъ, готовымъ возмутить противъ нихъ всю Россію и новыми непріятельскими дѣйствіями изумить легковѣрное милосердіе Узбеково (305). Царь, уstraшенный опасностію, послалъ звать въ Ор-

Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ ⁽²⁸⁹⁾, которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить Пословъ Могольскихъ... Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; три noci молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во сновидѣніи обѣщалъ ему побѣду устами Епископа Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная остервененіемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ ⁽²⁹⁰⁾, но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многочисленными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротив-

латься: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть, и видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пепель. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячъ ратниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны ⁽²⁹⁾: умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Терметъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и 200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ теченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря, и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ отрядилъ двухъ знаменитыхъ Военачальниковъ, Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался, и Моголы хотѣли итти самымъ

кратчайшимъ путемъ къ Дербенту , построенному , вмѣстѣ съ Каспійскою стѣною , въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ , для защиты Государства его отъ Козаровъ ⁽²⁹²⁾. Но обманутые путеводителями Моголы зашли въ тѣсныя ущелія , и были со всѣхъ сторонъ окружены Аланами — Ясами, жителями Дагестана ⁽²⁹³⁾ — и Половцами , готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнувъ къ хитрости , отправилъ дары къ Половцамъ и велѣлъ сказать имъ , что они , будучи *единоплеменниками* Моголовъ , не должны возставать на своихъ братьевъ и дружитья съ Аланами, которые совсѣмъ иного рода. Половцы , обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ или дарами, оставили союзниковъ ; а Моголы , пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили Аланъ. Скоро главный Ханъ Половецкій , именемъ Юрій Кончаковичъ ⁽²⁹⁴⁾ , раскаялся въ своей оплошности : узнавъ , что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ , онъ хотѣлъ бѣжать въ степи ; но Моголы умертвили его и другаго Князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря , до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ ⁽²⁹⁵⁾.

Многіе Половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами , скотомъ и богатствомъ.

Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Полов-
Котянъ, тестъ Мстислава Галицкаго : сей цы бѣ-
Ханъ взволновалъ Россію вѣстію о наше- гутъ въ
ствіи Моголовъ ; дарилъ Князей вельблю- Россію.
дами, конями, буйволами, прекрасными не-
вольницами, и говорилъ : «нынѣ они взяли
«нашу землю; завтра возьмутъ вашу.» Рос-
сіяне ужаснулись, и въ изумленіи спраши-
вали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до
того времени неизвѣстные? Нѣкоторые
называли ихъ Таурменами, другіе Печенѣ- Митиіа
гами, но вообще Татарами ⁽²⁹⁶⁾. Суевѣрные о Тата-
разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 рахъ
лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный
Гедеономъ, и нѣкогда заключенный въ пу-
стыняхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ
предъ концемъ міра явиться въ Азіи, въ
Европѣ, и завоевать всю землю. Храбрый
Князь Галицкій, пылая ревностію отвѣдать
счастія съ новымъ и столь уже славнымъ Совѣтъ
врагомъ, собралъ Князей на совѣтъ въ Князей.
Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что
благоразуміе и государственная польза обя-
зываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные
Половцы, будучи оставлены ими, непре-
мѣнно соединятся съ Татарами и наведутъ
ихъ на Россію; что лучше сразиться съ
опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, не-
жели впустить его въ свои границы. Мсти-
славъ Романовичъ Кіевскій (называемый
въ лѣтописяхъ Старымъ и Добрымъ) Князь

Разбой
Литов-
скіе.

ческой Вѣры, бывшихъ въ Кореліи; грабили на берегахъ Онежскихъ, сожгли предмѣстіе Ладоги и хотѣли взять Копорье. Въ сей опасности Новгородцы увидѣли худое къ нимъ усердіе Нариманта и бесполезность оказанной ему чести: еще и прежде (въ 1335 году) — не смотря на его княженіе въ ихъ области и на родственный союзъ Іоанновъ съ Гедиминомъ — шайки Литовскихъ разбойниковъ злодѣйствовали въ предѣлахъ Торжка: за что Великій Князь приказалъ своимъ Воеводамъ сжечь въ сосѣдственной Литвѣ нѣсколько городовъ: Рясну, Осѣчень и другіе, принадлежавшіе нѣкогда къ Полоцкому Княженію ⁽³¹²⁾. Хотя сіи непріятельскія дѣйствія тѣмъ и кончились, однакожь доказывали, что дружба Гедимины съ Россіянами была только мнимая. Когда же Новгородцы, встревоженные нечаянною ратію Шведскою, потребовали Нариманта (бывшаго тогда въ Литвѣ) предводительствовать ихъ войскомъ, онъ не хотѣлъ ѣхать къ нимъ и даже вывелъ сына своего, именемъ Александра, изъ Орѣхова, оставивъ тамъ одного Намѣстника. Но Шведы имѣли болѣе дерзости, нежели силы: гордо отвергнувъ благоразумныя предложенія Новгородскаго Посадника Θεодора, ушли отъ Копорья и не могли защитить самыхъ окрестностей Выборга, гдѣ Россіяне истребили все огнемъ

и мечемъ. Скоро начальникъ сей крѣпости далъ знать Новгородцамъ, что предмѣстникъ его самъ собою началъ войну, и что Король желаетъ мира. Написали договоръ, согласный съ Орѣховскимъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ клятвенно утвержденный въ Лундѣ, гдѣ Послы Россійскіе нашли Магнуса. Они требовали еще, чтобы Шведы выдали имъ всѣхъ бѣглыхъ Кореловъ; но Магнусъ не согласился, отвѣтствуя, что сіи люди уже приняли Вѣру Латинскую, и что ихъ число весьма не велико ⁽³¹³⁾. «Корелы» — сказалъ онъ — «бываютъ обыкновенно виною раздоровъ между нами; и такъ возьмемъ строгія мѣры для отвращенія сего зла: впредь казните безъ милости нашихъ бѣглецовъ; а мы будемъ казнить вашихъ, чтобы они своими злобными наветами не мѣшали намъ жить въ согласіи.»

Окончавъ дѣло съ Шведами, Новгородцы отправили обыкновенную Ханскую дань къ Іоанну; но Великій Князь, не довольный ею, требовалъ съ нихъ еще вдвое болѣе серебра, будто бы для Узбека ⁽³¹⁴⁾. Они ссылались на договорныя грамоты и на древнія Ярославовы, по коимъ отечество ихъ было свободно отъ всякихъ чрезвычайныхъ налоговъ Княжескихъ. «Чего не бывало отъ начала міра, того и не будетъ,» отвѣтствовалъ народъ Посламъ Московскимъ: «Князь, цѣловавъ святой

Ссора
Іоанно-
ва съ
Новым-
городомъ.

«крестъ въ соблюденіи нашихъ уставовъ , дол-
женъ исполнить клятву.» Прошло нѣсколько
времени: Великій Князь ждалъ вѣстей изъ Орды.
Когда же Ханъ отпустилъ его сыновей съ че-
стію , и всѣхъ другихъ Князей съ грознымъ по-
велѣніемъ слушаться Московскаго: тогда Іоаннъ
объявилъ гнѣвъ Новугороду и вывелъ оттуда
своихъ Намѣстниковъ , думая , подобно Андрею
Боголюбскому , что время унижить гордость сего
величаваго народа и рѣшить вѣчную прю его
вольности со властію Княжескою. Къ счастію
Новгородцевъ , онъ долженъ былъ обратитъ
силы свои къ иной цѣли.

Хотя мы не видимъ по лѣтописямъ , чтобы
Князья Смоленскіе когда нибудь ѣздили въ Орду
и платили ей дань : но сему причиною то , что
повѣствователи нашихъ государственныхъ дѣя-
ній, живъ въ другихъ областяхъ , вообще рѣдко
упоминаютъ о Смоленскѣ и его происшествіяхъ.
Возможно ли, чтобы Княженіе , столь малосиль-
ное , одно въ Россіи спаслося отъ ига , когда и
Новгородъ, еще отдаленнѣйшій, долженствовалъ
повиноваться Царю Капчакскому? Въ Смоленскѣ
господствовалъ тогда Іоаннъ Александровичъ,
внукъ Глѣбовъ, съ коимъ Димитрій, Князь Брян-
скій , въ 1334 году имѣлъ войну ⁽³¹⁵⁾. Татары
помогали Димитрію ; однакожь ни въ чемъ не
успѣли, и Князья, проливъ много крови, заклю-
чили миръ. Вѣроятно, что Ханъ не участвовалъ
въ предпріятіи Димитрія, и что сему послѣднему
служила за деньги одна вольница Татарская ; но

Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли изгот-
виться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, же-
лая одинъ воспользоваться честію побѣды, не
далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи ⁽³⁰²⁾. Сіе
излишнее славолюбіе Героя столь знаменитаго
погубило наше войско: Россіяне, приведенные
въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Да-
ніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ
бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня,
чтобы утолить жажду, и тогда единственно по-
чувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ,
убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть
Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингва-
ровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Чер-
ниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; так-
же отличнаго Витязя, именемъ Александра По-
повича, и еще 70 славныхъ *богатырей* ⁽³⁰³⁾. Зем-
ля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, отъ нача-
ла своего не видала подобнаго бѣдствія: войско
прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчез-
ло; едва десятая часть его спаслася; однихъ
Кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые
друзья наши, Половцы, виновники сей войны и
сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять
ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій,
испытавъ въ первый разъ ужасное непостоян-
ство судьбы, изумленный, горестный, бросился
въ ладію, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истре-
бить всѣ суда, чтобы Татары не могли за нимъ
гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичъ; а Владиміръ
Рюриковичъ Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменистой; видѣлъ бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродниковъ*, именемъ *Плоскина* ⁽³⁰⁴⁾, служа тогда Моголамъ, отъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Остервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ станѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, трехъ Князей задушили подъ досками, и сѣли пировать на ихъ трупахъ! — Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ Моголами, которые, по извѣстію Татарскаго Историка, умышленно заманили Россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней ⁽³⁰⁵⁾.

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ Россійскаго войска до самаго Днѣпра. Жители городовъ и сель, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ

сійскихъ, отъ него независимыхъ, завидовали устройству, тишинѣ Іоанновыхъ, будучи волнуемы злодѣйствами малодушныхъ Князей или гражданъ своевольныхъ: такъ въ Козельскѣ одинъ изъ потомковъ Михаила Черниговскаго, Князь Василій Пантелеймоновичъ, умертвилъ дядю роднаго Андрея Мстиславича; такъ Владѣтель Рязанскій, Коротополь, возвращаясь изъ Орды передъ Смоленскимъ походомъ, схватилъ на дорогѣ родственника своего, Александра Михайловича Пронскаго, ѣхавшаго къ Хану съ данію, ограбилъ его и лишилъ жизни въ нынѣшней Рязани; такъ Брянцы, въ слѣдствіе мятежнаго Вѣча, умертвили (въ 1340 году) Князя Глѣба Святославича, въ самый великій для Россіянъ праздникъ, въ день Св. Николая, не смотря на всѣ благоразумныя убѣжденія бывшаго тамъ Митрополита Θεогноста ⁽³²⁰⁾.

Отмѣнная набожность, усердіе къ строенію храмовъ и милосердіе къ нищимъ не менѣе иныхъ добродѣтелей помогли Іоанну въ снисканіи любви общей. Онъ всегда носилъ съ собою мѣшокъ или *калиту*, наполненную деньгами для бѣдныхъ: отъ чего и прозванъ *Калитою* ⁽³²¹⁾. Кромѣ Собора Успенскаго, имъ построены еще каменный Архангельскій (гдѣ стояла его гробница, и гдѣ съ того времени погребали всѣхъ Князей Московскихъ), церковь Іоанна Лѣст-

Прозва-
ніе Ка-
литы.

Селенія , опустошенныя Татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра , еще дымились въ развалинахъ ; отцы , матери , друзья , оплакивали убитыхъ : но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ.

Князья южной Россіи , готовясь итти на Моголовъ, требовали помощи отъ Великаго Князя Георгія. Племянникъ его , Василько Константиновичъ , шелъ къ нимъ съ дружиною Ростовскою , и стоялъ уже близъ Чернигова ⁽³⁰⁸⁾: тамъ свѣдалъ онъ о несчастіи ихъ и возвратился къ дядѣ , благодаря Небо за спасеніе жизни и воинской чести своей. Не предвидя будущаго , Владимірцы утѣшались мыслію , что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія , претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ , могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи : долговременная слава и побѣды сего Героя возбуждали зависть. — Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета , звѣзда величины необыкновенной , и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на Западѣ , озаряя небо лучемъ блестящимъ ⁽³⁰⁹⁾. Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца ; мгла

Ужас-
ныя
пред-
знаме-
нова-
нія.

тяготила воздухъ , и птицы , къ изумленію людей , падали мертвыя на землю. Вспомнили , что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи , и что отечество наше стеноло тогда отъ враговъ иноплемennыхъ, голода и язвы.

Провидѣніе, дѣйствительно готовое иску-
ситъ Россію всѣми возможными для Госу-
дарства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ
отложило ихъ; а Россіяне какъ бы спѣши-
ли воспользоваться симъ временемъ, чтобы
свѣжую рану отечества растравить новыми
междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, Новыя
междо-
усобія. вторично
уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ Дворомъ
своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро при-
былъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ,
племянникъ Василько и шуринъ Михайлъ,
Князь Черниговскій. Они привели войско
съ собою , грозя Новгороду : ибо Великій
Князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ
чиновниковъ за ихъ своевольство. Ново-
городцы отправили къ Георгію двухъ По-
словъ и хотѣли , чтобы онъ выѣхалъ изъ
Торжка, отпустивъ къ нимъ сына ; а Вели-
кій Князь требовалъ, чтобы они выдали ему
нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ ⁽³¹⁰⁾,
и сказалъ: «я поилъ коней своихъ Твер-
цею : напою и Волховомъ.» Воспомяная
съ гордостію , что самъ Андрей Боголюб-
скій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Ново-

городцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ новыхъ Пословъ отвѣтствовали Георгію: «Князь! мы тебѣ кланяемся; но своихъ братьевъ не выдадимъ. «Дерзнешь ли на кровопролитіе? у тебя мечъ, у насъ головы: умремъ за Святую «Софію.» Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Правленіе сего Князя было мирно и счастливо. «Вся область наша» — говорятъ г. 1225. Лѣтописецъ Новгородскій — «благословляла свой жребій, не чувствуя никакой «тягости.» Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну Новгородскую и достояніе многихъ частныхъ людей ⁽³¹¹⁾: Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ Князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда Татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душою къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные Новгородцы доказывали ему, что Князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его ⁽³¹²⁾: Михаилъ на *Дворѣ Ярослава* простился съ ними, сказавъ имъ, что

Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею , а жители братьями и друзьями ; что свободная торговля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя Князей ненавистныхъ, Новгородцы давали волю добрымъ жить съ ними , иди, говоря тогдашнимъ языкомъ , *поклониться Святой Софіи*: изъявили благодарность Михаилу, отпустили его съ великою честію, и послали за Ярославомъ—Оеодоромъ.

Въ то время Литовцы, числомъ до 7000, ворвались съ наши предѣлы ; грабили область Торопецкую , Новгородскую , Смоленскую , Полоцкую ; убивали купцевъ , и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ , что сіи разбойники никогда еще не причиняли столь великаго зла Государству Россійскому ⁽³¹³⁾. Ярославъ, предводительствуя своею дружиною Княжескою , соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ , съ братомъ его , Владиміромъ Псковскимъ , и настигъ непріятеля близъ Усвята ; положилъ на мѣстѣ 2000 Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ Князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый Меченосецъ Ярославъ находились въ числѣ убитыхъ Россіянъ. Новгородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожь Ярославъ , пріѣхавъ къ нимъ и

Набѣги
Литов-
скіе.

г. 1226.

«купленные мною. Еще при жизни далъ я сыну
«Симеону изъ золота четыре цѣпи, три пояса,
«двѣ чаши, блюдо съ жемчугомъ, и два ковша,
«а серебромъ три блюда; Ивану изъ золота че-
«тыре цѣпи, два пояса съ жемчугомъ и съ ка-
«меньями, третій сердоликовый, два ковша, двѣ
«круглыя чаши, а серебромъ три блюда; Андрею
«изъ золота четыре цѣпи, поясъ Фряжскій жем-
«чужный, другой съ крюкомъ на червленомъ
«шелку, третій Ханскій, два ковша, двѣ чарки, а
«серебромъ три блюда. Золото Княгинино отдать
«я дочери Фетинѣ: четырнадцать колецъ, но-
«вый сдѣланный мною складень, ожерелье матери
«ея, *чело* и гривну; а мое собственное золото и
«коробочку золотую отказываю Княгинѣ своей
«съ меньшими дѣтьми. Изъ одеждъ моихъ на-
«значаю Симеону шубу червленую съ жемчугомъ
«и шапку золотую, Ивану желтую обьяринную
«шубу съ жемчугомъ и мантию съ бармами, Ан-
«дрею шубу соболью съ наплечками низанными
«жемчугомъ и портище алое съ нашитыми бар-
«мами; а двѣ новыя шубы, низанныя жемчугомъ,
«меньшимъ дѣтямъ, *Марь* и *Федось*. Серебря-
«ные поясы и другія одежды мои раздать Свя-
«щенникамъ, а 100 рублей, оставленныхъ мною
«у Казначей, по церквамъ. Большое серебряное
«блюдо о четырехъ кольцахъ отослать въ Храмъ
«Владимірскія Богоматери. Прочее серебро и
«Княжескія стада — кромѣ двухъ, отданныхъ
«мною Симеону и Ивану — раздѣлить моей су-
«пругѣ и дѣтямъ. Тебѣ, Симеонъ, какъ старше-

номъ безуміи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенія со стороны Церковныхъ Пастырей.

Россіяне думали, что грозно опустошивъ Финляндію, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцевъ, братьевъ, дѣтей, и пылая справедливою злобою, Финляндцы разорили селенія вокругъ Олонца и сразились съ Посадникомъ Ладожскимъ ⁽³¹⁷⁾. Ихъ было около двухъ тысячъ. Ночь прервала битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ Ижеряне и Корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ Ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ Новгородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, именемъ Судимира: Князь едва могъ спасти несчастнаго, скрывъ его въ собственной ладіи своей.

Вообще Ярославъ не пользовался любовью народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ Новгородскими чиновниками ⁽³¹⁸⁾; но Псковитяне не хотѣли принять его, думая, что сей Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ Архі-

Не лю-
бовъ къ
Яро-
славу.

епископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. «Небо свидѣтель» — говорилъ онъ — «что «я не хотѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго зла Псковитянамъ, и везъ для нихъ не оковы, а дары, «овощи и паволоки. Оскорбленная честь моя «требуется мести.» Недовольный холодностію гражданъ, Князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣскаго, и Новгородцы съ изумленіемъ увидѣли шатры его полковъ вокругъ дворца⁽³¹⁹⁾. Славянскій Конецъ также наполнился толпами сихъ ратниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и страшныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ итти противъ Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; отъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами 53½ копейки, пшеницы 89½, а пшена рубль 25 копеекъ⁽³²⁰⁾. Ярославъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Псковитяне уже заключили особенный тѣсный союзъ съ Рижскимъ Орде-номъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ такимъ отвѣтомъ: «Князь Ярославъ! кланяемся «тебѣ и друзьямъ Новгородцамъ; а братьевъ «своихъ не выдадимъ, и въ походъ неидемъ, «ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы осаждали Ко-«лыванъ (Ревель), Кесь (Венденъ) и Медвѣжью

«кожъ не уничтожаетъ древняго устава о перевозахъ и бобровыхъ рѣкахъ.» Сія харатейная грамота скрѣплена черною восковою печатію, и свидѣтельствуесть, какими гражданскими выгодами пользовались монастыри въ Россіи, согласно съ уваженіемъ нашихъ добрыхъ предковъ къ иноческому сану, и въ противность намѣренію, съ коимъ были учреждены первыя Христіанскія Обители, основанныя единственно для трудовъ душеспасительныхъ и чуждыя міру.

Наконецъ, описавъ Княженіе Іоанново, должны мы въ послѣдній разъ упомянуть о Галиціи, какъ о *Россійской* области. Внукъ Юрія Львовича, Князь Георгій, скончался около 1336 года, не оставивъ дѣтей, и Ханъ прислалъ своихъ Намѣстниковъ въ Галицію; но жители, по сказанію одного современнаго Историка ⁽³²⁹⁾, тайно умертвили ихъ, и съ дозволенія Ханскаго поддалися Болеславу, сыну Тройдена, Князя Мазовскаго, и Маріи, сестры Георгіевой, зятю Гедиминову, обязавъ его клятвою не отмѣнять ихъ уставовъ, не касаться сокровищъ государственныхъ или церковныхъ, и во всѣхъ дѣлахъ важныхъ требовать согласія народнаго или Боярскаго: безъ чего городъ Львовъ — гдѣ находилось сильное войско, составленное отчасти изъ Моголовъ, Армянъ и другихъ иностранцевъ — не хотѣлъ

Судьба
Галича.

покориться сему Князю. Но Болеславъ не сдержалъ слова. Воспитанный въ Греческомъ Исповѣданіи, онъ въ угодность Папѣ и Королю Польскому, своему родственнику, сдѣлался Католикомъ: ибо Вѣра нашего отечества, утѣсненнаго, растерзаннаго, казалась ему уже несогласною съ мірскими выгодами. Сего мало: измѣнивъ православію, Болеславъ хотѣлъ обратить и подданныхъ въ Латинскую Вѣру; сверхъ того угнеталъ ихъ налогами, окружилъ себя Нѣмцами, Ляхами, Богемцами, и слѣдуя прихотямъ гнуснаго сластолюбія, отнималъ женъ у супруговъ, дочерей у родителей. Такія злодѣянія возмутили народъ, и Болеславъ умеръ скоропостижно, отравленный столь жестокимъ ядомъ, какъ увѣряютъ Лѣтописцы, что тѣло его распалось на части. Казимиръ, своякъ Болеславовъ, умѣлъ воспользоваться симъ случаемъ и (въ 1340 году) завладѣлъ Галиціею, обѣщавъ жителямъ не тѣснить ихъ Вѣры. Львовъ, Перемышль, Галичъ, Любачевъ, Санокъ, Теремовль, Кременецъ, присягнули ему какъ законному Государю, и сокровища древнихъ Князей Галицкихъ — богатая одежда, сѣдла, сосуды, два креста золотые съ частию Животворящаго Древа и двѣ короны, осыпанныя алмазами — были отвезены изъ Львова въ Краковъ. Довольный симъ успѣхомъ, Король ограничилъ на время свое властолюбіе, и заключивъ мирный договоръ съ Литвою, уступилъ Кестутію, сыну Гедиминову, Брестъ, а Любарту, женатому на Княжнѣ Владимірской, Холмъ,

Луцкъ и Владиміръ , какъ бы законное на-
слѣдство его супруги. Такъ рушилось совер-
шенно знаменитое Княженіе или Королевство
Даніилово , и древнее достояніе Россіи , пріо-
брѣтенное оружіемъ Св. Владиміра , долго на-
зываемое *городами Червенскими* , а послѣ *Га-
lichemъ* , было раздѣлено между иноплеменни-
ками.

«вѣроломнымъ ; а мы найдемъ себѣ Князя. «Богъ по насъ : кого устрашимся?» Они клялися другъ другу быть единомышленными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ.

Проис-
шествія
въ юж-
ной
Россіи.

Доселѣ, описавъ несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи : обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвратясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ, и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастью, тамъ былъ Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, родомъ Грекъ, присланный Константинопольскимъ Патриархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ Удѣлъ Великаго Княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу (325). Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ

Главу и посредника. Сей Герой , долго называемый *Удатнымъ* или счастливымъ , провелъ остатокъ жизни въ безпокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго , онъ возненавидѣлъ-было добраго зятя своего , мужественнаго Даніила , союзника Поляковъ , и хотѣлъ отнять у него владѣніе; узнавъ же клевету Александрову , спѣшилъ примириться съ Даніиломъ , и , вопреки совѣту другихъ Князей , оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ Галицкихъ и ссора съ Королемъ Венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ Вельможъ , именемъ Жирославъ , увѣрилъ первыхъ , что Князь намѣренъ ихъ , какъ враговъ , предать на избіеніе Хану Половецкому , Котяну : они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены Духовникомъ Княжескимъ , посланнымъ доказать имъ неизмѣнное правдоушіе , милосердіе Государя , который велѣлъ обличенному во лжи , безстыдному Жирославу , только удалиться , не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ Венграми. Нареченный его зять , юный сынъ Короля Андрея , послушавъ коварныхъ наушниковъ , уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу съ жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль , Звенигородъ , Теремовль , Тихомль , и послалъ войско осадить Галичъ , боясь

самъ итти къ оному : ибо волхвы Венгерскіе, какъ говоритъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ , когда увидитъ сей городъ. Воевода Сендомирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться ; но Даніилъ , вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ Поляковъ ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ , и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть , если бы Вельможа Галицкій , Судиславъ , вопреки Даніилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій , такъ , что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія, не только выдалъ дочь свою за Королевича , но и возвелъ зятя на тронъ Галицкій , оставивъ себѣ одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику , согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ , но въ противность желанію народа , не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся , и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе, что сей юный Князь изъяслялъ отъ мѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. «Льстецы обманули меня,» говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даніиловымъ: «но если угодно Богу, то мы поправимъ сію ошиб-

Великаго Князя, окруженнаго полками Московскими, Суздальскими, Ярославскими и другими (332). Всѣ Удѣльные Князья и Бояре ихъ составляли его Дворъ воинскій. Тутъ же былъ и Митрополитъ Феогностъ. Встревоженные Новгородцы велѣли областнымъ жителямъ идти въ столицу для ея защиты; послали Архіепископа съ Боярами въ Торжекъ требовать мира; уступили Симеону всю народную дань, собираемую въ области сего пограничнаго города, или 1000 рублей серебра, и были довольны тѣмъ, что Великій Князь, слѣдуя обыкновению, грамотою обязался наблюдать ихъ древніе уставы.

Согласивъ честь Княжескую съ обычаемъ г. 1341. народа вольнаго, Симеонъ распустилъ войско, и вдругъ услышалъ, что Ольгердъ, сынъ Гедиминовъ, Князь Витебскій, осадилъ Можайскъ, съ намѣреніемъ завоевать его для Владѣтеля Смоленскаго, союзника Литвы (333). Великій Князь не успѣлъ сразиться съ непріятелемъ: Ольгердъ выжегъ предмѣстіе; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ, отступилъ, можетъ быть и для того, что въ сіе время умеръ славный Гедиминъ, отказавъ каждому изъ семи сыновей особенный Удѣлъ. Ольгердъ, второй сынъ, превосходилъ братьевъ умомъ и славолубіемъ; велъ жизнь трез-

Свой-
ства
Ольгер-
довы.

Удѣлъ Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей Князя Пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ по кончинѣ Мстислава Храбраго не присвоилъ себѣ власти надъ другими Князьями. Владиміръ Рюриковичъ вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно Митрополитъ старался прекратить сію вражду. «Такія дѣла не забываются,» говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско. Ханъ Половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ, и должныствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призывалъ Ляховъ, и съ Воеводою Сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новог.
г. 1229. городскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ

принялъ его съ восклицаніями единопдушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани, а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними Князьями ⁽³²⁷⁾. Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ — то есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился Княжескій дворецъ, и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ Новгородцамъ избрать инаго Святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархіею. Одни хотѣли имѣть Владыкою Епископа Вольнскаго, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на олтарь Св. Софїи; младенецъ, сынъ Михайловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлался Главою Новгородскаго Духовенства и попечителемъ Республики ⁽³²⁸⁾: ибо Архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея. — Михаилъ поѣхалъ въ Черни-

говъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына, Ростислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ» — сказалъ онъ гражданамъ — «чтобы вы съ честію возвратили мнѣ сына, и чтобы я могъ быть для васъ посредникомъ истины и правосудія.» Между тѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у себя Пословъ Михайловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить Новогородцевъ. Сей Князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались наконецъ въ Суздаль, гдѣ Великій Князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцемъ и Государемъ ⁽³²⁹⁾.

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ Литовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили непріятелей въ полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ стѣ—

чалъ весны : 20 Іюля Ольгердъ какъ союзникъ явился во Псковѣ съ дружиною и съ братомъ Кестутіемъ. Они думали итти въ Ливонію ; но Рыцари , истребивъ ихъ передовой отрядъ , вдругъ осадили Изборскъ , и схвативъ племянника Гедиминова, Любка, изрубили его въ куски. Огорченные смертію сего Князя , Ольгердъ и Кестутій отказались дѣйствовать для спасенія осажденныхъ , и жители , не имѣя ни капли воды , долженствовали бы сдаться , если бы Нѣмцы не отступили отъ города , испуганные , какъ вѣроятно , слухомъ о Литовской силѣ. Хотя Псковитяне не могли быть весьма довольны союзникомъ , однакожь молили Ольгерда снова принять Вѣру Христіанскую , имъ отверженную , и княжить въ ихъ областяхъ , надѣясь , что въ такомъ случаѣ онъ будетъ уже вѣрнымъ ея защитникомъ. вмѣсто себя Ольгердъ далъ имъ сына , именемъ Андрея , и позволилъ ему креститься ; но какъ сей юный Князь , оставивъ у нихъ Намѣстника , въ слѣдъ за отцемъ уѣхалъ въ Литву , то граждане для своей безопасности старались помириться съ Новымгородомъ и признали верховную власть его надъ ними.

Въ сіе время Новгородъ самъ находился въ обстоятельствахъ неблагопріятныхъ. Пожары истребили большую часть онаго: Конецъ Неревскій, Людинъ и Славянскій; не уцѣлѣли ни домъ Архіепископа , ни мостъ , ни богатая церковь: Софійская , Борисо-Глѣбская и Сорока Мучениковъ ⁽³³⁷⁾. Люди бѣжали изъ домовъ и жили внѣ

Голодъ
и моръ.

никъ, то непріатели его одерживали верхъ; дрались, жгли дома, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ наконецъ одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. «Небо» — говоритъ Лѣтописецъ — «оскорбленное сими беззаконіями, отъ коихъ Ангелы съ печалію «закрываютъ лица свои крылами, наказало «мое отечество.» Жестокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная ⁽³³²⁾: за четверть ржи платили въ Новѣгородѣ пять гривень или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубли, 65 копеекъ. Хотя жители славились богатствомъ; но сія неумѣренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый Архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался по крайней мѣрѣ уменьшить дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ челоуѣколюбиваго мужа, именемъ Станила, для скорого погребенія мертвыхъ, чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Станилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы, и въ короткое время схоронилъ ихъ 3030. Съ нетерпѣніемъ ожидали Князя: ибо онъ

далъ слово возвратиться къ нимъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для защиты ихъ областей; но Михайлъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объявить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и Посоль Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ Великому Князю Георгію, моля его, для общей пользы Государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго Князя *впроломствомъ*. «Коварныя его внушенія» — говорилъ онъ — «возбудили противъ меня Новгородцевъ.» Однакожь Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою ⁽³³³⁾.

Узнавъ о томъ, Новгородцы велѣли сказать юному Михайлову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ Главою; чтобы Ростиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ инаго Князя. Народъ избралъ новаго Посадника и Тысячскаго, разграбилъ дома и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новгородцы призывали Ярослава, который далъ имъ на Вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Пе-

реславль Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Θεодора и Александра ⁽³³⁴⁾.

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами ⁽³³⁵⁾. Бѣдныя ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самыя трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали дома гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили оныя; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствіе. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, которыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладныя псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слышать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. «Не было жалости въ людяхъ,» говоритъ Лѣтописецъ: «казалось, что ни отецъ сына, ни мать дочери не любитъ. Сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ уломить хлѣба!» Кто могъ, бѣжалъ въ инныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячъ людей.

Новгородцы весною испытали еще иное г. 1231.
бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій
обратился въ пепель; спасаясь отъ пламе-
ни, многіе жители утонули въ Волховѣ;
самая рѣка не могла служить преградою
для огня. «Новгородъ уже кончался,» по
словамъ лѣтописи (336) . . . Но великодуш-
ная дружба иноземныхъ купцевъ отвратила
сію погибель. Свѣдавъ о бѣдствіи Нового-
родцевъ, Нѣмцы изъ за-моря спѣшили къ
нимъ съ хлѣбомъ, и думая болѣе о чело-
вѣколюбіи, нежели о корысти, остановили
голодъ; скоро исчезли ужасные слѣды его,
и народъ изъявилъ живѣйшую благодар-
ность за такую услугу.

Услуга
Нѣм-
цевъ.

Михаилъ Черниговскій, не смотря на
заключенный миръ въ Владимірѣ, друже-
любно принималъ Новгородскихъ бѣгле-
цовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ
покровительство. Самъ Великій Князь Ге-
оргій оскорбился симъ криводушіемъ и вы-
ступилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ предѣ-
ламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ
дороги; но Ярославъ, предводительствуя
Новгородцами, и сыновья Константиновы
выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской
Губерніи), осаждали Мосальскъ и сдѣлали
много зла окрестнымъ жителямъ (337). Та-
кимъ образомъ древняя семейственная вра-
жда возобновилась. Бѣглецы увѣряли, что
Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ

Криво-
душіе
Михаи-
ла.

согражданъ , готовыхъ взять сторону Оль-
г. 1232. говичей : для того Князь Трубчевскій Свя-
тославъ , родственникъ Михайловъ , отпра-
вился въ Новгородъ съ дружественными
предложеніями ; но свѣдалъ противное , и
съ великимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. По-
слѣднею надеждою Новгородскихъ изгнан-
никовъ оставался Псковъ , гдѣ они дѣйстви-
тельно были приняты какъ братья. Тамъ
находился сановникъ Ярославовъ ⁽³³⁸⁾ : они
заклучили его въ цѣпи , и пылая злобою,
желали кровопролитія. Граждане стояли за
нихъ усиленно , однакожь не долго. Яро-
славъ , самъ прибывъ въ Новгородъ , не
пускалъ къ нимъ купцевъ , ни товаровъ.
Нуждаясь во многихъ вещахъ — платя за
берковецъ соли около 10 нынѣшнихъ руб-
лей серебряныхъ — Псковитяне смирились.
Ярославъ не хотѣлъ дать имъ въ Намѣст-
ники сына , юнаго Князя Θεодора , а далъ
шурина своего, Георгія ⁽³³⁹⁾ , котораго они
приняли съ радостію , выгнавъ бѣглецовъ
Новгородскихъ.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Мед-
вѣжью Голову или Оденпе , къ сыну быв-
шаго Князя Псковскаго Владиміра, именемъ
г. 1233. Ярославу ⁽³⁴⁰⁾ , и съ помощію Ливонскихъ
Рыцарей взяли Изборскъ : но Псковитяне
схватили ихъ всѣхъ и выдали Князю Ново-
городскому. Въ числѣ плѣнниковъ нахо-
дился и Ярославъ Владиміровичъ : подобно

отцу то врагъ, то союзникъ Нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ, и хотѣвъ завоевать его съ бѣглецами Новгородскими, былъ вмѣстѣ съ ними заточенъ въ Переславль Суздальскій. Чрезъ нѣсколь-
ко лѣтъ супруга его, жившая въ Оденпе, приняла смерть мученицы отъ руки злоб-
наго пасынка, и погребенная въ монастырѣ Псковскомъ Св. Іоанна, славилась въ Рос-
сіи памятію своихъ добродѣтелей и чуде-
сами (341).

Святая
Евпра-
ксія.

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было нужно для Новгородцевъ; но поражен-
ный внезапною кончиною старшаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Тео-
доръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала; Князья и Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ (342). Народъ изъяснилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечъ для защиты Новгородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленныя.

Ливонскіе Рыцари, приставъ къ Россій-
скимъ мятежникамъ и захвативъ близъ
Оденпе одного чиновника Новгородска-
го (343), дали поводъ Ярославу разорить
окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы,
требуя мира, заключили его на условіяхъ

Г. 1234.
Война
съ Нѣм-
цами и
съ Лит.
вою.

выгодныхъ для Россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть Литовцевъ, которые едва было не взяли Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ Княженіи; загналъ въ густые лѣса; взялъ въ добычу триста коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оныя не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ Князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за Литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратію Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Магистръ, старецъ Вольквинъ, положилъ голову въ битвѣ, вмѣстѣ со многими витязями Нѣмецкими и Псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ (344).

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ Князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двоюродному его

Бѣд-
ствіе
Смолен-
ска.

называться *младшимъ братомъ Новгорода*. Псковъ
«Одна любовь и Вѣра да утвердятъ искрен- братъ
«ній, вѣчный союзъ между нами!» сказали Нового-
Новгородцы Псковитянамъ : «не будемъ рода.
«давать вамъ Посадниковъ; не будемъ тре-
«бовать васъ на судъ къ Св. Софїи; правьте
«и рядите сами; а для суда Церковнаго Ар-
«хіепископъ изберетъ Намѣстника изъ ва-
«шихъ согражданъ (345).» Такимъ образомъ
отчизна Св. Ольги прїобрѣла гражданскую
независимость — и, къ сожалѣнію, заня-
нала себя чернымъ дѣломъ неблагодарно-
сти. Когда Новгородцы въ Августѣ мѣся-
цѣ приступили къ Орѣхову, и видя упор-
ство Шведовъ, рѣшились зимовать въ ста-
нѣ : Псковитяне, не захотѣвъ терпѣть не-
настья и холода, объявили, что идутъ
обратно въ землю свою, разоряемую Нѣм-
цами. Ливонскіе Рыцари дѣйствительно,
нарушивъ тогда миръ, выжгли села на гра-
ницѣ въ области Изборской, Островской,
и самое предмѣстіе Пскова : слѣдственно
обстоятельства извиняли Псковитянъ, и
Новгородцы, согласные на ихъ отступле-
ніе, желали единственно, чтобы оно было
ночью, и чтобы непріятель не видалъ его;
но чиновники Псковскіе, въ досаду велико-
душнымъ благодѣтелямъ, вывели рать свою
изъ стана въ самый полдень, затрубили въ
трубы, ударили въ бубны и тѣмъ порадо-
вали Шведовъ, которые, стоя на валу,

«служимъ брату Конрадову , а завтра будемъ
«служить самому Конраду. Можетъ ли онъ
«мститъ намъ какъ измѣнникамъ или врагамъ, и
«видѣть спокойно Ляховъ невольниками Рос-
«сіянь? Какая будетъ ему честь , если возметъ
«сей городъ? Жестокій иноплеменникъ, Даніилъ,
«присвоитъ ее себѣ одному.» Пакославъ отвѣт-
ствовалъ : «Мой и вашъ Государь расположенъ
«къ милости ; но Князь Россійскій не хочетъ о
«томъ слышать. Говорите съ нимъ сами : вотъ
«онъ!» Даніилъ снялъ шлемъ , и видя изумленіе
городскихъ чиновниковъ, которые столь неосто-
рожно его злословили , засмѣялся отъ добраго
сердца ; успокоилъ ихъ , доставилъ имъ выгод-
ный миръ и далъ клятву, что Россіяне, участвуя
въ Польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ
впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ,
съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ
поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано
въ лѣтописи , что никто изъ нашихъ древнихъ
Князей , кромѣ Святаго Владиміра , такъ далеко
не заходилъ въ землю Польскую , какъ Даніилъ.

Возвратясь въ отечество , онъ совершилъ еще
важнѣйшій подвигъ : завоевалъ Галицкую об-
ласть , плѣнилъ Королевича Андрея , и помня
старую дружбу его отца , дозволилъ ему ѣхать
въ Венгрію вмѣстѣ съ Бояриномъ Судиславомъ,
который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ
великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ ме-
талъ камнями въ сего мятежнаго Боярина , вос-
кликая : «удались , злодѣй , навѣки!» Но Судис-

славъ , нечувствительный къ великодушію Данилову , думалъ только о мести , и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына , Белу , снова завоевать Галичъ. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для Венгровъ. *Хляби небесныя* , по словамъ лѣтописи , *отверзлись на нихъ* въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою ; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою : видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника ; слыша , что Ляхи и Половцы идутъ съ Даниломъ защитить городъ; приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха , и страшась быть жертвою собственнаго упрямства , онъ спѣшилъ удалиться , гонимый Судбою и войскомъ Даниловымъ. Множество Венгровъ погубло въ Днѣстрѣ , который былъ отъ дождей въ разливѣ , такъ , что въ Галицкой землѣ осталась пословица: *Днѣстръ сыгралъ злую игру Уграмъ*. Множество ихъ пало отъ меча Россіянъ или отдалося въ плѣнъ ; другіе умирали отъ изнуренія силъ или отъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было еще далеко отъ Данила. Начались заговоры между Боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Данила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько , однажды играя съ придворными , въ

шутку обнажилъ мечъ : заговорщики въ ужасѣ, думая , что ихъ намѣреніе открылось , бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ Венгры были счастливыѣ. Городъ Ярославъ сдался имъ отъ невѣрности тамошняго Воеводы. Они приступили ко Владимиру , гдѣ начальствовалъ Бояринъ , дотолѣ извѣстный мужествомъ , имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Лѣтописца , сказалъ , что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владиміра ; но Бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія , оробѣлъ , и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ , отдалъ Бельзъ и Червень союзнику его , Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе , не чувствительные къ рѣдкому милосердію Даніила, простившаго имъ два заговора , бѣжали изъ его стана къ непріятелю и довершили торжество Венгровъ , которые заняли Галичъ , гдѣ сынъ Андреевъ , утвержденный отцемъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только въ послѣдствіи вѣроломство двухъ недостойныхъ Князей Россійскихъ. Изяславъ Владиміровичъ , внукъ Игоря

Сѣверскаго , бывъ другомъ , сдѣлался врагомъ Данилу; союзникъ же Андреевъ , Александръ Бельзскій , оставивъ Венгровъ , взялъ сторону своихъ братьевъ , чтобы снова измѣнить имъ. Наконецъ внезапная смерть Королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичъ Данилу. Бояре не дерзнули противиться: главный изъ нихъ , извѣстный мятежникъ Судиславъ , спѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы , а Князь Бельзскій , злобный Александръ , въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія , и схваченный на пути Даниловыми воинами , умеръ , какъ вѣроятно , въ неволѣ.

Данилъ могъ еще опасаться Венгровъ ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ , гдѣ онъ не ожидалъ его. вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ смиривъ хищныхъ Ятвяговъ и Литовцевъ , которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую , сей дѣятельный Князь вмѣшался въ ссору зятя своего , Михаила Черниговскаго , съ Владимиромъ Кіевскимъ. Послѣдній , желая быть его другомъ , уступилъ ему Торческъ: Данилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго , сказавъ : «за благодаренія вашего отца.» Тщетно желавъ примирить враждующихъ , онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ , и заключивъ миръ съ двоюроднымъ братомъ Михайловымъ , Мстиславомъ Глѣбовичемъ , думалъ возвратиться въ свое Княженіе; но Владимиръ , слыша о нашествіи Половцевъ , ведомыхъ

къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умолилъ Даніила итти къ нимъ на встрѣчу. Когда жъ они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. «Нѣтъ!» сказалъ Даніиль: «ты заставилъ меня «противъ воли съ дружиною утомленною искать «враговъ въ полѣ; теперъ, видя ихъ передъ собою, могу единственно или побѣдить или умереть.» Хотя Даніиль долго сражался какъ Герой, однакожь принужденъ былъ спастись бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самого Князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князя же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ ⁽³⁴⁷⁾. Первый взялъ себѣ Кіевъ; второй спѣшилъ вступить въ область Галицкую, и занялъ ея столицу, откуда горестный Даніиль, свѣдавъ новые опасные умыслы тамошнихъ Бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не стало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ, и Даніиль, поручивъ брату Васильку оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичъ, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белина коронованія ⁽³⁴⁸⁾,

велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничженіе бесполезное! Даніилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика Венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ Владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей, и плѣнилъ такъ называемыхъ Князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой Удѣлъ на Бугѣ, не далеко отъ Бреста): однакожь не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую. — Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ Ятвягами, бодрый Даніилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: отнялъ ихъ, и плѣнилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить Герцога Австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго Императоромъ Фридрихомъ: но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ Короля Бѣлы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неустомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ.

Одинъ Ярославъ Всеволодовичъ Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичъ женился на Великой Княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михайловъ, Изяславъ, недолго величался на тронѣ Кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичъ изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ Великимъ г. 1236. Княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ Россійской ⁽³⁴⁹⁾; а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ.

Великое Княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій отъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на Мордву, жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и тамъ рѣдко спасались отъ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Отроки или молодые воины Ростовской и Переславской

Война
съ Мор-
двою.

дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности ⁽³⁵⁰⁾. Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему Новугороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князья Мордовскіе были ротниками или присяжными данниками Георгія, и многіе Россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на то, что Болгары и Половцы тревожили оную. — Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестилѣтняго несогласія ⁽³⁵¹⁾: размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ Труны, или знатные люди, и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условий. Впрочемъ миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ Магометанцамъ изъяслять ненависть къ нашей Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного Христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ, и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы Россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли тѣло сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ Великій Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери ⁽³⁵²⁾.

М и р ъ
съ Бол-
гарами.

Муче-
никъ
Авра-
мій.

Послѣ несчастной Калкской битвы Рос-

Смерть
Чингис-
хана.

Его за-
вѣща-
ніе.

сіяне лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совершенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь — славную для Исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества — въ 1227 году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Октай или Угадая, старшаго сына, и предписавъ ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ ⁽³⁵³⁾: важное правило, коему слѣдовали Римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей Китайскихъ и разрушивъ Имперію Ніучей, Октай жилъ въ глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками ⁽³⁵⁴⁾; но пылая славолубіемъ и ревностію исполнить волю отца — коего прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева — новый Ханъ далъ 300,000 воиновъ Батью, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Новое
наше-
ствіе
Татаръ
или Мо-
головъ.

Уже въ 1229 году какіе-то *Саксины* — вѣроятно, единоплеменные съ Киргизами — Половцы и стража Болгарская, отъ береговъ Яика гонимые Татарами или Моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ

о нашествіи сихъ грозныхъ завоевателей ⁽³⁵⁵⁾. Еще Батый медлилъ ; наконецъ, чрезъ три года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги , не далеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепель сію Болгарскую столицу , и велѣлъ умертвить жителей. Россіяне едва имѣли г. 1237. время узнать о томъ, когда Моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области , пославъ къ нашимъ Князьямъ какую-то *жену чародѣйку* и двухъ чиновниковъ ⁽³⁵⁶⁾. Владѣтели Рязанскіе — Юрій, братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій—сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. «Если желаете мира» — говорили Послы — «то десятая часть всего вашего достоянія «да будетъ наша.» Князья отвѣтствовали Отвѣтъ
Князей. великодушно : «когда изъ насъ никого въ «живыхъ не останется, тогда все возьмите,» и велѣли Посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ ; а Князья Рязанскіе , давъ ему знать , что пришло время крѣпко стать за отечество и Вѣру, просили отъ него помощи. Но Великій Князь, надменный своимъ могуществомъ , хотѣлъ одинъ управиться съ Татарами , и съ благородною гордостію

отвергнувъ ихъ требованіе , предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія обстоятельства. «Юрій «Рязанскій, оставленный Великимъ Княземъ , послалъ сына своего , Θεодора , съ «дарами къ Батью, который, узнавъ о красотѣ жены Θεодоровой, Евпраксіи, хотѣлъ «видѣть ее ; но сей юный Князь отвѣтствовалъ ему , что Христіане не показываютъ «женъ злочестивымъ язычникамъ. Батый «велѣлъ умертвить его ; а несчастная Евпраксія, свѣдавъ о гибели любимаго супруга , вмѣстѣ съ младенцемъ своимъ, «Іоанномъ, бросилась изъ высокаго терема «на землю и лишилась жизни. Съ того времени сіе мѣсто, въ память ея, называлось Заразъ. «заразомъ или убоемъ. Отецъ Θεодоровъ, «Юрій, имѣя войско малочисленное , отважился на битву въ полѣ , гдѣ легли всѣ «витязи Рязанскіе, вмѣстѣ съ Князьями «Пронскимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. «Только одного Князя, Олега Ингворовича «Краснаго, привели живаго къ Батью , который , будучи удивленъ его красотою, «предлагалъ ему свою дружбу и Вѣру: «Олегъ съ презрѣніемъ отвергнулъ ту и «другую ; исходилъ кровію отъ многихъ «ранъ , и не боялся угрозъ , ибо не страшился смерти (357).» — Въ лѣтописяхъ со-

временныхъ нѣтъ о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестой день, Декабря 21, по утру, изготовивъ лѣстницы, Татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость; сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его ⁽³⁵⁸⁾, Бояре, народъ, были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары Батыевы распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ Монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли Іереевъ или кровію ихъ обагрjali олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепель. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль

Взятіе
Рязани.

Муже-
ство
Евпа-
тія.

отчаянія : ибо уже некому было стенать и плакать ⁽³⁵⁹⁾. На семъ ужасномъ театръ опустошенія и смерти ликовали побѣдители , снося со всѣхъ сторонъ богатую добычу. — «Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился въ слѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе. Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанскіе возстали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто они? *Слуги Князя Рязанскаго, полку Евпатіева, отвѣтствовали сіи люди: намъ вельно съ честію проводить тебя, какъ Государя знамени- таго, и какъ Россіяне обыкновенно прово- ждаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣ- лами и копьями.* Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ об- ласть Рязанскую, которая представилась

глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища : тамъ , гдѣ цвѣли города и селенія , остались единственно кучи пепла и труповъ , терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы , тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди , которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингоръ , собравъ Іереевъ , съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрія, и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Θεодора Юрьевича, нѣжной его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты , на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго ⁽³⁶⁰⁾.»

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву , весьма неравную. Знаменитый Воевода его , Еремей Глѣбовичъ , Князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей Татарскихъ ⁽³⁶¹⁾ ; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву, плѣнилъ Владиміра, втораго сына Георгіева , умертвилъ тамошняго Воеводу,

Коло-
менская
битва.

Сожже-
ніе Мо-
сквы.

Филиппа Няньку , и всѣхъ жителей. Великій Князь содрогнулся : увидѣлъ , сколь опасны сіи непріатели , и выѣхалъ изъ столицы , поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ , Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками , дѣтьми Константина , и съ малою дружиною ; расположился станомъ на берегахъ Сити , впадающей въ Мологу ; началъ собирать войско , и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ , особенно бодраго , умнаго Ярослава ⁽³⁶²⁾.

Г. 1238.
Взятіе
Владими-
ра.

2 Февраля Татары явились подъ стѣнами Владиміра : народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ , Мстиславъ и Воевода, Петръ Ослядюковичъ , ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы , съ коннымъ отрядомъ подѣхавъ къ Златымъ вратамъ , спрашивали , гдѣ Великій Князь , въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы , вмѣсто отвѣта , пустили нѣсколько стрѣлъ ; непріатели также , но кричали нашимъ : *не стрѣляйте!* и Россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича , плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. «Узнаете ли вашего Князя?» говорили Татары. Владиміра дѣйствительно трудно было узнать : столь онъ перемѣнился въ несчастіи , терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ ! Братья его и граждане не

могли удержаться отъ слезъ; однакожь не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ, въ виду. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. «Умремъ» — говорили они дружинѣ — «но умремъ съ честію и въ полѣ.» Опытный Воевода Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу⁽³⁶³⁾.

Батый немедленно отрядилъ часть войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопротивляться: взявъ его, Татары по своему обыкновенію истребили жителей, но кромѣ молодыхъ Иноковъ, Инокинъ и церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ⁽³⁶⁴⁾. Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣстницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и многіе чиновники собрались въ храмъ Богоматери, и требовали, чтобы Епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ Схиму или въ Великій Образъ Ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россіяне простились съ миромъ, съ жизнію, но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасе-

манія могла также способствовать успѣху гражданскихъ искусствъ въ нашемъ отечествѣ. Замѣтимъ, что при Симеонѣ начали употреблять въ Россіи бумагу, на коей писанъ договоръ его съ братьями и духовное завѣщаніе ⁽³⁷³⁾. Вѣроятно, что она шла къ намъ изъ Нѣмецкой земли чрезъ Новгородъ.

ГЛАВА XI.

Великій Князь Іоаннъ II Іоанновичъ.

Г. 1353—1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олега. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новѣгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Алексія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣщаніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдавскаго и Волошскаго.

Всѣ Князья Россійскіе поѣхали въ Орду, Г. 1353-1355.
узнать, кто будетъ ихъ Главою; а Нового-
родцы особенно послали туда Боярина свое-
го Судокова, просить Хана, чтобы онъ удо-
стоилъ сей чести Константина Суздаль-
скаго, благоразумнаго и твердаго ⁽³⁷⁴⁾. Во-
преки имъ, Чанибекъ избралъ Іоанна Іоан-
новича Московскаго, тихаго, миролюбиваго
и слабаго.

Харак-
теръ
Велик.
Князя.

Еще новый Государь не возвратился изъ Орды, когда юный Олегъ Рязанскій, сынъ Коротопола, овладѣвъ всѣмъ Княженіемъ своего отца, дерзнулъ возстать на Московское. Онъ хотѣлъ быть совершенно неза-
висимымъ; хотѣлъ также отмстить за убіе-
ніе въ Москвѣ предка его, Константина, и
снова присоединить къ Рязани берега Ло-

Герой
Василь-
ко.

гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго «Батыя!» говорили ему Татары. «Лютые «кровопійцы, враги моего отечества и Христа, не могутъ быть мнѣ друзьями,» отвѣтствовалъ Василько : «о темное царство! «есть Богъ, и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній (366).» Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости : великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. — Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между тѣмъ Ростовскій Епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для Россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по Княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные остатки знаменитаго Князя и положилъ въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и тѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго Священника: вдовствующая Княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, Епископъ и народъ встрѣтили оное со слезами. Сей Князь

былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодарность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхожденіи съ Боярами. «Кто служилъ ему,» говорятъ они: «кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть слугою инаго Князя.» Тѣло Василька заключили въ одной ракъ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову Великаго Князя.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новугороду, и взявъ Волокъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что Новогородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякой думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, Бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли наконецъ Торжекъ и не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться ⁽³⁶⁷⁾. Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ Лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже Батый нахо-

5 Мар-
та.

Спасе-
ніе Но-

ваго-
рода.

гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ — испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края — къ радостному изумленію тамошнихъ жителей обратился назадъ къ Козельску (въ Губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незначимый, имѣлъ тогда особеннаго Князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василя, отъ племени Князей Черниговскихъ ⁽³⁶⁸⁾. Дружина его и народъ совѣтовались между собою, что дѣлать. «Нашъ Князь младе-
«нецъ,» говорили они: «но мы, какъ вѣр-
«ные Россіяне, должны за него умереть,
«чтобы въ мірѣ оставить по себѣ добрую
«славу, а за гробомъ принять вѣнецъ без-
Осада Козельска. «смертія.» Сказали и сдѣлали. Татары семь недѣль стояли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами, и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія Татарскія, и положивъ 4000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ Злымъ городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ! Юный Князь Василій пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ утонулъ въ крови.

Батый , какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю Половецкую , къ Дону , и братъ Георгіевъ , Ярославъ — въ надеждѣ , что буря миновалась — спѣшилъ изъ Кіева ⁽³⁶⁹⁾ въ Владиміръ принять достоинство Великаго Князя.

Отше-
ствіе
Батые-
во.

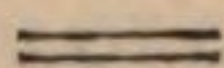
КОНЕЦЪ III ТОМА.

Дѣйст-
віе ду-
ховной
власти
въ Но-
вѣгоро-
дѣ.

ла отмстить Славянской: обѣ готовились къ войнѣ. Въ такихъ случаяхъ одна духовная власть еще не теряла правъ своихъ и могла смягчать сердца ожесточенныя злобою. Владыка Моисей, Схимникъ, прозьбою народа изведенный изъ двадцатилѣтняго уединенія, чтобы вторично править Церковію, и за болѣзнію принужденный возвратиться въ оное; новый Архіепископъ Алексій, по жребію избранный изъ Ключниковъ Софійскихъ; Архимандритъ Юрьевскій, Игумены явились среди шумнаго стана воинскаго: ибо таковымъ казался весь городъ. Старецъ Моисей, опасностію отечества какъ бы вызванный уже изъ гроба, благословлялъ народъ, именуя всѣхъ своими любезными дѣтьми духовными, и молилъ ихъ не проливать крови братьевъ. Мятежъ утихъ; самые неистовые съ умиленіемъ внимали гласу святаго отшельника, стоявшаго на прагѣ смерти, и не дерзнули быть ослушными. Но справедливость требовала наказать виновниковъ дѣйствія насильственнаго и незаконнаго: села честолюбиваго Сильвестра и другихъ Вельможъ Славянскаго Конца были *взяты на щитъ*, то есть, разорены по опредѣленію Вѣча. Пострадали и невинные: ибо осторожная разсмотрительность не свойственна мятежному суду народному. На мѣсто Сильвестра

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ ІІІ.

ГЛАВА І.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ,

Г. 1169—1174.

Стр.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгаты или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки . .

ство къ Греческому Царю и къ Патріарху жаловаться на незаконное самовластіе Митрополита: вѣроятно, что дѣло шло о церковныхъ сборахъ, коими наши Митрополиты отягчали Духовенство, называя оныя учтивымъ именемъ даровъ (382). Послы, принятые весьма благосклонно, возвратились съ дружественными грамотами отъ Императора Іоанна Кантакузина, и Патріарха Филоѳея, украшенными *златою печатію*, какъ сказано въ лѣтописи. Содержаніе грамотъ намъ неизвѣстно; но кажется, что Филоѳеѣй, какъ хитрый Грекъ, отдѣлался только ласковыми словами: ибо не хотѣлъ ссориться съ Россійскими Митрополитами, которые никогда не ѣздили въ Царьградъ безъ даровъ богатыхъ. Въ знакъ особеннаго уваженія къ Святителю Моисею онъ прислалъ ему *крещатыя ризы или Полиставріонъ*.

Сія жалоба Новгородскаго Духовенства на Главу Церкви — вынужденная сребролюбіемъ предмѣстника Алексіева, Θεογνόста — оскорбляла достоинство Митрополитовъ. Другое происшествіе сдѣлало еще болѣе соблазна. Патріархъ Филоѳеѣй, вмѣсто одного законнаго Митрополита для Россіи, поставилъ въ Константинополѣ двухъ: Св. Алексія, избраннаго Великимъ Княземъ, и какого-то Романа (вѣроятно, Грека). Сія новость изумила наше Духовенство; оно не знало, кому повиноваться, ибо Митрополиты были не согласны между собою (383): Романъ же, обязанный Святительствомъ дѣйствию

Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Военскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфімія за Греческимъ Царевичемъ. Пиръ въ Кіевѣ. Миротлюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятѣжный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романа. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Сѣверскіе Князья господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятѣжи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ.

«віе моею супругѣ (384)!» Св. Алексій поѣхалъ въ Орду съ надеждою на Бога, и не обманулся: Тайдула выздоровѣла, и старалась всячески изъяснить свою благодарность. Въ сіе время Ханскій Посолъ Кошакъ обременялъ Россійскихъ Князей незаконными налогами: милость Царицы прекратила зло; но добрый Чанибекъ — какъ называютъ его наши Лѣтописцы — жилъ не долго. Завоевавъ въ Персіи городъ Таврисъ (основанный любимою супругою славнаго Калифа, Гарунъ-Алрашида, Зебеидою) и навявучивъ 400 вельблюдовъ взятыми въ добычу драгоценностями, сей Ханъ былъ (въ 1357 году) злодѣйски убитъ сыномъ Бердибекомъ, который, слѣдуя внушеніямъ Вельможи Товлубія, умертвилъ и 12 братьевъ. Митрополитъ, очевидецъ столь ужаснаго происшествія, едва успѣлъ возвратиться въ Москву, когда Бердибекъ прислалъ Вельможу Иткара съ угрозами и съ насильственными требованіями ко всѣмъ Князьямъ Россійскимъ. Они трепетали, слыша о жестокомъ нравѣ его: Св. Алексій взялъ на себя укротить сего тигра; снова поѣхалъ въ столицу Капчакскую и посредствомъ матери Бердибековой, Тайдулы, исходатайствовалъ милость для Государства и Церкви. Великій Князь, его семейство, Бояре, народъ, встрѣтили добродѣтельнаго Митрополита какъ утѣшителя Небеснаго, и — что было всего трогательнѣе — осмилѣтній сынъ Іоанновъ, Димитрій, въ коемъ разцвѣтала надежда отечества, умиленный знаками всеобщей любви

къ Алексію, проливая слезы, говорилъ ему съ необыкновенною для своего нѣжнаго возраста силою: «о Владыко! ты даровалъ *«намъ житіе мирное: чѣмъ изъявимъ тебѣ свою признательность?»* Столь рано открылась въ Димитріи чувствительность къ заслугамъ и къ благодареніямъ государственнымъ! — Успокоивъ Россію, Митрополитъ жилъ два года въ Кіевѣ, оставленномъ его предмѣстниками, среди развалинъ и печальныхъ слѣдовъ долговременнаго запустѣнія стараясь обновить церковное устройство и велелѣпіе храмовъ.

Слова
юнаго
Димитрія.

Іоаннъ надѣялся княжить мирно; но скоро Царевичъ Татарскій, Мамать-Хожа, пріѣхалъ въ Рязань и велѣлъ объявить ему, что время утвердить законный рубежъ между Княженіемъ Олеговымъ и Московскимъ: то есть, корыстолюбивый Царевичъ, уже славный злодѣянніями насилія, хотѣлъ грабить въ обѣихъ земляхъ подъ видомъ размежеванія оныхъ. Великій Князь, ссылаясь на грамоты Ханскія, отвѣтствовалъ, что онъ не впуститъ Посла въ Московскія области, коихъ границы извѣстны и несомнительны. Отвѣтъ смѣлый; но Іоаннъ зналъ, что Мамать-Хожа дѣйствуетъ самовольно, безъ особеннаго Ханскаго повелѣнія; зналъ, можетъ быть, и то, что Бердибекъ уже недоволенъ симъ Вельможею, который скоро долженствовалъ

вою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы.
Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Муче-
никъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣ-
щаніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ.
Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Муже-
ство Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Мо-
сквы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ
городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спа-
сеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе
Батыево

231

саблю и шишакъ , жемчужную сергу , станъ Цареградскій , а двумъ будущимъ зятьямъ по золотой цѣпи и поясу ; отказываетъ , вмѣсто *руги* , нѣкоторую долю Княжескихъ прибитковъ церквамъ Богоматери на Крутицахъ , Успенской и Архангельской въ Москвѣ ; даетъ волю Казначеймъ своимъ , сельскимъ Тиунамъ , Дьякамъ , всѣмъ купленнымъ людямъ , и проч.

Достопамятнымъ случаемъ Іоанновыхъ время , связаннымъ съ нашею Исторіею , было происхожденіе нынѣшней Молдавской области , гдѣ въ теченіе семи вѣковъ , отъ третьяго до десятаго , толпились полудикіе народы Азіи и Европы , изгоняя другъ друга и стремясь грабить Имперію Греческую.

Начало
Княже-
ства
Молдав-
скаго и
Волош-
скаго.

Несторъ говоритъ , что Славяне Россійскіе , Лутичи и Тивирцы , издавна жили по Днѣстру до самаго моря и Дуная , имѣя селенія и *города*. Князья Галицкіе во XII вѣкѣ безъ сомнѣнія владѣли частію Бессарабіи и Молдавіи , гдѣ обитали тогда , подъ именемъ Волоховъ , остатки древнихъ Гетовъ , смѣшенныхъ съ Римскими поселенцами перваго столѣтія , также нѣкоторые Печенѣги и Половцы. Замѣтимъ еще , что въ Россійской Географіи XIV вѣка именуются Бѣлгородъ (или Акерманъ) , Романовъ , Сучава , Сереть , Хотинъ , въ числѣ *нашихъ старинныхъ городовъ* ⁽³⁸⁷⁾. Паденіе Галиц-

каго Княженія оставило Молдавію въ жертву Татарамъ, и сія земля, граждански образованная Россіянами, снова обратилась въ печальную степь: города и селенія опустѣли. Когда же Моголы, уstraшенные счастливымъ оружіемъ Людовика Венгерскаго, около половины XIV вѣка удалились отъ Дуная: тогда Волохи, предводимые Богданомъ или Драгошемъ ⁽³⁸⁸⁾, живъ прежде въ Венгріи, въ Мармаросскомъ Графствѣ, явились на берегахъ Прута, нашли тамъ еще многихъ *Россіянъ* и поселились между ими на рѣкѣ *Молдавѣ*; сперва угождали имъ и сообразовались съ ихъ гражданскими обычаями, для своей безопасности; наконецъ же сіи гости столь размножились, что вытѣснили хозяевъ, и возобновивъ древніе наши города, составили особенную независимую Державу, названную *Молдавіею*, коею управляли наслѣдники Богдановы подъ именемъ Воеводъ, и гдѣ языкъ нашъ до самаго XVII вѣка былъ не только церковнымъ, но и судебнымъ, какъ-то свидѣлствуютъ подлинныя грамоты Молдавскихъ Господарей ⁽³⁸⁹⁾. Такимъ же образомъ произошло и Княженіе Волошское, но еще ранѣе: Нигеръ, если вѣрить преданію, во XII или въ XIII столѣтіи вышедши изъ Трансильваніи со многими своими единоплеменниками, Волохами, основалъ Терговисто, Бухарестъ, и властвовалъ тамъ до конца жизни; преемниками его были другіе, избираемые народомъ Воеводы, которые зави-

сѣли иногда отъ сильныхъ Государей Венгерскихъ ⁽³⁹⁰⁾.

ГЛАВА XII.

Великій Князь Димитрій Константиновичъ.

Г. 1359 — 1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры. Наслѣдственное право. Приобрѣтенія Ольгердовы. Мятежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Москва удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій.

Въ одно время съ Великимъ Княземъ г. 1359. Іоанномъ Іоанновичемъ умеръ и Ханъ Бердибекъ, бывъ жертвою своего гнуснаго распутства, и Кульпа, родственникъ его, воцарился, имѣя двухъ сыновей Христіанской Вѣры, Іоанна и Михаила, обращенныхъ, можетъ быть, Римскими Миссіонаріями или нашимъ Епископомъ Сарайскимъ ⁽³⁹¹⁾. Сіе важное обстоятельство казалось весьма благопріятнымъ для Христіанъ; но Кульпа властвовалъ только 5 мѣсяцевъ, и погибъ вмѣстѣ съ сыновьями, убитый Наврусомъ, однимъ изъ потомковъ Чингисова сына, Туши-Хана. Князья Россіи явились въ Ордѣ съ дарами, и новый

Царевичи Могольскіе Христіанской Вѣры.

г. 1360-
1361.

Наслѣд-
ствен-
ное пра-
во.

Царь далъ Великое Княженіе Димитрію Суздальскому, меньшему брату Андрея Константиновича : ибо Андрей, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ , не захотѣлъ сей чести⁽³⁹²⁾. Современники удивились такой несправедливости, рассуждая, что сынъ, и еще меньшій, не можетъ требовать достоинства, коего не имѣли ни отецъ, ни дѣдъ его, и что оно принадлежитъ роду Князей Московскихъ : мнѣніе основанное единственно на обычаѣ; въ самомъ же дѣлѣ Андрей и Димитрій Константиновичи были колѣномъ ближе къ Ярославу II, нежели внуки Калитины, и малолѣтство послѣднихъ также удаляло ихъ отъ главнаго престола Россійскаго, окруженнаго опасностями и заботами.

22 Ію-
ня.

Избранный Ханомъ Великій Князь вѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію жителей обѣщая снова возвысить достоинство сей падшей столицы. Онъ надѣялся, какъ вѣроятно, перезвать туда и митрополита; но Алексій, благословивъ его на Княженіе, возвратился въ Москву, чтобы исполнить обѣтъ Святителя Петра, и жить близъ его чудотворнаго гроба⁽³⁹³⁾. — Новгородъ, не любя и боясь самовластія Князей Московскихъ, охотно принялъ Намѣстниковъ Димитрія Константиновича; а Димитрій, желая только пользоваться Княжескими доходами, согласился на всѣ предложенныя

ему тамъ условія (³⁹⁴). — Въ сіе время Новогородцы не имѣли войны, однакожь старались болѣе и болѣе укрѣплять столицу: взяли казну Софійскую, собранную Архіепископомъ Моисеемъ, и поправили каменные городскія стѣны. Духовенство не роптало на такое употребленіе церковнаго серебра, разсуждая благоразумно, что отечество и Святая Софія нераздѣльны, и что безопасность перваго утверждаетъ благосостояніе Церкви. Нѣмцы и Шведы не тревожили Новагорода; но хищный Ольгердъ устрашалъ его и всю Россію, непрестанно думая о завоеваніяхъ. По кончинѣ Пріобрѣтенія Ольгердовы. Іоанна Александровича Смоленскаго онъ взялъ городъ Мстиславль и Ржевъ; овладѣлъ еще прежде Бѣлымъ, осаждалъ даже въ Смоленскѣ Іоаннова сына, Князя Святослава, и беспокоилъ Тверскую область (³⁹⁵). Россія, съ тайнымъ удовольствіемъ видя междоусобіе Моголовъ, въ то же время опасалась быть жертвою Литовскаго завоевателя.

Царство Капчакское явно клонилось къ паденію: смятеніе, измѣны, убійства изнуряли его внутреннія силы. Одинъ изъ Полководцевъ, именемъ Хидырь, кочевавъ за Мятежъ въ Орды. рѣкою Ураломъ, пришелъ на берега Волги, обольстил Вельможъ Ординскихъ, убилъ Навруса, Царицу Тайдулу, и сдѣлался Великимъ Ханомъ (³⁹⁶). Еще Князья наши

рабски повиновались симъ хищникамъ: Константинъ Ростовскій выходилъ въ Ордѣ грамоту на всю наследственную область свою, а Димитрій Іоанновичъ, внукъ Давида Галицкаго, на *Галичь*, хотя сей Удѣлъ былъ купленъ Іоанномъ Даніиловичемъ Калитою. Великій Князь, братъ его Андрей Нижегородскій и Константинъ Ростовскій должныствовали предъ Ханскимъ Посломъ судиться въ Костромѣ съ Болгарами, ограбленными шайкою нашихъ разбойниковъ: Князя, отыскавъ виновныхъ, выдали ихъ и сами поѣхали въ Орду съ данію. Но Хидырь уже плавалъ въ крови своей, убіенный сыномъ Темирхожею. Сей злодѣй царствовалъ спокойно только шесть дней; въ седьмой открылся бунтъ: Темникъ Мамай, сильный и грозный, возмутилъ Орду, умертвилъ Темирхожу, перешелъ съ луговой на правую сторону Волги и назвался Ханомъ какого-то Авдула. Явились и другіе Цари: Кальдибекъ, мнимый сынъ Чанибековъ, хотѣлъ заступитъ мѣсто отца, но скоро погибъ; многіе Вельможи заключились въ Сараѣ съ Ханомъ Мурутомъ, братомъ Хидыревымъ; Князь Булактеміръ овладѣлъ землею Болгарскою, а Тагай Бездежскій Мордовскою (гдѣ нынѣ городъ Наровчатъ). Они рѣзались между собою въ ужасномъ остервененіи; тысячи падали въ битвахъ или гибли въ степяхъ отъ голо-

Судъ
Князей
съ Бол-
гарами.

г. 1361.

да. — Князья наши не знали, кто останется повелителемъ или тираномъ Россіи, и спѣшили удалиться отъ театра убійствъ; нѣкоторые были ограблены въ столицѣ Ханской, другіе на возвратномъ пути, и едва спасли жизнь свою.

Юный Димитрій Іоанновичъ Московскій также находился въ Ордѣ, но успѣлъ выѣхать оттуда еще до Хидыревой смерти и мятежа. Мать, вдовствующая Княгиня Александра, Митрополитъ Алексій и вѣрные Бояре пеклись о благѣ отечества и Государя: дѣйствуя по ихъ внушеніямъ, сей отрокъ объявилъ себя тогда соперникомъ Димитрія Суздальскаго въ достоинствѣ Великокняжескомъ, и звалъ его на Ханскій г. 1362. судъ, чтобы рѣшить дѣло безъ кровопролитія. Царство Капчакское уже раздѣлилось; но кто господствовалъ въ Сараѣ, тотъ казался еще законнымъ Ханомъ Орды, и Бояре Московскіе вмѣстѣ съ Суздальскими отправились къ Муруту. Вѣроятно, что сія честь удивила его: угрожаемый со всѣхъ сторонъ опасностями, тѣснимый свирѣпымъ Мамаемъ, и будучи на тронѣ Батыевомъ только призракомъ могущества, имѣлъ ли онъ право располагать иными Державами? Однакожь, представляя лице древнихъ Хановъ, Мурутъ судилъ Пословъ, и призналъ малолѣтнаго Димитрія Іоанновича Главою Князей Россійскихъ, для того,

Москва
удержи-
ваетъ
право
Велика-
го Кня-
женія.

какъ вѣроятно, что соединяя знаменитую Московскую Державу съ областями Великаго Княженія, надѣялся воспользоваться его силами для утвержденія собственнаго престола.

Но какъ сей Ханъ могъ послать только грамоту, а не войско въ Россію, то Князь Суздальскій не уважилъ его суда и не хотѣлъ выѣхать ни изъ Владиміра, ни изъ Переславля Залѣскаго. Надлежало прибѣгнуть къ оружію. Всѣ Бояре Московскіе, одушевленные ревностію, сѣли на коней, и выступили подъ начальствомъ трехъ юныхъ Князей, Дмитрія Іоанновича, меньшаго брата его и Владиміра Андреевича⁽³⁹⁷⁾. Бывшій Великій Князь не ожидалъ того: по крайней мѣрѣ не дерзнулъ обнажить меча, и бѣжалъ въ Суздаль; а Дмитрій Московскій занялъ Переславль, съ обыкновенными обрядами сѣлъ на тронъ Андрея Боголюбскаго въ Владимірѣ, жилъ тамъ нѣсколько дней, и возвратясь въ Москву, распустилъ войско: ибо не думалъ гнать своего предмѣстника, оставивъ его спокойно княжить въ Удѣлѣ наслѣдственномъ.

Отрокъ
Димитрій.

Такимъ образомъ слабая рука двѣнадцати-лѣтняго отрока взяла кормило Государства раздробленнаго, тѣснимаго извнѣ, возмущаемаго междоусобіемъ внутри. Іоаннъ Калита и Симеонъ Гордый начали спасительное дѣло Единодержавія: Іоаннъ Іоан-

новичъ и Димитрій Суздальскій остановили успѣхи онаго , и снова дали частнымъ Владѣтелямъ надежду быть независимыми отъ престола Великокняжескаго. Надлежало поправить разстроенное сими двумя Князьями и дѣйствовать съ тѣмъ осторожнымъ благоразуміемъ , съ тою смѣлою рѣшительностію , коими не многіе Государи славятся въ Исторіи. Природа одарила внука Калитина важными достоинствами; но требовалось не мало времени для приведенія ихъ въ зрѣлость, и Государство успѣло бы между тѣмъ погибнуть, если бы Провидѣніе не даровало Димитрію пѣстуновъ и совѣтниковъ мудрыхъ, воспитавшихъ и юнаго Князя и величіе Россіи.

К О Н Е Ц Ъ IV Т О М А .

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ТОМЪ IV.

ГЛАВА I.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Г. 1238—1247.

Стр.

Бодрость Ярослава. Свойства Георгія. Освобожденіе
Смоленска. Междоусобія. Батый опустошаетъ
южную Россію. Красота Кіева. Великодушіе
гражданъ. Осада и взятіе Кіева. Состояніе Рос-
сіи. Причина успѣховъ Батыевыхъ. Свойства и
оружіе Моголовъ. Происшествія въ западной
Россіи. Спесь Венгерскаго Короля. Слава Але-
ксандра Невскаго. Россія въ подданствѣ Мого-
ловъ. Кончина и свойства Ярослава. Убіеніе
Михаила. Данилъ честимый въ Ордѣ. Любо-
пытныя извѣстія о Россіи и Татарахъ. Поли-
тика Данилова. Данилъ Король Галицкій . .

ГЛАВА II.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВЪ ВСЕВОЛОДОВИЧЪ , АНДРЕЙ ЯРОСЛАВИЧЪ И АЛЕКСАНДРЪ НЕВСКІЙ.

(Одинъ послѣ другаго.)

Г. 1247—1263.

Стр.

Александръ въ Ордѣ. Князь Московскій убитъ Литвою. Дряхлость Батыева. Посольство изъ Рима. Болѣзнь Александрова. Посольство въ Норвегію. Бѣгство Андреево. Благоразуміе Александра. Вѣтреность Новгородцевъ. Смерть Батыева. Исчисленіе жителей въ Россіи. Казнь Бояръ. Покушеніе Даниилово свергнуть иго. Откупщики Бесерменскіе. Кончина и добродѣтели Александровы. Выходцы изъ чужихъ земель. Мятежи въ Ордѣ.

64

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ЯРОСЛАВЪ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Г. 1263—1272.

Древнѣйшая грамота Новгородская. Бракъ Ярославовъ. Мятежи въ Литвѣ. Война въ Ливоніи. Баскаки. Упреки Великому Князю. Миръ Новгородцевъ съ Ярославомъ. Татары принимаютъ Вѣру Магометову. Кончина Ярослава. Перемѣны въ Удѣлахъ. Князь Θεодоръ зять Хановъ. Смерть и добродѣтели Короля Даниила. Происшествія въ западной Россіи. Основаніе Кафы. Городъ Крымъ.

94

ГЛАВА IV.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ЯРОСЛАВИЧЪ.

Г. 1272—1276.

Стр.

Споръ о Новгородскомъ Княженіи. Моголы идутъ
на Литву. Пруссы въ Слонимѣ и въ Гроднѣ.
Кончина Василія. Соборъ 120

ГЛАВА V.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Г. 1276—1294.

Состояніе Россіи. Россіяне въ Дагестанѣ. Копорье.
Ссора Князей Ростовскихъ. Междоусобіе въ
Великомъ Княженіи. Бѣдствіе Курской области.
Независимость Тверскаго Княженія. Опустоше-
ніе Россіи. Кончина Димитріева. Неустройства
въ Новѣгородѣ. Дѣла съ Нѣмцами и Шведами.
Набѣги Литвы. Дѣла съ Польшею. Кончина
Кн. Владиміра Волынскаго. Добродѣтели Ки-
рилла Митрополита. Смерть Ногаева 127

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Г. 1294—1304.

Браки. Свойства Андреевы. Судъ Князей. Сеймы
Княжескіе. Москва усиливается. Смѣлость Рос-
сіянъ. Смерть Давіила Московскаго. Междоусо-
бія въ Княженіяхъ. Война съ Орденомъ Ливон-
скимъ. Кончина и слава Довмонтова. Ландс-
крона. Миръ съ Давіею. Смерть Андреева.

Ист. Кар. Т. IV.

27

	Стр.
Разныя бѣдствія. Митрополиты въ Владимірѣ.	
Кончина Льва Галицкаго. Двинская грамота. .	156

ГЛАВА VII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ЯРОСЛАВИЧЬ.

Г. 1304—1319.

Споръ о Великомъ Княженіи. Злодѣйство Князя Московскаго. Дѣла Новгородскія. Узбеки. Мужество Новгородцевъ. Георгій зять Хановъ. Умѣренность и добродушіе Михаила. Побѣда надъ Татарами. Судъ въ Ордѣ. Пышная забава Ханская. Великодушная кончина Михайлова. Городъ Маджары. Разбои Моголовъ. Петръ Митрополитъ. Ярлыкъ Ханскій. Разныя бѣдствія.	171
---	-----

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЯ ГЕОРГІЙ ДАНИЛОВИЧЬ, ДИМИТРІЙ
И АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧИ.

(Одинъ послѣ другаго.)

Г. 1319—1328.

Горестъ Тверитянъ. Рубли. Война съ Шведами. Дѣла съ Нѣмцами Ливонскими. Миръ съ Шведами въ Орѣховѣ. Князья Устюжскіе. Убіеніе Георгія и Димитрія. Истребленіе Моголовъ въ Твери. Мщеніе Ханское. Казнь Рязанскаго Князя. Литовцы завоеватели. Сомнительное повѣстованіе Стриковскаго. Судьба южной и западной Россіи. Послѣдній Князь Галицкій. Характеръ Гедимана	197
--	-----

ГЛАВА IX.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ ДАНИЛОВИЧЪ, ПРОЗВА-
НІЕМЪ КАЛИТА.

Г. 1328—1340.

Стр.

Сѣверная Россія отдыхаетъ. Москва глава Россіи.
Предсказаніе Митрополита. Милость Хана къ
Іоанну. Великодушіе Псковитянъ. Особенный
Епископъ во Псковѣ. Происшествія Новгород-
скія. Закамское серебро. Политика Новагорода.
Ханъ прощаетъ Александра. Іоаннъ повелѣваетъ
Князьями. Несчастіе Александра. Миръ съ Нор-
вегіею. Непріязнь Шведовъ. Разбои Литовскіе.
Ссора Іоаннова съ Новымгородомъ. Походъ къ
Смоленску. Кончина и достоинства Іоанновы.
Прозваніе Калиты. Кремникъ. Торгъ на Моголѣ.
Завѣщаніе Великаго Князя. Ярославская грамо-
та. Судьба Галича. 218

ГЛАВА X.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ СИМЕОНЪ ІОАННОВИЧЪ, ПРОЗВАНІЕМЪ
ГОРДЫЙ.

Г. 1340—1353.

Корыстолюбіе Моголовъ. Твердость Симеона Гор-
даго. Свойства Ольгердовы. Сношенія Папы съ
Ордою. Убіеніе Коротопола. Дѣла Псковскія и
Новгородскія. Постыдное дѣло Новгородцевъ.
Война съ Магнусомъ. Псковъ братъ Новагорода.
Хитрость Ольгердова. Браки. Раздѣлъ Западной
Россіи. Ссора Псковитянъ съ Литвою. Ольгердъ
миротворецъ. Черная смерть. Земный рай. Бѣ-

лый Клобукъ. Кончина Симеона. Великій Князь всей Руси. Привидѣніе. Завѣщаніе. Св. Але- ксій. Ссоры Удѣльныхъ Князей. Обновленіе Му- рома. Начало Троицкой Лавры. Художества въ Россіи	256
---	-----

ГЛАВА XI.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ІОАННЪ II ІОАННОВИЧЪ.

Г. 1353—1359.

Характеръ Великаго Князя. Жестокость Олега. Властолюбіе Ольгерда. Междоусобія. Дѣйствія духовной власти въ Новгородѣ. Убійство въ Москвѣ. Дѣла церковныя. Добродѣтели Св. Але- ксія. Слова юнаго Димитрія. Смерть и завѣща- ніе Великаго Князя. Начало Княжества Молдав- скаго и Волошскаго	289
---	-----

ГЛАВА XII.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ДИМИТРІЙ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

Г. 1359—1362.

Царевичи Могольскіе Христіанской вѣры. Наслѣд- ственное право. Приобрѣтенія Ольгердовы. Мя- тежи въ Ордѣ. Судъ Князей съ Болгарами. Мо- сква удерживаетъ право Великаго Княженія. Отрокъ Димитрій	303
---	-----

20 97

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenija Karamzina Istorija gosudarstva rossijskago

Bd.: 3

Sanktpeterburg' 1851

P.o.rel. 3470-13,3/4

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10036454-2